

Дмитрий Емец
Дракончик Пыхалка
Серия «Дракончик Пыхалка», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177005
Дракончик Пыхалка : повесть / Дмитрий Емец. : Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-29188-5

Аннотация

Однажды в квартире обычной московской девочки Маши из старинного бабушкиного сундука появился... настоящий дракончик. Много лет назад Пыхалка потерялся, залез в сундук и уснул, а разбудили его расшалившиеся Машины игрушки – нарядная кукла Оля, пупс Куклаваня, зайчата и кошка Дуся. Куклам и их хозяйке очень понравился новый знакомый, но они даже представить не могли, что им предстоит отправиться вслед за дракончиком на сказочный остров Буян, где их ждут захватывающие волшебные приключения!

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвёртая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	33
Глава восьмая	37
Глава девятая	40
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	50
Глава двенадцатая	53
Глава тринадцатая	59
Глава четырнадцатая	63
Глава пятнадцатая	67
Глава шестнадцатая	69
Глава семнадцатая	74
Глава восемнадцатая	78
Глава девятнадцатая	82
Глава двадцатая	88
Глава двадцать первая	92
Часть вторая	95
Глава первая	96
Глава вторая	103
Глава третья	108
Глава четвёртая	112
Глава пятая	117
Глава шестая	123
Глава седьмая	127
Глава восьмая	132
Глава девятая	136
Глава десятая	141
Глава одиннадцатая	146
Глава двенадцатая	152
Глава тринадцатая	158
Глава четырнадцатая	162
Глава пятнадцатая	164
Глава шестнадцатая	169
Глава семнадцатая	175
Глава восемнадцатая	178
Глава девятнадцатая	181
Глава двадцатая	185
Глава двадцать первая	195
Глава двадцать вторая	200
Глава двадцать третья	204

Глава двадцать четвёртая
Глава двадцать пятая

211
214

Дмитрий Емец Дракончик Пыхалка

Часть первая ДРАКОНЧИК ПЫХАЛКА

Глава первая ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЗАЙЦЕВ

Поздним вечером, когда Маша уже спала, в коробке под её кроватью плюшевые зайцы Синеус и Трувор отмечали свой первый день рождения. Зайцы были близнецами, и если бы не пятно от акварельных красок на ухе Синеуса и не пришитый чёрными нитками хвост Трувора, их нельзя было бы отличить.

В гости к зайцам пришли кошка Дуся, кукла Оля и рыжеволосый пупс Куклаваня.

Оля была не тощенькая Барби, а солидная русская кукла с крупными руками и ногами и огромными голубыми глазами. Когда Олю переворачивали вверх ногами, она пугалась и кричала: «Ма-ма!» И ничего удивительного. Если бы вас, уважаемый читатель, перевернули головой вниз, вы бы тоже стали звать маму или даже милиционера.

Оля всё на свете делала правильно. Она всегда говорила «спасибо» и «пожалуйста» и только изредка их путала. «Дайте, мне, спасибо, конфет!» – получалось тогда у Оли или: «Пожалуйста вам за обед!»

Другой гость зайцев, рыжеволосый пупс Куклаваня, принадлежал к той породе пупсов, что вечно разгуливают с развязанными шнурками, сбитыми коленями и синяком под глазом. Его рыжие кудри были растрёпаны, курносый нос смотрел на мир двумя жизнерадостными дырочками, а по щекам рассыпались веснушки.

Куклаваня был одет в джинсовую куртку со множеством карманов: два кармана внизу, два сверху и один на спине. Эту куртку сшила ему Маша, семилетняя девочка, в комнате у которой жили игрушки. Карманов было крайне много, а Куклаваня всего один, и он вечно не мог вспомнить, что где лежит.

Зайцы Синеус и Трувор ёрзали на табуретках:

– Когда придёт день рождения? Почему он не приходит?

– Он, наверное, задержался в школе, – решил Куклаваня.

– А что такое школа? – с любопытством спросили зайцы.

– Ну... э... как тебе сказать, кукла! Школа – такое место, где много девочек, и все они набрасываются на тебя и тискают. Я ходил туда вместе с Машей, – похвастался Куклаваня.

Кошка Дуся вздрогнула.

– Брр! Тискают! Терпеть не могу. Запачкают шерсть, а потом вылизывайся!

– А мне понравилось! Тискаться приятнее, чем мыться. К тому же мыться – просто даром время терять, потому что потом всё равно загрязнишься, – заявил Куклаваня.

– Фу, какой ты грязнуля! – сморщила нос кукла Оля.

Куклаваня обиделся.

– Сама ты грязнуля! Сейчас как тресну тебя по лбу! – сказал он.

– Бить девочек нехорошо! – напомнила кошка Дуся.

– Пусть нехорошо! – согласился пупс. – Зато увлекательно!

Оля погрозила Куклаване внушительным кулаком:

– Пусть только попробует меня стукнуть! Я большая кукла, а он всего-навсего карапузистый пупс, почти что неваляшка!

Ссора легко могла перейти в драку, но тут вмешались зайцы.

– Как вам не стыдно! Сегодня же наш день рождения! – сказали они и, посмотрев друг на друга, разом скуксились. Синеус и Трувор всё делали синхронно.

Куклаваня и Оля покраснели и на некоторое время помирились. Вообще-то они были хорошими друзьями, а что ссорились – так кто ж не ссорится. Просто у Куклавани характер был вредный, да и у Оли, надо сказать, не сахар.

– Вы же обещали, что к нам сегодня придёт день рождения... А его всё нет! Выходит, вы нас надули! – сказали зайцы и принялись похныкивать.

Если разобраться, у них были для этого все основания. И правда, ерунда какая-то получается: гости ссорятся и чуть не подрались, стол не накрыт, и дня рождения всё нет. Только и остаётся что плакать.

Куклаваня по простоте душевной решил их утешить.

– Равняйсь-смирно, кроличьи шапки! Ноги вместе, уши врозь!.. А ну живо все улыбнулись! Кто будет плакать – того в зоомагазин на морских свиней переучиваться! – сказал он.

Синеус и Трувор, вечно принимавшие всё буквально, на всякий случай затряслись и приготовились прятаться под табуретку.

– Прекрати, пупс! А вы вылезайте давайте! День рождения приходит, когда все садятся за стол и начинают пить чай. Так всегда бывает, – успокоила зайцев кошка Дуся.

Синеус и Трувор притихли и послушно вытерли друг о друга мокрые носы. Кукла Оля поставила на плиту чайник и достала конфеты. Зайцы сразу набросились на шоколад и перепачкались до ушей. Куклаваня разглядывал конфеты с брезгливой задумчивостью. Он ещё до обеда успел умять целую банку варенья.

– Я не хочу! – заявил он.

– А тебе никто и не предлагал, – вскользь заметила Оля.

– Ах так, кукла! Тогда я возьму тебе назло! – сказал пупс и стал рассовывать конфеты по карманам.

Тем временем у куклы Оли вскипел чайник.

– Чай готов. Кто будет его разливать? – спросила Оля.

Зайцы радостно встрепенулись. Их переполняла ответственность.

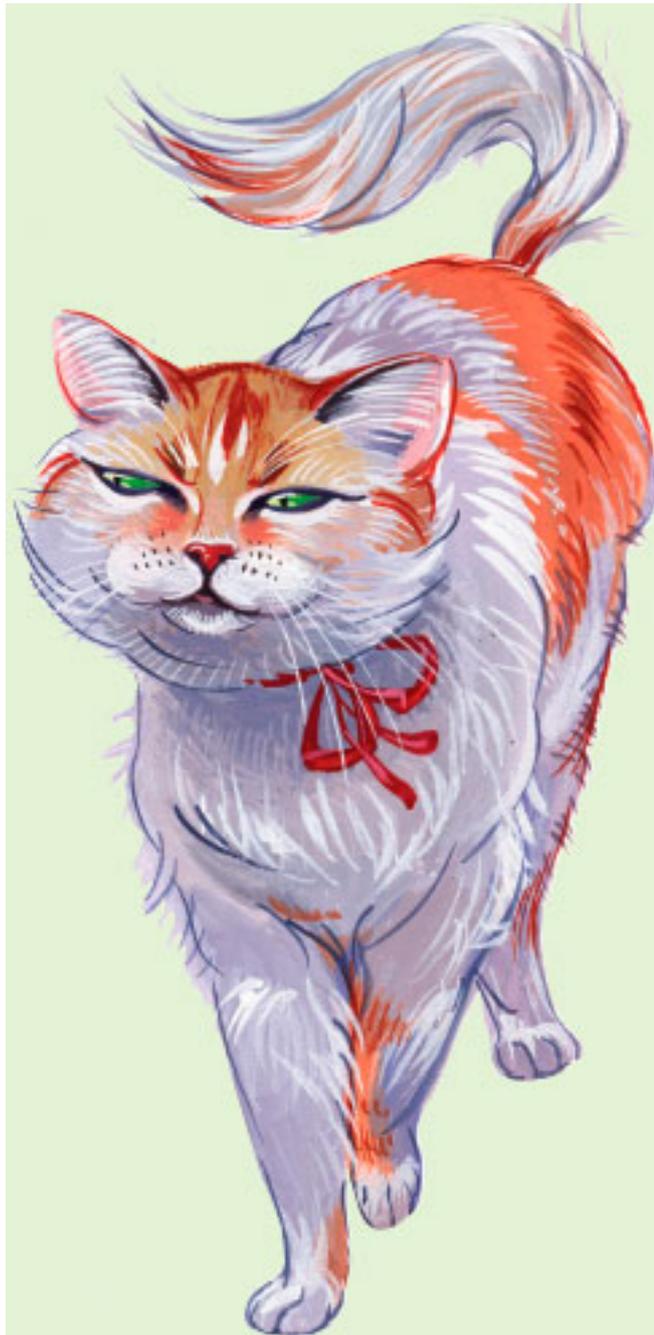
– Мы будем! Мы! – закричали они и опрокинули чайник Оле на колени. К счастью, куклы боятся кипятка меньше, чем люди.

– Мы разлили чай! Как ты и просила! – похвалились Синеус и Трувор.

Оля с ужасом посмотрела на мокрый подол платья:

– Вы его не туда разлили, дура... э-э... дурашки!

– Ой! У нас нет чая! К нам не придёт теперь день рождения. Прости нас, Оля! Мы такие несчастные! – заплакали зайцы.

Кошка Дуся ободряюще шлёпнула их лапкой.

– Ерунда! Можно вскипятить новый чайник. А воду мы с пупсом возьмём из аквариума!

На письменном столе у Маши стоял аквариум, который кошка любила задумчиво созерцать. Куклаваня и здесь не мог успокоиться и, вместо того чтобы набрать воду в чайник, предложил вскипятить весь аквариум.

– А рыбки! Что с ними будет? – с испугом спросила Оля.

Куклаваня пожал плечами:

– Да ничего с ними не будет. Рыбок съест Дуся. Хорошо прокипячённый чай с рыбой – её любимое блюдо.

Дуся всерьёз задумалась.

– Оно, конечно, ничего бы, но Маша огорчится. Она любит рыбок. К тому же, если я съем их сейчас, у меня исчезнет надежда съесть их потом, – неуверенно сказала она.

– Ладно, лучший враг собаки, ты меня убедила! Не будем кипятить аквариум. Просто возьмём немного воды. Рыбки не обеднеют. Идём, кошка! – легко согласился Куклаваня, направляясь к столу.

Олю встревожила его уступчивость.

– Нет уж! Я пойду с вами. А то вы без меня нашkodите! – сказала она с подозрением.

– Э, нет! Обойдёмся как-нибудь! Не женское это дело по ночам шастать. К тому же у тебя большие ноги и ты топаешь. И смотри не съешь все конфеты, а то я тебя знаю: нас выпроваживаешь, а сама заришься, – сказал Куклаваня.

Оля вспыхнула и набросилась на него:

– Ах ты, вредный пупс! Когда-нибудь ты меня доведёшь и я тебе все уши поотрываю! Пускай их потом Маша пришивает!

Куклаваня мрачно сплюнул.

– Нитками? – уточнил он.

– Нитками.

– Уши?

– Уши.

Куклаваня долго смотрел на неё, а потом покачал головой.

– Фуй, кукла, какие у тебя нездоровые фантазии! – сказал он.

Затем Куклаваня оседлал кошку, и Дуся, крадучись, вышла из-под кровати.

* * *

Вы, конечно, замечали, какой страшной становится комната ночью. Самые привычные вещи выглядят зловещими. Рубашка на спинке стула топорщится и напоминает человека, который пришёл неизвестно зачем, уселся, сидит и зачем-то на тебя смотрит. А фонарь за окном, отбрасывающий на стены зловещие тени? А шуршание в шкафу?

Дуся и Куклаваня тоже вначале испугались, и им немедленно захотелось вернуться. Но, присмотревшись, они увидели, что комната выглядит спокойно и сонно. На кровати, свернувшись под одеялом калачиком, спит Маша и видит хорошие сны. На столе в аквариуме спят рыбки. На подоконнике в горшках спят цветы. И жизнь не так уж и страшна, если разобраться.

Кошка Дуся прыгнула на стол с грацией грузовика, перевозящего металлолом. Она была кошка домашняя и, следственно, довольно неуклюжая. Хорошо ещё, что никто не проснулся.

Оказавшись на столе, Куклаваня слез с кошки, взял чайник и стал набирать воду из аквариума. Случайно он зачерпнул и пару рыб, и ему пришлось выпускать их обратно.

– Лезут тут, наглые какие! Ни стыда, ни совести! Прямо как у меня! – ворчал пупс. Можно было подумать, что не он заявился к рыбам с чайником, а они к нему.

Кошка Дуся соскочила со стола, ухитрившись не расплескать воду, и минуту спустя оба были уже в коробке с игрушками. Все сели за стол и стали пить чай с тортом. Торт Оля приготовила ещё днём на кукольной плитке, но прятала до поры до времени, чтобы его не нашёл Куклавания. Дуся торт есть не стала: берегла фигуру. Она заявила, что с тортами нужно быть осторожнее, а то одна её знакомая кошка растолстела так, что застряла в дверях.

Синеусу и Трувору досталась середина торта с единственной свечкой, так как им исполнился всего год. Зайцы надулись, как пузыри, и задули свечку на счастье. Все стали дёргать зайчиков за уши и дарить подарки. Кошка Дуся подарила им по морковке, Куклавания – толстую книжку русских сказок. Оля припасла для зайцев тёплые вязаные шапки с прорезями для ушей.

Затем все вновь занялись тортом. Он оказался удивительно вкусным.

– Одобряю, кукла! На этот раз у тебя чисто случайно получилось нечто съедобное, – похвалил Олю Куклавания. – Только ты бухнула туда слишком много калорий.

– Никаких калорий там нет! Там мука, сахар, яйца и больше ничего, – оскорбилась Оля.

– Погоди-ка! Давай выясним... Ты говоришь, что там нет калорий, а я чувствую, что они есть. Значит, они туда пролезли тайком, когда ты отвернулась.

Синеус и Трувор задрожали.

– Ой! Нам страшно!

– Признайся, пупс! Ты только что придумал эти самые калории! – рассердилась Оля. Она не выносила, когда её кулинарное искусство ставилось под сомнение.

Куклавания прищурился.

– Придумал?! А с чем тогда борется мама Маши? Чего она боится как огня?

– Калорий она боится. Чего же ещё, как не калорий! – Дуся на мгновение прекратила умываться.

Пупс торжествующе уставился на Олю и склонился над тортом.

– Слушайте, зайцы! Работайте своими большими ушами. Там кто-то скребётся. Это всё они, калории! Идут войной!

Кукла Оля заморгала голубыми глазами:

– Ох! Что теперь с нами будет?

– То-то и оно, – развёл руками Куклавания. – Ну так и быть, я спасу вас от злых калорий. Мужественным пупсам они не страшны. Я один доел весь торт.

Куклавания уже протянул руки к тарту, но Дуся

сказала:

– Не верьте ему, дурашки! Он вас надул.

Калории не опасны для худеньких малышей. А вот Машина мама прекрасно может обойтись и без них. А то скоро из всего гардероба ей будут подходить по размеру лишь носовые платки.

Глава вторая

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛЕНЬКОЙ КВАРТИРЕ

Куклаваня любил открывать новые уголки квартиры. Такие, в которые никто из игрушек раньше не забредал. Пупс не то что трёх дней – трёх минут не мог усидеть на одном месте. Постоянно ему нужно было куда-то бежать, что-то устраивать, чего-нибудь исследовать. Короче, это был беспокойнейший пупс на свете.

Как-то весенним утром, когда Маша ушла в школу, а её родители на работу, кукла Оля учила зайцев Синеуса и Трувора читать по букварю. Сама Оля уже знала весь алфавит и умела писать все буквы, кроме Ы.

– Это буква А, – показывала Оля. – Она похожа на букву А... Поняли? Это буква У, она похожа на букву У.

Оля была прирождённым педагогом.

– А буква Д похожа на букву Д? – спрашивали зайцы.

– Пожалуй, похожа, – после некоторого раздумья отвечала кукла. – Что ни говори, а образование не проходит для вас бесследно.

Крышка коробки отодвинулась, и появился Куклаваня в полном походном облачении. Пупс был одет в тулуп, застёгнутый на все пуговицы, на голове – кастрюля. В руках он держал открывалку, на случай если по пути ему встретятся банки с вареньем.

– Привет, привет! – крикнул он зайцам.

– Привет, Куклаваня! Ты куда? – откликнулись зайцы.

– В поход иду. Думаю исследовать парочку новых континентов, а по пути найти, где эти жадные людишки прячут конфеты.

– Как интересно! Мы тоже хотим с тобой, – воскликнули Синеус и Трувор.

– Но мы учим буквы, – возразила Оля.

– Великие открытия не станут ждать, пока вы выучите какие-то там буквы. Время не терпит. Человечество страждет! – заявил Куклаваня.

Вид у пупса был решительный. Кастрюля на голове смотрелась как рыцарский шлем. Герой так и рвался навстречу подвигу. Даже Оля была очарована, чего уж тут говорить о зайцах!

В путешествие решено было отправляться без промедления и всем вместе. Если великие открытия не могли ждать, то сам первооткрыватель и подавно. Пупс весь извёлся от нетерпения, переступал с ноги на ногу и рвался навстречу приключениям.

Что касается Оли, то, несмотря на охватившее всех воодушевление, она успела сделать в дорогу пару десятков бутербродов. Оля была неглупой кукольной девочкой и понимала, что мужественные герои нуждаются в усиленном питании.

И вот друзья выступили в поход. Впереди с открывалкой в руках шагал Куклаваня. За ним вприпрыжку скакали зайцы. Замыкала шествие кукла Оля, навьюченная рюкзаком с бутербродами.

Везде можно найти немало нового, если поискать хорошо.

Даже в обычной трёхкомнатной квартире с отдельным санузлом, застеклённым балконом, кухней и кладовкой порой случаются чудеса. Это усвоил каждый, кто хотя бы раз в жизни делал генеральную уборку. Откуда-то из небытия всплывают вещи, которые казались давно потерянными: старые рубашки с мелочью в карманах, книжки без переплёта, расчёски, всякого рода безделушки и ещё многое, многое.

– Эй, пупс! – крикнула Оля, нагоняя Куклаваню и дёргая его за рукав. – Что мы открываем на этот раз? Вроде уже все комнаты облазили.

– А кладовка? Сам не знаю, чего в ней больше: тайн или банок с вареньем! И те и другие только и ждут, чтобы их открыли! – возбуждённо завопил Куклаваня.

Пупс стал размахивать руками и задел Синеуса открывалкой по носу. Подождав, пока заяц перестанет ныть, Куклаваня жестом пригласил всех подойти ближе.

– А ещё с этой кладовкой связан ужасный секрет! – прошептал он, таинственно оглядываясь.

Синеус и Трувор заёрзали от любопытства.

– В кладовке кто-то живёт! Я слышал вздохи и кашель. Это, наверное, какая-нибудь дальняя родственница, которую заперли в кладовке и забыли. А она забаррикадировалась и ждёт, на кого бы наброситься!

– М-может, мы туда не пойдём? – задрожали зайцы.

Оля недоверчиво покосилась на Куклаваню:

– Ты всё придумал, пупс! Ты известный фантазёр и лгунишка!

Куклаваня надулся.

– Что ж, кукла... время нас рассудит. Когда-нибудь я прославлюсь, и тебе станет стыдно, что ты меня недооценивала.

В коридоре было темно. Лишь несколько лучей света пробивались в щели. В воздухе танцевала пыль. Она то взлетала под потолок, то, слипаясь в лёгкие белые хлопья, оседала на полу. Казалось, что идёт снег.

– А-а-а-апчхи! – чихнул один из зайцев, кажется, Трувор.

Первооткрыватели вздрогнули и присели от неожиданности. Куклаваня поднёс палец к губам.

– Т-шшш! Чуланная родственница услышит!

Зайцы послушно закивали, и даже Оля, раскрывшая рот, чтобы возразить Куклаване, почему-то промолчала. Прокравшись по коридору, отважные путешественники подошли к кладовке. Оттуда не доносилось ни звука.

– Будем исследовать! – прошептал Куклаваня, прильнув к двери ухом. – Родственница небось притаилась... А потом – АМ! – и набросится!

И Куклаваня показал, как именно бросаются дикие необузданные родственницы. Это выглядело так многообещающе, что Синеус и Трувор вцепились друг в друга и захлюпали носами.

– Что-то я ничего не слышу! Она, должно быть, так тихо притаилась, что и не дышит! Знаем мы эти фокусы! Какая хитрюга! Давайте её вспугнём! – предложил пупс.

Все по знаку Куклавани завопили, кто как мог. «У!» – завывла Оля. «Ого-го-го!» – тихо-нечко закричали зайцы, которым в глубине души хотелось надеяться, что никакой родственницы в кладовке нет и в помине. «Гу-гу-гу!» – устрашающе забасил пупс. – Гу-гу-гу!»

Ничего не произошло, лишь пыль заметалась по углам. Куклаваня встал на цыпочки и дотянулся до задвижки. Дверь скрипнула. Игрушки зашли внутрь. Зайцы крепко ухватились за платье куклы Оли и тянули изо всех сил, так им было страшно.

– Не путайтесь под ногами, трусишки! Здесь совершенно нечего бояться, – одёрнула их Оля.

В маленькой комнатке было темно. Пахло старыми вещами и нафталином. На верхних полках поблёскивали стеклянные банки с вареньем. Куклаваня зажёл фонарик. Луч выхватил из темноты испуганных зайцев и белый фартук Оли.

Синеус сделал шаг в сторону и больно стукнулся лапкой.

– Мама! Тут что-то есть! – ойкнул он.

Куклаваня нашарил фонариком большой деревянный сундук. Он выглядел очень древним. Было непонятно, как сундук мог очутиться в городской квартире на девятом этаже.

– Ишь ты! – восхитился Куклаваня. – Ну и сундучище! Как только ему удавалось столько времени от меня скрываться?

Оля осторожно провела по обитой медью крышке сундука.

– Это сундук прабабушки. Мне Маша рассказывала. Его из деревни привезли и даже не открывали. Ключ потерялся.

– Ух ты! Где моя любимая открывалка? Спорим, я мигом взломаю этот таинственный сундучок? – воодушевился Куклаваня.

– Вечно ты всё хочешь сломать! – всплеснула руками Оля.

Куклаваню невозможно было остановить. Он разбежался, поднял открывалку и вознамерился с разбегу шархнуть по замку сундука. Зайцы спрятались за куклу Олю и выглядывали из-под её юбки. В тот миг, когда Куклаваня ударил открывалкой по замку, в сундуке кто-то чихнул, да так, что крышка подскочила. Пупс выронил открывалку. Оля и зайцы от неожиданности сели на пол.

– В сундуке кто-то есть! Д-давайте у-убежим! – прошептали зайцы.

– Это, наверное, м-моль чихнула от нафталина, – предположил Куклаваня.

– Апчччч! – чих повторился. Друзья замерли.

– Я же говорил, что там родственница! Давайте выкурим её оттуда! – зашептал пупс.

– Не надо! Давай уйдём! Нам страшно! Мы хотим домой! – Синеус и Трувор в панике вцепились Куклаване в рукав.

Оля вздохнула. Она колебалась, какое решение принять.

– Всё же лучше, наверное, её найти. А то как-то неловко. Живём в одной квартире и до сих пор не знакомы, – решила она.

Кукла подошла к сундуку и тихо постучала:

– Извините, пожалуйста, но мы знаем, что вы внутри. Не могли бы вы выглянуть на минуту и не пугать нас?

В сундуке кто-то заворочался.

– Стесняется! – шепнула Оля. – Наверное, очень застенчивая родственница... Послушайте, нельзя же всё время проводить в кладовке! Хотите жить с нами в комнате?

– Ты что? У нас и так тесно. Для своих места не хватает, а ты приглашаешь! А ну как она согласится? – зашипел на неё Куклавяня.

Крышка сундука скрипнула и приподнялась. В щёлке заблестели большие жёлтые глаза. Зайцы задрожали и попытались удрать, но налетели друг на друга и растянулись на полу.

Куклавяня и Оля тоже испугались, но любопытство было сильнее.

– Привет! Как поживаете? Кто вы и откуда взялись? – прогудели из сундука басом.

– А вы кто? – спросили Куклавяня и Оля.

– Я Пыхалка!

Я здесь живу.

– Я пупс Куклавяня...

– А я Оля... А это Синеус и Трувор. Они зайцы и большие трусишки.

– Понятно, понятно... Все зайцы трусишки... – Новый знакомый вылез из сундука.

Куклавяня осветил его фонариком и ойкнул от неожиданности. Зелёная чешуйчатая голова на короткой шее. Неуклюжие расплзающиеся лапы. Небольшие крылышки и гибкий хвост с зазубринами. Размером он был со средних размеров собаку.

– Не понял... Ты что, крокодил? – недоумённо поинтересовался Куклавяня.

– Какой крокодил? Дракон! Самый настоящий! – воскликнула Оля.

Глава третья ДРАКОНЧИК ПЫХАЛКА

Да дракон я, дракон... Не надо меня освещать, глаза режет! – щурясь, ворчливо подтвердил Пыхалка.

– А мы не знали, что драконы на самом деле существуют! Мы думали, они выдумка, – удивилась Оля.

– Сами вы выдумка! Так про каждого можно сказать, что он выдумка. И про вас в первую очередь, – возмутился дракончик.

Куклаваня с извиняющейся улыбкой дотронулся пальцем до его блестящей чешуи.

– Ух ты! Не подделка! Я думал: ты чучело. Хорошо всё-таки, что мы тебя нашли!

Пыхалка раздражённо хлестнул себя по боку хвостом:

– Ничего вы меня не находили, потому что я и не терялся. Я спал в сундуке.

– И долго ты тут спал? – спросила Оля.

– Недолго. Лет так девяносто или сто. Точнее не помню: у меня не было с собой календаря.

– Ого-го! – удивились зайцы. – Это очень-преочень давно! Наверное, вы старый?

– Совсем я не старый. Я ещё маленький. Я потерял маму. Поплакал немножко, потом устал и залез спать в сундук. Вы мою маму случайно не видели?

– А какая она, твоя мама?

– Такая красивая-красивая! Похожа на меня, только больше...

– Нет, мы её не встречали. Мы драконов только на картинках видели, как их Добрыня Никитич побеждал, – заявил пупс.

– Неправда всё это. Никогда он нас не побеждал. Мне про это дедушка рассказывал. Добрыня приехал, увидел дедушку, почесал в затылке, извинился и уехал.

– А куда тогда все драконы подевались? Почему их теперь нигде не встретишь? – допытывался Куклаваня. Он стоял к Пыхалке ближе остальных и недоверчиво разглядывал его.

– Попрытались. Мы и сто лет назад прытались. Драконы могут делаться невидимыми или превращаться в разные предметы, но только когда они уже взрослые, – пояснил Пыхалка.

– А ты не можешь?

– А я не могу. Я ещё маленький.

– Ничего себе маленький! Сто лет! – фыркнула Оля.

– Я не виноват, что мы, драконы, ужасно долго растём... Что-то я проголодался. Я уже лет сто ничего не ел и теперь могу съесть всё что угодно, – сказал Пыхалка.

Синеус и Трувор задрожали.

– В-всё что угодно? Ой, мамочки!

– Мы принесли бутерброды. Ты хочешь бутерброд, Пыхалка? – спросила Оля.

– Хочу. А что это такое?

Оля рассмеялась. Она думала: все знают, что такое бутерброды. Она достала их из рюкзака и протянула Пыхалке. Дракончик мигом проглотил бутерброды вместе с пакетом. Мордочка у него приняла озадаченное выражение:

- Кажется, мы этого шуршащего не едим!
- А ты развернуть не пробовал? – поинтересовался пупс.
- Всё равно невкусно.

Голодного дракончика решено было отвести на кухню к холодильнику. Пыхалка вначале щурился от дневного света, но вскоре привык и стал с интересом оглядываться:

- Где это мы? Чья это нора?
- Это коридор. Он начинается входной дверью и заканчивается кухней, – объяснили зайцы.

– Здорово придумано! Не заблудишься. Иди себе по коридору и рано или поздно попадёшь на кухню, – обрадовался дракончик.

Он разбежался, замахал крыльями, с трудом взлетел и головой открыл дверь кухни.

- Смотри: это холодильник, – сказали зайцы. Обычно зайцам самим всё объясняли.

Теперь же им было приятно ощущать себя умными.

Дракончик вытянул шею, ухватился зубами за ручку и щёлкнул дверцей. Накануне мама с Машей ходили в магазин и купили продуктов на целую неделю. Чего тут только не было! Молоко, сырки, колбаса, ветчина, апельсины, кастрюля с диетическим супом для мамы и бутылка настойки, которую принимал «для пищеварения» папа.

Некоторое время дракончик изучал всё это, а затем спросил:

- И где здесь еда? Тут только какие-то коробочки и баночки!
- Еда внутри. Только сначала вымой руки! – велела Оля.

Она знала Пыхалку совсем недавно, но уже раскомандовалась.

– Руки? – удивился дракончик. – У меня нет рук! У меня только ноги, но зато целых четыре!

Оля задумалась.

- Ну хорошо! Вымой ноги! – сказала она.

– Чепуха-чепуховина! Где это видано, чтобы перед едой мыли ноги? Может, ты ещё скажешь уши? – возмутился Куклавания.

- Кое-кому, пупсина, и уши вымыть не помешало бы! – съехидничала Оля.

Куклаваня показал ей язык.

– Кушать хочу! Я кушать хочу! – забасил Пыхалка.

Оля заглянула в холодильник:

– Суп будешь?

Пыхалка осторожно лизнул суп и замотал головой.

– Тогда котлету? Котлета должна тебе понравиться.

Дракончик откусил кусочек и поморщился:

– Нет, не хочу котлеты.

В ближайшие три минуты обнаружилось, что Пыхалка не ест ни хлеба, ни картошки, ни колбасы, ни сосисок. Однако пупсу больше всего понравилось, что дракончик не любит варенье.

– Подожди, я посмотрю, что ещё можно найти! – сказала Оля и подошла к кухонному шкафчику.

Куклаваня воспользовался её отсутствием и решил напраказничать:

– Я знаю, что нравится драконам. Попробуй горчицу, Пыхалка! Она очень вкусная! Только нужно проглотить сразу много.

«Не надо, не надо!» – хотели закричать зайцы, но не успели.

Голодный дракончик мигом слизнул всю горчицу из баночки. Однако вместо того, чтобы подскочить под потолок, как ожидал Куклаваня, Пыхалка довольно облизнулся и выпустил из носа струю пламени.

– Ого! Раньше у меня так не получалось. Вкуснятина! Пожалуй, я бы смог съесть ещё! – воскликнул он.

– Почему палёным пахнет? Спички зажигали? Вот я вас! – вернувшись, строго спросила у зайцев Оля.

– Это не мы! Это Пыхалка! Куклаваня накормил дракончика горчицей, и он как задышит огнём! Пыхалка и сам не знал, что умеет.

– Ага! Это я! Правда, у меня здорово получилось? – похвастался дракончик.

Оля увидела пустую банку с горчицей и стала грозно надвигаться на Куклаваню. Пупс мигом спрятался за дракончика.

– Ты не поняла, кукла! Ему понравилось. Все драконы питаются горчицей.

– Правда-правда! И ещё красным перцем в стручках. Потому мы и дышим огнём, – подтвердил Пыхалка.

– Тебе повезло, пупсоид, а то бы я тебя вздула за горчичный десерт! – Оля перестала гоняться за Куклаваней. Поняв это, пупс храбро выглянул из-за спины дракончика.

– Ну, положим, это ещё неизвестно, кто бы кого вздул, – заявил он.

Пыхалка и его новые друзья перекочевали из кухни в комнату и устроили комнатные Олимпийские игры. В прыжках отличились зай-цы Синеус и Трувор. Они могли легко перескочить через дракончика. Пупс прыгал не так хорошо, зато замечательно кувыркался. Его круглое тело было идеально создано для кувырков. Пыхалка летал по кухне, как неуклюжий тяжёлый шмель, и едва не разбил лампу.

Кукла Оля боялась запачкать новое платье и просто хлопала в ладоши и смеялась, глядя на то, как веселятся другие. Вдруг она вспомнила, что скоро вернутся с работы мама и папа. Взрослые будут ругать Машу, что она разбрасывает игрушки, а значит, нужно привести комнату в порядок.

Пыхалка помялся немного и спросил:

– Можно, я буду жить вместе с вами в комнате? А то в кладовке одному скучно!

Куклаваня и Оля переглянулись и согласились.

– Конечно, можно. Только будь осторожнее. Тебя никто не должен видеть, – сказала Оля.

- Почему? – спросил Пыхалка.
- Почемушто! – перебил Куклавяня. – Увидят – заберут в зоопарк, посадят с головой в пробирку и будут изучать. Люди, они такие.
- А Маше мы про Пыхалку расскажем? – хором спросили зайцы.
- Пупс замотал головой.
- Пока нет. Она хоть и большая с виду, но девчонка, а от них всякого можно ожидать. Кукле Оле нападки на девчонок не понравились.
- Но мы не можем говорить неправду! Врать нехорошо, – возразила она.
- Кто врёт? Врать – это говорить о том, чего не было. А когда не говоришь о том, что было, – это КОН-СПИ-РА-ЦИЯ.
- Тогда понятно. Это совсем другое дело. Тогда мы никому не скажем, – пообещали зайцы.

Они любили сложные слова тем больше, чем меньше понимали их смысл.

- Ура! – закричал Пыхалка. – Я буду жить в комнате! А когда кто-нибудь придёт, спрячусь. Ага?
- Угу, – заверил его Куклавяня.

Глава четвёртая ПРО ТО, ЧТО УМЕЕТ КАЖДЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРАКОНЧИК

Вечером на зелёном ковре перед домиком куклы Оли собрались все игрушки, чтобы отметить переселение дракончика Пыхалки в комнату. Оля суетилась на кухне. Синеус и Трувор были на подхвате: носили ложки, вилки, вазочки с вареньем, печеньем и соленьем, рыбные консервы для кошки Дуси и баночки с горчицей для Пыхалки.

Тем временем Дуся учила дракончика хорошим манерам. Она нашла Пыхалку забавным, но немного неотёсанным и немедля занялась его воспитанием.

– Как ты ходишь? Топаешь, как носорог! Ходить надо вот так... Лапки переставляются мягко и осторожно!

И Дуся изящно прошлась по коврику.

– Не-а. Если я буду так ходить, то как же моё устрашающее драконье сопение? Все драконы сопят. Иначе они не могут, – проворчал Пыхалка.

– Ты упрямый, как носорог!

Носорог был единственным диким зверем, известным Дусе. Когда-то она увидела его на картинке в детской книге и хорошенько запомнила. С тех пор носорог стал для неё источником отрицательных примеров на всю жизнь. «Ходишь, как носорог», «глупый, как носорог», «лакает молоко, как носорог», – то и дело повторяла кошка.

«Непонятно, с чего это московскую кошку зациклило на носорогах. Дуська, смотри не выскочи замуж за носорога! С тебя станется!» – заметил как-то Куклавания и немедленно получил за это по лбу. Лапка у кошки Дуси была хоть и мягкая, но тяжёлая.

В настоящий момент Куклавания сочинял поэму, которую собирался прочитать на праздничном обеде. Поэма была ужасно упрямая и никак не желала сочиняться. Куклавания грыз карандаш и мучился.

– Назови мне рифму к слову «дорожке»! – толкнул он в бок Олю.

– Отстань. Не видишь: я занята! – кукла намазывала варенье на хлеб.

– Ничего ты не занята... Это я занят. Творить стихи – это тебе не варенье по хлебу размазывать.

– Вот и твори их молча. А то останешься без бутербродов, – огрызнулась кукла Оля.

Когда приготовления были закончены, всех пригласили к столу. Зайцы уселись на маленькие табуретки с резными ножками, Оля – на кресло, Куклавания залез на спину к кошке, а дракончик положил тяжёлую голову на край стола.

Каждый скользил взглядом по столу, прикидывая, с чего начать. Дракончик нежно смотрел на банку с горчицей. Синеус и Трувор застенчиво угощали друг друга морковкой. Кошка Дуся мечтательно, как розу, обнюхивала рыбку из консервов.

– Постойте! Я закончил поэму! – крикнул вдруг пупс.

Куклавания встал в позу, вытянул вперёд правую руку, откашлялся, взъерошил спутанную рыжую шевелюру и надрывно заголосил:

*Шли кошки по дорожке,
Переставляя ножки,
А рядом таракашки
Купались в манной кашке.*

Игрушки захлопали в ладоши.

– Неплохо! Совсем неплохо. Хорошее стихотворение. Молодец!

Куклаваня скромно потупился.

– Я посвящаю своё четверостишие дракончику Пыхалке.

Дракончик растрогался.

– В самом деле? Очень мило с твоей стороны. Ты не мог бы прочитать ещё разик, а то в первый раз я не слушал. Я же не знал, что стихо-творение мне посвящено, – признался он.

– А почему хвалил? – спросил пупс хмуро. – Ну ладно, слушай!

*Шли кошки по дорожке,
Переставляя ножки,
А рядом таракашки
Купались в манной кашке.*

Куклаваня повторил четверостишие ещё три раза, и с каждым разом оно казалось ему всё более удачным.

– Читайте и плачу! Даже не верится, что это я его написал, – сказал он.

Стихотворение пупса всем пришлось по душе. Дусе понравилось, что Куклаваня упомянул кошек. Зайцам – что всё в рифму и, главное, никого не съедают и не убивают. Одна Оля была недовольна таракашками. Это показалось ей негигиеничным.

– Давайте обедать! Нечего откладывать! Да здравствуют пироги с капустой и морковкой! – закричали зайцы.

– Какой замечательный сегодня день! Сегодня я проснулся, сегодня мне посвятили замечательное стихотворение и я нашёл друзей! – воскликнул дракончик, погружая в горчицу длинный раздвоенный язык.

– Мы тоже рады, что тебя нашли и ты стал нашим другом! – заверила его Оля.

– А ещё больше мы рады, что ты не ешь варенья, – добавил Куклаваня, облизывая ложку.

Едва обед был закончен и тарелки убраны, все услышали скрежет ключа в замке и голоса в коридоре.

– Это люди! Прячься скорее! – закричали Пыхалке.

Дракончик заметался по комнате, отыскивая, куда скрыться. Пыхалка так суетился, что уронил стул и наделал много шума.

– Что там упало в комнате? – спросила мама из коридора.

– Наверное, кошка опять чего-нибудь разбила. Сейчас посмотрю, – ответил папа.

Ручка двери стала поворачиваться.

Зайцы испуганно прижались друг к другу и закрыли глаза. Оля замерла и притворилась обыкновенной куклой в белом кружевном платице с кармашком на передничке и большим голубым бантом. Куклой, которая говорит: «Ма-ма!», когда её переворачиваешь головой вниз. Но всё же, прежде чем дверь отворилась, Куклаваня сдёрнул с кровати плед и накинул его на Пыхалку, чтобы хоть как-то спрятать дракончика.

Папа вошёл в комнату и огляделся.

– Похоже, это кошка. Она прыгнула на спинку и опрокинула стул! – сказал он.

– Мяу! Мяу! – потёрлась о его ногу Дуся.

В присутствии людей Дуся произносила только «мяу!», так как была уверена, что далеко не всякий достоин знакомства с говорящей кошкой.

В комнату вошла мама. Она сразу заметила плед на полу. Ей даже показалось, что под ним что-то пошевелилось.

– Ой! Там что-то есть! – вскрикнула она.

Куклаваня приоткрыл один глаз и увидел, как плед приподнимают за край. Пупс зажмурился, представляя, что сейчас будет. Крики, удивление, испуг, а потом приедет кто-нибудь из зоопарка и увезёт Пыхалку.

– Да тут никого нет! Просто плед валяется... Тебе показалось, – услышал он.

– Но я видела! Там что-то было!

– Ты устаёшь на работе, дорогая. Давно пора брать отпуск, или, пожалуй... бросай её совсем, эту работу...

– Да, но ты же знаешь... – голоса стали удаляться.

Папа и мама ушли, продолжая вести свои взрослые, неинтересные разговоры. Игрушки облегчённо вздохнули.

– Пронесло! Но где же Пыхалка? Куда он подевался?

Куклаваня и зайцы обошли комнату, заглядывая во все щели. Дракончик как сквозь землю провалился. Пупс даже на всякий случай порылся у себя в карманах, а Оля заглянула в чайные чашки. Дракончика не было и там.

– А вдруг он нам приснился? – предположил Синеус.

– Точно приснился! Иначе куда бы он подевался? – согласился Трувор.

Оля и пупс только руками развели. Они ничего не могли понять. Неожиданно сверху раздался звонкий смех. Игрушки подняли головы и ничего не увидели. Лишь самый обыкновенный потолок. Но что это? Откуда взялась ещё одна люстра? Разве их было две? И в самом деле, на потолке было две люстры, одинаковых, как близнецы.

– Здрасьте-здрасьте! Вы меня не узнаете? – радостно сказала вторая люстра.

Она шлёпнулась на пол, но не разбилась, а превратилась в сияющего дракончика.

– Я и не знал, что умею выделять все эти штуки. Где вы меня только не искали! В карманах даже! Ха-ха! Думали, я вам приснился?

– Но как это у тебя получилось?

– Я превратился! – с трудом выговорил Пыхалка сквозь смех. – Стал невидимым, а потом превратился. Послушайте, если у меня получилось, значит, я уже вырос! Вырос, пока спал в сундуке.

– С ума сойти! Мне бы так! – завистливо сказал Куклаваня.

– У тебя, пупсина, на такое таланта не хватит, и не пытайся, – засмеялась Оля.

Глава пятая ОЧЕНЬ СЛОЖНЫЙ СТАРИКАШКА

Нередко по выходным родители уходили в гости, а Машу оставляли дома одну. Они считали её достаточно взрослой, чтобы один вечер в неделю занять себя самостоятельно. Но всем известно, как скучно бывает длинным-длинным вечером, когда никого больше нет, уроки сделаны, а все кассеты и диски с мультиками уже пересмотрены по восемьдесят раз. Оно, конечно, можно бы почитать книжку, но кто же станет читать, когда этого никто не видит и не может похвалить.

И вот в одну из суббот Маша сидела в кресле и гладила Дусю. Кошка сонно мурлыкала. Маша скучала и не знала, чем ей заняться. Она чуть было не начала плакать от безделья, как вдруг услышала под кроватью возню, и оттуда выбежал (кто бы вы думали?) Куклавяня. За ним с поварёшкой, занесённой над головой, гналась Оля.

– Скверный пупсина! Зачем ты подсыпал мне в кашу стирального порошка? Я уже час пускаю мыльные пузыри! – кричала она.

Тут кукла и пупс заметили Машу и замерли.

– Вы, вы настоящие! Вы можете говорить! – воскликнула Маша вне себя от удивления. И замолчала в нерешительности. Она не знала, что ей делать: сердиться, что игрушки раньше не открыли ей свой секрет, или радоваться, что теперь ей всегда будет с кем поиграть.

– Привет, Маша! Как твои делишки, как твои детишки? – крикнул Куклавяня.

– В жизни не встречала никого, способного наговорить столько глупостей за одну минуту! Ой! – Оля выпустила мыльный пузырь.

Маша присела на корточки возле спорящих игрушек:

– А вы забавные. С вами всегда можно поиграть!

– Это точно. И даже прямо сейчас. Пойдём покатаемся на лифте! Вверх-вниз, вверх-вниз, – предложил пупс.

Маша засомневалась.

– Не знаю. На меня оставили квартиру. Сказали, чтобы я присматривала за кошкой и никому не открывала дверь.

– Дешёвые отговорки! Не хочешь с нами играть – так и скажи. А дверь ты никому не будешь открывать. Как можно открыть кому-то дверь, когда сам катаешься на лифте?

– А кошка? Как я буду присматривать за кошкой?

– А кошку мы возьмём с собой в лифт. Обогастит свою кислую жизнь новыми впечатлениями! – заявил пупс.

Маша, кукла Оля и пупс вышли из квартиры и вызвали лифт. С рук у Маши свешивалась муфточкой кошка Дуся, которая пожелала сохранить в тайне свою учёность и говорила только «мяу!» и «ш-ш!».

Вначале Маша и игрушки просто катались на лифте, но вскоре им это наскучило и они стали шалить. Куклавания придумал звонить подряд во все двери, а как только в коридоре послышатся шаги, заскакивать в лифт и уезжать.

В эту игру они играли довольно долго. Было весело. Когда открывались двери и высовывалась чья-нибудь голова, проказники уже смеялись в лифте.

– А если кто-нибудь узнает, чем мы здесь занимаемся? – спросила Маша.

Куклавания презрительно отмахнулся толстенькой ручкой.

– Ерунда-ерундовина! Не станут же жильцы дома бегать за нами по лестницам в комнатных тапочках?

Но пупс не учёл, что на свете есть Пирожков.

Куклавания выскочил из лифта на восьмом этаже и, запрыгнув на спинку кошке Дусе, несколько раз настойчиво позвонил у металлической двери.

В квартире, в которую трезвонил пупс, жил Пётр Петрович Пирожков. Пирожков был ужасно сложный старикашка. Стоило Маше немножко пошуметь в комнате или кошке Дусе уронить какую-нибудь тарелку, он начинал стучать по батарее. Пирожков барабанил долго и упорно, а потом прибегал жаловаться родителям Маши, что ему не дают отдохнуть «в честно заработанное время».

– Что ты наделал! Это же квартира Пирожкова! Он сейчас нас поймает! – испугалась Маша.

– Не бойся. Все будет шито-крыто-инкогнито, – успокоил её Куклавания.

Услышав звонок, Пирожков метнулся к глазку. Дверной глазок был любимым обзорным пунктом Петра Петровича. Даже когда звонили не в его квартиру, а в соседнюю, он и тогда подсматривал, что и как. Однако сейчас в глазок он ничего не увидел и понял, что тот, кто прячется за дверью, маленького роста. Подбежав к двери и распахнув её, Пирожков успел заметить, как чьи-то ножки забежали в лифт, который быстро тронулся вверх.

«Это противные соседские ребятишки шалят. Ну я им устрою! Подкараулю, схвачу, а потом отведу к родителям!» – решил Пирожков.

И он стремительно кинулся по лестнице вверх, догоняя лифт.

– Вот я вам покажу! Будете меня помнить до выписки из больницы, маленькие гады! – кричал Пирожков.

Маше стало жутко, и она укоризненно посмотрела на пупса. Маша была осторожная девочка и жалела, что они затеяли всё это. Но Куклавания, кажется, ни чуточки не переживал.

– Игра только начинается! Сейчас мы устроим забег старичков в тапочках в обратном направлении! На старт! Внимание! Марш! – сказал он.

Пупс нажал кнопку «Стоп» и отправил лифт вниз.

– Откуда ты знаешь, на какие кнопки нажимать? – удивилась Оля.

– Я действую методом научного тыка. Нажимаю на все кнопочки подряд. Авось какая-нибудь и подойдёт, – пояснил Куклаваня.

Пупс остановил лифт на восьмом этаже и принялся настойчиво трезвонить в квартиру Пирожкова. Тем временем Пирожков, коварно притаившийся на последнем этаже, ждал, пока дети подъедут поближе. Он услышал звонок в квартиру и сообразил, что его провели. К тому же Пирожков вспомнил, что забыл закрыть дверь и даже ключей с собой не взял. Он помчался вниз по лестнице, крича: «Вот я вам покажу! Вас и ваших родителей вообще отсюда выселят, помяните моё слово!»

Пока Куклаваня звонил в квартиру Пирожкова, лифт уехал. Проказники быстро осмотрелись, куда бы им спрятаться. Топот по лестнице приближался. Казалось, Пирожков вот-вот свалится им на голову. В последнюю минуту Маша, Дуся, Куклаваня и Оля успели спуститься на несколько ступенек и притаились за мусоропроводом.

Пирожков, тяжело дыша, прибежал на площадку и огляделся:

– Куда они подевались? Всё равно узнаю кто!

И он помчался к себе в квартиру, чтобы увидеть из окна, когда проказники будут выходить из подъезда.

Маша с облегчением вздохнула.

– Ух, пронесло! Чуть не попались! Больше не буду играть в эту дурацкую игру!

Куклаваня согласно закивал:

– Хорошо, в эту не будем! Поиграем в потягунчики.

Прежде чем Маша успела остановить расшалившегося пупса, он мигом вытянул из мусоропровода обрывок толстой верёвки и за ручки прочно связал две противоположные двери – в квартиру Пирожкова и ту, что напротив. Обе двери открывались внутрь, и когда начинали тянуть одну, другая тем самым захлопывалась.

– Сейчас начнётся самое интересное! – воскликнул пупс и позвонил в обе квартиры.

А нужно сказать, что в квартире напротив жила продавщица из молочного отдела гастронома по фамилии Авдохина. Это была жилистая усатая женщина с пронзительным голосом, которая умела кричать так громко, что даже Пирожков её боялся.

Авдохина и Пирожков всё время ссорились и нередко шпионили друг за другом в дверные глазки. Они были так похожи, что никак не могли ужиться.

Когда Авдохина услышала звонок, она подошла к двери и резко дёрнула ручку на себя. Незадолго до того она слышала на лестнице возмущённый голос Пирожкова и теперь решила, что он пришёл ругаться. Однако дверь не поддавалась. Ей мешала верёвка.

– Ах так! – крикнула Авдохина и с силой налегла на ручку. Но ей удалось только самую малость приоткрыть дверь. Этим она захлопнула дверь Пирожкова, который тоже попытался выглянуть на площадку.

«Ага, попались! Держат дверь снаружи! Теперь не успеют удрать!» – восторжествовал Пирожков.

Он упёрся ногами в порог и принялся тянуть на себя. Авдохина ощутила напряжение по ту сторону и, не уступая, повисла на двери всей тяжестью.

Игра в перетягивание каната началась! Куклаваня стоял посередине между дверями соседей, слишком низенький, чтобы его можно было увидеть в глазок, и с интересом наблюдал за происходящим.

Стоило Пирожкову или Авдохиной приналечь как следует, как его дверь немного приоткрывалась. Но только самую малость, так как верёвка было короткой.

– Ну держитесь! Вот я вас! – громко воскликнул Пирожков.

Авдохина услышала этот возглас и решила, что это сосед не выпускает её из квартиры.

– Ах ты, чучело огородное! Совсем из ума выжил! Вот я до тебя доберусь! – крикнула она.

Пирожков узнал голос Авдохиной и во всём обвинил её. Он даже смутно заподозрил, что это Авдохина каталась на лифте и дразнила его.

– Вот я тебе задам, хулиганка! А ещё взрослая женщина! Отпусти сейчас же дверь! Ругать тебя буду! – проорал Пирожков сипящим от возмущения голосом.

Куклаваня посмотрел на Машу и тихо спросил, как ей нравится новая игра. Маша покачала головой и погрозила пупсу пальцем. Впрочем, она была рада, что им удалось подшутить над Пирожковым, который вечно досаждал её родителям.

– Отпусти немедленно дверь! Я тебе приказываю! – кричал Пирожков.

– Сам отпусти! – повизгивала Авдохина.

Привлечённые шумом, из других квартир стали выглядывать жильцы. Игру пора было прекращать. Воспользовавшись короткой передышкой Авдохиной и Пирожкова, которые совсем выбились из сил, пупс отвязал от ручек верёвку, а сам вместе с Машей, кошкой и куклой Олей юркнул к себе в квартиру.

Там шалунишки приложили уши к двери и прислушались. Случилось так, что Авдохина и Пирожков разом дёрнули двери, рассчитывая внезапным натиском захватить соперника врасплох. Они выскочили на площадку и столкнулись нос к носу. Каждый решил, что поймал другого на месте преступления.

Что было дальше, Маша не успела узнать, потому что папа и мама вернулись из гостей. Девочке не хотелось, чтобы родители узнали, что она выходила из квартиры в их отсутствие. Они бы всё равно не поверили, что всё затеяла не она, а пупс Куклавая. Родители многого не понимают, а жаль. Ведь они тоже когда-то были детьми.

Глава шестая ДОБРАЯ СКАЗКА ДЛЯ ЗАЙЦЕВ

Зайцы Синеус и Трувор никогда не засыпали без сказки. Каждый вечер перед сном Маша или кукла Оля рассказывали им ставшие привычными истории про Красную Шапочку, Золушку или Кота в сапогах. Но в тот вечер Маши не было дома: она осталась ночевать у бабушки, а куклу Олю взяла с собой. Зайцы хныкали и не хотели ложиться спать без сказки. Под конец их нытьё надоело Куклаване, который любил вечером посидеть в тишине.

– Всё! С меня довольно! Будет вам сказка! Всем лечь в кровать и закрыть глаза!

Пупс заложил руки за спину и принялся расхаживать по комнате. Зайцы тихо лежали в своих постельках-варежках и ждали обещанной Куклаваней сказки.

– Чем вам обычно забивает головы эта глупая кукла?

– Жил-был мельник, и было у него три сына. Старшему он оставил мельницу, среднему осла, а младшему кота в сапогах... – пролепетали зайцы. Они знали всё наизусть, однако сами себе рассказывать сказки по странной причине не могли.

Куклаваня расхохотался:

– В чём кота? В сапогах? Чем только не дурят детям головы! Пробовал я как-то обуть кошку Дусю, думал, она меньше будет царапаться, и что же? Дуська чуть всю вату из меня не вытормошила!.. Нет уж, дудки! Сегодня я расскажу вам другую сказку.

Зайцы наострили ушки. Куклаваня начал рассказывать:

– У одного старикана типа нашего Пирожкова в квартире было много пыли. Пыль лежала на полу, на диванах и даже в закрытых ящиках стола. Как-то утром старикан встал и увидел в пыли следы маленьких ножек, обутых в ботиночки с крошечными гвоздиками. Следы вели в кухню к сахарнице. Было похоже, что ночью здесь прошли десять маленьких человечков.

Вечером старикан положил на кухонный стол десять конфет. Девять нормальных, а одну отравленную. Ночью конфеты исчезли. А на следующее утро к сахарнице вели следы только девяти пар маленьких ботиночек... Зайцы, закрыли глаза, я сказал!

Старикан положил ещё одну отравленную конфету. Прошёл день, и следов стало меньше. Он отравил ещё конфету, и ещё, и ещё. Так раз за разом он травил конфеты, пока однажды не увидел один-единственный след. Цепочка следов грустно пересекала пыль и вела к окну. Больше к сахарнице никто не приходил.

Куклаваня закончил сказку, зевнул и посмотрел на зайчиков, уверенный, что те уже спят. Ничего подобного. Зайцы тихо дрожали в своих кроватках-варежках.

– Ра-ра...

– Что ра-ра...? Будете меня бояться, я вас отшлёпаю!

– Расскажи нам лучше про Золушку, Куклаваня! – робко попросили зайцы.

Пупс поморщился.

– Ну хорошо. Напомните мне, про чего там.

– Жила-была Золушка. Мачеха и две её дочери заставляли Золушку много работать и не разрешали ходить на бал во дворец. Во дворце жил принц... – подсказали зайцы.

– А Золушке, стало быть, хотелось замуж,

как нашей Дуське. Да? – перебил пупс.

– Да. Откуда ты знаешь? – удивились зайцы.

– Всегда одно и то же! Ну так слушайте продолжение. Золушке надоело, что её держат за дуру и мешают развлекаться. Она хватъ хрустальной туфлей мачеху по лбу. Туфля, понят-

ное дело, вдребезги. А потом Золушка заперла сестриц в подвале, а сама побежала на бал. Там она быстренько окрутила принца и обтяпала своё дельце.

– Какое дельце? – удивились зайцы.

– Ясно какое. С принцем. Тот ещё была фрукт эта ваша Золушка!

Куклаваня зевнул и посмотрел на Синеуса и Трувора в надежде, что их тоже клонит ко сну. Но не тут-то было. Зайцы тихонько хныкали в своих варежках, но засыпать не собирались.

– Оля нам не так рассказывала! А-а!

Пупс пришёл в крайнее раздражение и запрыгал на месте:

– Ну что вам ещё надо? Хотите, я расскажу про вампиров или про Синюю Бороду?

– Оля нам про них не рассказывала! А-а!

– Надоели вы мне со своей Олькой и со своими сказками! Последний раз спрашиваю: будете спать или нет? Даю вам три минуты! Две уже было! Не заснёте – позову Фреддика с пилой! И он вас распилит на кусочки! – пригрозил Куклаваня.

Можете представить себе, что тут началось. Такого громкого визга пупс никогда не слышал. Обычно Синеус и Трувор только чуть-чуть похныкивали, а тут – такая буря! Куклаваня едва не оглох. Он заметался по комнате, не зная, что предпринять. На его счастье, Дуся, разбуженная громким плачем, пришла и успокоила зайцев. При этом кошка высказала Куклаване всё, что о нём думала, и даже много такого, чего и не думала. Оказалось, что в целом кошка была о пупсе не самого высокого мнения.

Куклаваня обхватил голову руками:

– Ты мне всю душу вымяучила, противная Дуська! Нет уж, дудки! В другой раз сами рассказывайте сказки! В печёнках у меня уже сидят эти ваши Золушки!

Глава седьмая КОШКА ДУСЯ ВЛЮБИЛАСЬ

Кошка Дуся жила по чёткому расписанию. Днём она спала, а вечером играла с Машей: прыгала на руки, ласкалась, тёрлась о ноги или снисходительно забавлялась со скомканной в шар газетой. Делала вид, что верит, будто этомышь. Только двух игр Дуся терпеть не могла: она не любила, когда её дергают за хвост или запрягают в тележку. В этих случаях Дуся взъерошивалась и начинала шипеть, а однажды поцарапала противного мальчика Петю, который попытался засосать Дусю в пылесос.

Но, проснувшись однажды утром, Оля застала кошку в странном настроении. Дуся каталась по полу и истошно орала каким-то особым хриплым мявом.

– Что с тобой? Ты ушиблась? У тебя болит голова? Ты подвернула лапку? – участливо спросила Оля.

Дуся приподняла голову и посмотрела на неё мутным взглядом.

– А, это ты! Хорошо, что ты пришла, хотя, в сущности, могла бы и не приходить.

– Почему? – удивилась Оля. – Ты же сама приглашала меня вчера! Ты была такая весёлая. Что случилось? Ты простудилась? Я же предупреждала: нельзя лежать на сквозняке.

Дуся вздохнула.

– Какое там простудилась! Ты умеешь хранить секреты?

– Умею. Я много умею: шить, стирать, готовить обед, убирать квартиру... – загибая пальцы, честно начала перечислять кукла.

– Всё с тобой ясно! Ну да я тебе всё равно расскажу! Я влюбилась, – печально промурлыкала кошка.

– Да что ты! В кого? – обрадовалась Оля.

– В одного кота. Ты его не знаешь, – сказала Дуся.

– А кто он, этот кот?

– Да никто... Так, ничего особенного...

– Совсем ничего?

– Совсем. Ну да не в этом дело. Я его люблю.

Оля затрясла кудряшками.

– Ничего не понимаю! У меня в голове полная неразбериха!

– Неудивительно. У тебя же там ничего нет. Одни дырочки для волос, – фыркнула Дуся.

Оля не обиделась. Слишком любопытно было разузнать подробности Дусиной любви. Зачем и почему нужны были ей эти подробности, она и сама не знала, но они были почему-то важны для полуторагодовой куклы с голубыми, как у всех кукол, глазами.

– А где ты встретила этого кота? Ты же всё время дома, – спросила Оля.

Дуся перевернулась на живот, положила голову на передние лапки и тяжело-тяжело вздохнула:

– Я его в окно увидела. Он на соседней крыше пел серенады.

– Чего пел?

– Серенады.

Песни такие.

– И хорошо пел?

– Хуже некуда. Совсем скверно, – призналась Дуся.

– И ты влюбилась? Услышала эти самые соли-не-надо и влюбилась? – кукле Оле становилось всё интереснее.

– Надо же в кого-нибудь влюбиться. Весна ведь, – уныло заметила кошка.

– А какой он, твой кот? Красивый?

– Какое там! Обыкновенный беспородный кот. Небось живёт на помойке и питается рыбьими хвостами, – Дуся передёрнулась.

– А что ты в нём нашла?

– Ничего я в нём не находила. НИ-ЧЕ-ГО! Я в него просто влюбилась! Ты, кукла, совсем глупая! – крикнула кошка.

Дуся вскочила и в беспокойстве стала метаться по комнате. Она всё обнюхивала, вскакивала на стулья, принималась кататься по полу и драть когтями диван. Аккуратной Оле такая любовь совсем не нравилась. На её вкус она была слишком беспокойная.

– И чего ты маешься? Неужели нельзя любить тихо? Свернись себе клубочком у батареи и люби! – посоветовала она.

– Я страдаю. Разве ты не понимаешь, что я страдаю? Я просто места себе не нахожу!

– А в кого-нибудь другого нельзя влюбиться? Почему в него? Потому что он пел соли-не-надо?

– Ты не понимаешь! – замотала головой кошка. – Он здесь вообще ни при чём. Если бы его даже не было на крыше или если бы он не пел серенады, я бы всё равно влюбилась. Это всё весна, понимаешь?

Оля поправила бант.

– Смутно. Это, выходит, я должна влюбиться в Куклаванию только потому, что сейчас весна?

Дуся хлестнула хвостом.

– Ты-то тут при чём? Ты ещё маленькая. А твой Куклавания просто незрелый пупс. Любовь, она только у взрослых. Просто иногда очень хочется влюбиться, и влюбляешься, а так что? Пустяки!

Тут мордочка кошки опять стала отрешённой, и Дуся, мяукая, принялась кататься по полу.

– Самое смешное... – проговорила она, переставая кататься. – Самое смешное, что всё это пройдёт. Точно знаю, что пройдёт. Дня через три. У меня такое уже бывало не раз.

Кукла Оля внимательно выслушала Дусю, подумала немного, разгладила передничек. На её спокойном лице вдруг появилось мечтательное и вместе с тем нерешительное выражение.

– Знаешь что... Только ты не смейся! Можно я тоже в него влюблюсь? – выпалила вдруг Оля.

Дуся от удивления даже на время успокоилась:

– В кого?

– В твоего кота.

– Тебе-то зачем?

– Не спрашивай. Только скажи: да или нет? – потребовала Оля, покраснев и надувшись, как воздушный шар.

Дуся помолчала немного, посмотрела на куклу, улыбнулась и промяукала:

– И ты туда же? Ну дело твоё... Влюбляйся на здоровье!

Вечером Дуся и кукла Оля сидели на подоконнике и смотрели, как за многоэтажные дома заходит солнце. Послышалось пыхтение. Это Куклавания карабкался по шторе.

– Ага! Вот я вас и нашёл! Привет, Кушкудуська! Привет, Олька! Что вы тут делаете? – радостно заорал он.

Оля обернулась.

– А, это всего лишь ты, пупс! А мы тут в окно смотрим. Если хочешь, можешь остаться. Только, пожалуйста, не шуми.

– Что я не видел в этом вашем окне? Я в него тысячу миллионов раз глядел... Вот!

И Куклавания прошёлся колесом, высоко вскидывая коротенькие ножки. Оля и Дуся не обратили на пупса особого внимания, и Куклавания, утихомирившись, тоже стал смотреть в окно.

– Ого! – вдруг завопил он. – Я знаю, на что вы глазеее! Там опять этот тип моет машину. Вот осёл! Целый день не может остановиться и всё моет, моет... Можно подумать, что он в машину влюбился! Давайте в него цветочным горшком, что ли, зашвырнём. Вот будет весело!

– Влюблён в машину! Как оригинально! – вздохнула кошка Дуся, которая из всей долгой тирады Куклавани услышала только это.

– Куда уж оригинальнее! Обыкновенная жадина! – сказала кукла Оля.

– Ты опять ничего не поняла! Совсем ничего, – отмахнулась лапкой Дуся.

– Почему?

– Неважно, кого любить. Влюбиться можно в кого угодно или даже во что угодно. Не имеет значения объект! Важно состояние! Любовь приходит не потому, что рядом появился действительно кто-то подходящий, а потому, что не может не прийти. Она приходит не снаружи, а изнутри, – сказала Дуся.

– Какая ты умная, Дуська! Ты такая умная, что просто неудивительно, что ты не замужем! – восторженно выдохнул Куклавания.

Кошка сердито зашипела.

– Тише, Дуся! Цыц, пупс! Давайте просто глядеть на солнце! – потребовала Оля.

Куклавня и кошка послушались и тоже стали любоваться закатом.

Глава восьмая

КУКЛАВАНЯ И ЕГО ПРОТИВОГОСТЕВАЯ ОБОРОНА

Домик, в котором жила кукла Оля, стоял на подоконнике между цветочными горшками. Имея хорошее воображение, можно было рассказывать всем, что у тебя дом с садом в горах. На перилах крыльца блестели серебряные шишечки. Домик состоял из маленькой комнаты, кухни, чердака и был красиво выкрашен акварельными красками.

Пупс Куклаваня жил в старом ботинке 46-го размера. В ботинке всегда был такой же беспорядок, как и в карманах у пупса. Вещи лежали сваленными в кучу, а на самом верху кучи обычно восседал сам Куклаваня и приветствовал гостей.

Жилищем зайцев служила коробка из-под печенья, большая, картонная, с прорезанными ножницами окнами и дверями. Изнутри Синеус и Трувор раскрасили её фломастерами и цветными карандашами. Спали зайцы, как вы помните, в варежках. Ночью они часто боялись, и утром варежки приходилось стирать и вывешивать сушиться на настольную лампу. «Детсадом пахнет», – морщился пупс. Кроме того, в коробке у зайцев стоял игрушечный стол и стулья из пустых нитяных катушек. Там же было маленькое зеркальце, в которое любила смотреться кукла Оля, когда приходила в гости.

Как-то утром, проснувшись в кроватках-варежках, зайчики позавтракали морковным салатом, запили морковным соком и решили отправиться в гости. Они взяли за лапки и пошли к Куклаване. Пупс уже не спал и что-то мастерил.

– Ага! – обрадовался он, увидев Синеуса и Трувора. – Вы-то как раз мне и нужны. Я сооружаю противогостевые ловушки. А ну подержите-ка эту верёвку!

Пупс подвесил над дверью большую подушку и, довольный, оглядел свою работу:

– Хорошенькая ловушка! Сработает как надо! Гость подумает, что это звонок, дёрнет – и ему на голову свалится подушка... Бабах!

– А гостю не будет больно? Это, наверное, нехорошо швыряться в тех, кто пришёл тебя навестить, подушками? – с тревогой спросили зайцы.

– Ну, так уж и нехорошо! Это называется Э-ТИ-КЕТ. Вся Европа сейчас только этим и занимается, – воскликнул Куклаваня.

– Ой! В этой Европе, должно быть, ужасно страшно жить!

– Наоборот, весело. Хозяин дома вначале спускает гостя с лестницы или подливает ему шампунь в чай, а потом вежливо извиняется за причинённые неудобства. А гость говорит: «Ничего-ничего, не беспокойтесь! Приходите ко мне завтра на кружечку яда!»

Пупс забегал по комнате. Он натягивал верёвочки, подвешивал мячи и подушки, прятал под сиденье стула хлопушки и наполнял водой брызгалки. Потом он уселся на пороге и терпеливо принялся ждать.

Наконец самый храбрый из двух близнецов, Трувор, отважился спросить:

– К-куклаваня, а К-куклаваня, а кого мы ждём?

Пупс повернул к нему рыжую голову.

– Гостей, кого же ещё? Для чего я, интересно, ловушки сооружал?

– А никто не придёт. У Оли сего-дня эта... генеральская уборка. А кошка Дуся спит, и её лучше не трогать. А то решит спросонья, что ты мышь. Настоящих мышей она и в глаза не видела.

В этот момент где-то близко послышались крик и звук падения. Куклаваня сорвался с места:

– Что такое? Кто там брякнулся?

Они обогнули кучу хлама и увидели куклу Олю, сидящую в луже и обсыпанную перьями из подушки.

– Откуда ты взялась? У тебя же сегодня генеральская уборка! – подозрительно спросил пупс.

– Я всё уже убрала... А сейчас обо что-то споткнулась, и вот! – заплакала Оля.

– Понятно, – сказал Куклаваня. – Не бери в голову и расслабься. Ничего ужасного не произошло... Просто немного этикета. Кстати, а откуда здесь лужа? Лужа здесь не была предусмотрена.

– Это не лужа. Это яблочный кисель, – прорыдала Оля.

– Яблочный кисель? Мой любимый яблочный кисель? – на лице у Куклавани появилось озадаченное выражение.

– Ты давно просил, вот я и сварила.

Пупс топнул ногой.

– Ой! Почему ты раньше не предупредила, что принесёшь кисель? Ну почему? Вечно интриги, вечно от меня всё скрывают! Ты что, Олька, не могла аккуратнее нести? Кто тебя просил падать?

– Я здесь всегда ходила. Сама не знаю, как это получилось.

– Это, наверное, твоя противогостевая ловушка сработала. Видишь, Куклаваня, верёвка натянута! – радостно пояснили зайчики Синеус и Трувор.

Куклаваня сделал страшные глаза, однако было уже поздно.

– Ловушка для гостей? – медленно повторила Оля. – Какая ещё ловушка, негодный пупс?

– Так просто ловушечка. Ничего серьёзного. Даже и не ловушечка, а пустячок. Просто верёвочка, коротенькая такая... – забормотал Куклаваня, пятясь.

– Ах ты пупсина негодная! Вот я тебе покажу! – закричала Оля.

И она принялась гоняться за Куклаваней, который испуганно удирал на своих коротких ножках, оправдываясь на бегу: «Я не хотел... Это была просто верёвочка! Ай! Не по спине! Лучше по голове: она у меня мягкая!»

– Вот тебе и яблочный кисель! – часто повторял после Куклавая. – А всё из-за этого ЭТИКЕТА. Чтоб я ещё когда-нибудь доверял хорошим манерам!

Глава девятая ЗАВОЕВАТЕЛИ ИЗ ОБУВНОЙ КОРОБКИ

У Маши был двоюродный брат Петя. Пете было уже десять. Петя жил с мамой и папой в городе Туле, но иногда приезжал в Москву погостить. Петя был вредный. Он дёргал Машу за волосы, обливал из брызгалки, дразнил нюней, дурёхой, мелюзгой и другими неприятными словами. Нельзя сказать, что Маша любила Петю и с нетерпением ожидала его приезда.

В этот раз Петя привёз с собой большую коробку, перевязанную бечёвкой. Казалось бы, коробка как коробка, ничего особенного, но странным было то, что Петя никому не давал в неё заглянуть. С этой-то коробки всё и началось. Случилось это так.

– До чего же противный этот Петя! Вчера он хотел сунуть меня в кастрюлю, а когда я его оцарапала, побежал жаловаться маме. Он не только вредина, но ещё и ябеда, – пожаловалась как-то кошка Дуся.

Пупс закивал.

– Мне тоже не нравится Петя. В прошлый раз он едва не оторвал мне руку. Ему хотелось проверить, крепко ли она пришита. Ну не тупой, нет?

Дракончик Пыхалка носился по комнате, безуспешно стараясь догнать свой хвост:

– Никак не получается! Всё время эта коробка под лапами путается. Интересно, что Петя там прячет? Как ты думаешь, пупс? – спросил он.

Куклавания заявил, что проголодался и не может думать на голодный желудок.

– Пойдём навестим Олю! Как раз успеем к обеду, – предложил он.

– Неудобно как-то... Не можем же мы каждый день у неё обедать! Мы вчера у неё были, – застеснялся Пыхалка.

– И позавчера тоже, и позавчера, – добавила кошка Дуся.

– Тем более нужно пойти, чтобы не нарушать традицию! – продолжал соблазнять Куклавания, который не хотел идти один, боясь, что Оля его прогонит. – Представьте, какой это для Оли будет приятный сюрприз. Она небось сейчас сидит за столом и размышляет: «Что мне делать с этой банкой горчицы?» Дай, думает, я её выброшу, а то Пыхалка сегодня не придёт. Потом смотрит на рыбные консервы и думает: «Придёт ли сегодня в гости Дуся? Если нет, то я вообще всё повыбрасываю».

Кошка Дуся облизнулась. На мордочке Пыхалки отразилась напряжённая работа мысли:

– Ты считаешь, Куклавания, что у Оли осталась ещё горчица? И она действительно собирается её выкинуть?

– Конечно. Я ещё вчера слышал, как она говорила: «Полный шкафчик этой горчицы! Нужно её повыкидывать, всё равно никто не ест», – вдохновенно сказал Куклавания. Он вовсе не врал. Просто у него голова была так устроена, что он верил всему, что сам говорил.

– Как же она про меня забыла! Побежали скорее. Может, ещё успеем! – испугался Пыхалка.

Кошка Дуся задумчиво потёрла лапкой мордочку:

– Конечно, ты, пупс, многое преувеличил... Ты без этого не можешь, чтобы не насочинять... Но, с другой стороны, Оля и в самом деле может выбросить рыбные консервы. Она иногда бывает такой рассеянной.

Куклавания забрался на спину Дусе, дракончик заработал крылышками, и они направились к домику Оли.

Никто не заметил, как крышка на загадочной коробке отодвинулась. Вначале из неё высунулась голова в блестящей каске, повертелась немного и исчезла. В коробке послыша-

лось шушуканье. Кто-то сказал: «Раз! Два! Три!» – и сразу в одной из стенок появилось большое отверстие, словно коробку кто-то пропилил изнутри.

Из отверстия, озираясь, выбрались три солдатика, которых купили в подарок Пете на день рождения. Несколько дней они прятались в коробке, поджидая удобной минуты, чтобы произвести вылазку и выяснить, нет ли в комнате чего-нибудь, что можно было бы завоевать.

– Громила, игрушки ушли? – прошептал один из солдатиков, озираясь.

Это был кругленький, пухленький человечек в генеральской форме, казавшийся очень воинственным. На голове у него блестела начищенная каска.

– Да, командир! Нет, командир! Не знаю, командир! – отчеканил Громила.

– Помолчи, недотёпа!

– Но ты же сам спросил, ушли ли они. Вот я и говорю...

– Хватит!!! Молчать!!!

– Как хочешь, командир... – обиженно произнёс Громила.

Громила был солдат огромного роста, очень сильный. В руках он держал многоствольный пулемёт, стрелявший канцелярскими кнопками. На поясе у него висело несколько бомб из жевательной резинки. Голова у Громилы была маленькой, и много думать ему было строго противопоказано.

– Хваталка, где они? Куда подевались эти дурацкие куклы? Иди и посмотри! – приказал Генерал.

Хваталка был робот, металлический и блестящий. Руками ему служили клешни, как у краба. Правая клешня – в форме плоскогубцев, чтобы хватать, а левая, как ножницы, чтобы резать. Именно клешней-ножницами робот проделал дыру в коробке, через которую солдатики вылезли наружу. Из железного живота у Хваталки торчало дуло пушки, с ужасной силой стрелявшей липучкой. В спине у робота торчал ключ. Его нужно было заводить каждый час, иначе робот выключался.

– Я не могу, командир! Я не запрограммирован идти и смотреть. Я запрограммирован только хватать! – отрапортовал робот.

– Не солдаты, а недотёпы! Всё приходится делать самому. Никому ничего нельзя поручить! – затопал ногами Генерал.

Хваталка и Громила переглянулись.

– Генерал, а зачем мы вылезли из коробки? – спросил Громила и почесал затылок ручищей.

– Чтобы завоёвывать всё подряд, болван! Вначале мы завоюем эту комнату, и эти кукольные домики будут нашими. Мы построим здесь базу и будем нападать на киоски с мороженым. Дети очень любят мороженое. Мы заставим их выбросить все игрушки. А вместо старых игрушек, разных там мишек, кукол и заек, пусть покупают пистолеты и автоматы!

– Здорово придумано, Генерал! Мне бы до такого никогда не додуматься! – поразился Громила.

– Вот поэтому командир я, а не ты!

– Генерал, игрушки выходят из домика. Через пять минут они будут здесь. Я вижу двух кукол и двух коротышек с большими ушами, – доложил вдруг Хваталка.

– Это кролики, глупая железка! Все в засаду! Когда они подойдут ближе, мы их схватим, – прошептал Генерал.

Громила и Хваталка спрятались в коробку, а Генерал – за ножку кровати.

– Я хорошо спрятался, да, командир? – заорал Громила из своего укрытия.

– Молчи, недотёпа! Они уже близко! – Генерал погрозил Громиле кулаком.

Кукла Оля была рада гостям. У неё, как и предполагал пупс, нашлось чем угостить каждого. Куклавания получил целую кастрюлю яблочного киселя и кекс с изюмом. Для Дуси отыскались рыбные консервы. Для Пыхалки у Оли была припасена баночка замечательной,

очень крепкой горчицы. От такой горчицы у кого угодно глаза полезли бы на лоб, но дракончику она пришлась по вкусу. Он даже засопел от удовольствия. Дуся и дракончик моментально объелись, и их стало клонить ко сну.

– После обеда не положено гулять! После обеда уважающие себя звери спят! – зевая, промяукала Дуся.

– Вот-вот! А проснувшись, можно сразу поужинать. Мы же растём! – согласился Пыхалка. Он был редкостный соня. В конце концов, проспал же в сундуке сто лет.

И Дуся с Пыхалкой моментально уснули, прижавшись друг к другу.

– Ты их явно перекормила, Оля! Похоже, только меня недокармливают! – заметил Куклавания.

Сказав это, пупс незаметно расстегнул ремень и передвинул его на самую последнюю дырочку. Оля взяла зайцев за лапки и повела их гулять. Куклавания лениво плёлся следом, сунув руки в карманы. Болтая о том о сём, друзья постепенно приближались к тому месту, где прятались Хваталка, Громила и Генерал.

Когда игрушки подошли достаточно близко, Генерал выскочил из-за ножки кровати и выстрелил в Олю из водяного пистолета:

– Ура! Лови их! Никого не выпускать! Всех схватить!

Громила выпрыгнул из коробки, бестолково стреляя из пулемёта и вопя: «Делзы! Делзы!» Когда Громила

волновался, то все звуки перемешивались у него во рту, и он переставал выговаривать «р». Хваталка бешено заработал гусеницами, защёлкал клешнями и устремился к зайчику.

– Ну держитесь, кроличьи шапки! – лягнул он.

Вначале победа клонилась на сторону солдатиков. Кукла Оля взвизгнула и едва не упала в обморок, когда Генерал забрызгал ей кружевной фартук из водяного пистолета. Громила бросил одну из бомб-липушек, и ноги Трувора моментально приклеились к полу. В ответ Куклавания толкнул Генерала так, что тот упал, запутавшись в своей сабле.

– Помогите! Распутайте меня скорее! – завопил Генерал.

Хваталка, который почти поймал своими клешнями Синеуса, бросил его и помчался помогать Генералу. В это время Громила схватил Куклаванию и поднял его высоко над головой.

– Ишь ты, какой шустрый толстячок! От меня не уйдёшь! – пробасил Громила.

Хваталка, забыв о зайцах, щёлкал клешнями и наседавал на Олю. Кукла отталкивала робота от себя и сердито говорила:

– Перестаньте меня трогать! Мы ещё недостаточно знакомы. У вас руки холодные!

Оля случайно нашарила на спине у Хваталки ключ и стала его крутить против завода. В роботе что-то щёлкнуло, и гусеницы стали вертеться с разной скоростью так, что робот заколесил кругами. Случайно Оля обнаружила у Хваталки самое уязвимое место.

– Повреждение рабочего механизма! Поломка! Поломка! Поломка! – механически повторял Хваталка.

Куклаване тоже повезло. Когда Громила поднял его над головой, из кармана у пупса выпал молоток, которым пупс колотил орехи, и треснул Громилу по лбу. А из других карманов посыпались железки, банки, жуки в спичечных коробках. Весь этот град обрушился на голову Громиле.

– Калаул! Так нельзя воевать! – заверещал Громила.

Из спичечной коробки выполз жук и укусил Громилу за ухо, а другой жук свалился прямо под пуленепробиваемый жилет и принялся там разгуливать.

– Я боюсь щекотки! Ы-ы-ы-ы! У-уберите эту га-адость! – Громила запрыгал на месте и выронил пупса.

Генерал палил из водяного пистолета в зайцев и Олю, но никак не мог попасть: каска постоянно сползала ему на глаза.

– Стойте! Дайте прицелиться!.. У меня воды мало осталось!.. Ловите их скорее, мои храбрые солдаты! Куда вы, остолопы?

Но Громила уже удирал, волоча за собой пулемёт. За ним катился Хваталка, позвякивая железными внутренностями. Генерал подумал и побежал следом за своими солдатами.

– Отступаем! Ура!.. Ура! Отступаем! – кричал он.

Генерал сообразил, что в условиях общей паники приказ отступить будет самым правильным. Потом он сможет сказать своим солдатам, будто так всё и планировал с самого начала.

Куклавания поднялся с пола.

– Здорово мы их вздули! Теперь долго не сунутся! Только непонятно, откуда они взялись. Не с неба же упали!

Оля нахмурилась и чуть не заплакала, увидев, что её платице испачкано, а голубой бант потерялся.

– Куклавания, ты не сможешь мне найти бант?

Пупс огляделся:

– Ага, вон валяется!.. Смотри, Оля, коробка прорезана! Что бы это могло значить, а?

Оля посмотрела на коробку с дырой в боку, проделанной клешнями Хваталки.

– Наверное, солдатики вылезли из коробки. Сам Петька вредный, и игрушки у него драчливые. Посмотри, как они измазали мне платье! На что я теперь похожа?

– Ни на что ты не похожа! – утешил её Куклавания.

Олю это не утешило.

– А где зайцы? Куда они подевались?

– Мы здесь!

Из приоткрытого ящика письменного стола выглянули Синеус и Трувор. Они мелко дрожали и прижимались друг к другу.

– Ну и трусишки же вы! Можете не бояться. Солдатики убежали! – сказал Куклавания.

Из-под шкафа в другом конце комнаты выглянул Громила и прокричал:
– Генерал велел передать, что мы вам ещё покажем! Мы нарочно отступили!
– Попробуйте только! Мы вас опять поколотим! Забирайте своего дурацкого Петю и проваливайте отсюда! – Куклаваня сложил руки рупором, чтобы голос звучал громче.
Громила погрозил кулаком и скрылся за шкафом.

Глава десятая ЗНАКОМСТВО С УЧЕНИЧКИНЫМ

огда после битвы с солдатыками игрушки вернулись в домик к Оле, Пыхалка и Дуся всё ещё спали. Дуся, та вообще по настроению могла дрыхнуть целыми днями, просыпаясь только по крайней необходимости. Сейчас, вероятно, кошке снилось, что она карабкается на высокое дерево, потому что она перебирала во сне лапками и вертела головой. Пыхалка изредка всхрапывал, выпуская небольшой фонтанчик пламени и дыма.

Дракончик и Дуся спали крепко. Сколько их ни трясли и ни кричали, всё было напрасно. Наконец Оле пришла в голову счастливая мысль звякнуть у них над ухом крышечкой кастрюли. Это сработало. Тотчас сони проснулись и стали озираться по сторонам. Оля и Куклаваня рассказали им, как они сражались с солдатыками.

– А сколько их было? – спросил Пыхалка.

– Трое... – пупс, не очень сильный в арифметике, на всякий случай пересчитал на пальцах.

– Тогда это был не Добрыня Никитич, – с облегчением вздохнул дракончик.

– А кто такой этот Добрыня Никитич? – поинтересовался Куклаваня. – Солдатик?

– Я же рассказывал о нём уже! Не солдатик, а богатырь.

– Я Добрыню Никитича на картинке видела. Он на лошади и с мечом, – похвасталась кукла Оля.

– Точно-точно... Потом лошадь кто-то из наших съел, а меч остался. Как сейчас помню, большущий такой меч, – подтвердил Пыхалка.

– Насколько большой? Сколько в нём было километров-метров-сантиметров-миллиметров? – спросил вдруг чей-то тоненький голосок.

Пыхалка оглянулся.

– Кто это сказал? Ты, Куклаваня? – удивился он.

– Не-а, не я, – сказал пупс.

– Это я спросил. Сколько в мече было километров-метров-сантиметров-миллиметров? – нетерпеливо повторил тот же голосок.

Все увидели, что в дверях кукольного домика стоит незнакомец в больших очках на вздёрнутом носике и в смешном красном колпаке. На незнакомце была зелёная бархатная куртка и чёрные ботинки с белыми шнурками. В руках он держал маленький портфель.

– Кто вы? – удивилась Оля.

– Простите! – чопорно произнёс гость. – Забыл отрекомендоваться. Я гном Ученичкин, физик-химик-математик.

– Вы из той же коробки, что и солдатики? – подозрительно спросила кукла Оля.

– Нет. Я имел честь прибыть сюда в школьной сумке Маши. Раньше я жил в школе, а теперь решил оттуда уйти. Не могу смотреть, как катастрофически падает уровень образования, – сказал гном.

Пупс открыл было рот, чтобы съехидничать, но Дуся легонько шлёпнула его лапой. Она была серьёзной кошкой и любила разговаривать на умные темы.

– Полностью с вами согласна. Безобразие, просто безобразие! В наше время всё было по-другому. Нынешнее поколение само не знает, что теряет, – промяукала она, обращаясь к Ученичкину.

Двухлетняя кошка Дуся никогда нигде не обучалась, но считала себя ужасно многоопытной и взрослой. Никто её в этом не разубеждал, потому что Дуся, когда злилась, сразу начинала царапаться и кусаться.

– У вас правильные взгляды, уважаемая! Полностью с вами согласен. Позвольте спросить, с кем имею честь беседовать? – спросил гном.

– Дуся... То есть Авдотья, – смущаясь, представилась кошка.

– А я Пыхалка! – сказал дракончик.

– ПЫхалка или ПыхАлка? Как вас правильно ударять? – важно спросил гном.

Дракончик обиделся.

– Меня не надо ударять. Я могу дать сдачи! – буркнул он.

– Я не это хотел сказать. Я спрашивал: как на ваше имя падает ударение?

– Он ПЫхалка! И ударение у него на «пы»! – сказала умная Оля.

Она одна поняла, что гном имеет в виду.

– А я Куклавая... Оля... А он Синеус... А это Трувор... Это тот близнец, который спрятался за Олю... Не обращайтесь внимания, он стесняется... – представились друзья.

– Очень, очень приятно... Но вернёмся к нашему разговору. Так сколько в мече Добрыни Никитича было метров-километров-сантиметров? – гномик достал из портфеля счёты и защёлкал костяшками.

Пыхалка задумался.

– Я точно не знаю, сколько там было килоэтих. Но он был вот такущий!

И дракончик моментально превратился в меч, большой и тяжёлый. Сразу было видно, что это настоящий богатырский меч. Все так и ахнули. Конечно, они и раньше знали, что Пыхалка умеет превращаться, но когда вместо Пыхалки появился вдруг меч, невозможно было не ахнуть.

– Любознательно-прелюбознательно! Научно-пренаучно... Любопытный экземплярчик! – одобрил Ученичкин.

Гном измерил меч рулеткой.

– Два сантиметра три метра пять километров!.. Тютелька в тютельку, – деловито сказал он.

Пощёлкав на счётах, он достал маленькую записную книжку в изум-рудном переплёте и записал туда размеры богатырского меча. Все игрушки, открыв рот, смотрели, как гном выводит в записной книжке красным карандашом.

– Ах! Какой у него поэтический вид... Жаль, что он не кот... – восхитилась кошка Дуся.

Ученичкин закрыл записную книжку, спрятал её вместе со счётами в портфель и радостно потянулся.

– Хорошо у вас тут! Уютно. Намного лучше, чем в школьной парте. Я, пожалуй, останусь.

– Оставайся, конечно. А почему ты ушёл из школы? Мне всегда казалось, что там хорошо, – поинтересовалась Оля.

– Неплохо, – авторитетно согласился Ученичкин. – Но очень уж шумно. Раньше я подсказывал двоичникам правильные ответы, а они кормили меня бутербродами. Таблицу умножения я знал назубок! Представляете! А сейчас почему-то стал всё забывать. Трижды три десять. Пятью семь – сорок семь. И вот так всякий раз! Нет, пора в отпуск!

– А где ты будешь жить? – забеспокоился Куклаваня. Ему нравился Ученичкин, но пупсу совсем не улыбалось, чтобы тот поселился у него в ботинке.

– У меня на чердаке есть свободная комната. Там Ученичкину будет уютно. Только вот надо подмести, – Оля взяла гнома за руку и повела его смотреть новое жилище.

Глава одиннадцатая

ТАИНСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНИЕ ЗАЙЦА ТРУВОРА

Гномик Ученичкин поселился на чердаке домика куклы Оли. Кровати там не было, и пришлось повесить маленький удобный гамак. Новая комната очень понравилась школьному гному. Целыми днями Ученичкин валялся в гамаке и делал записи в записной книжке. По вечерам он рассказывал истории, в которые невозможно было поверить. Так, гном утверждал, что вода в чайнике становится горячей, когда в ней начинают быстро бегать маленькие козьявки – МОЛЕКУЛЫ.

– Быть такого не может! Станут эти молекулы забесплатно бегать! Они что, дрессированные? – заспорил Куклаваня.

– Я их сам в микроскоп видел! Молекулы маленькие и живут в воде, как рыбки. Пока вода холодная, они плавают себе тихонечко, как в бассейне, а начинает кипеть – шастают туда-сюда очень быстро, – сказал гном.

– Ещё бы. Бедненькие! Ещё и не так зашастаешь, когда тебя кипятком обварят, – покачала головой Оля.

– Пых-пых! А какие они, эти молекулы? Как выглядят? – заинтересовался дракончик. Ученичкин подумал немножко, потёр лоб и неуверенно сказал:

– Молекулы, они вроде как букашки, только очень маленькие.

Пупс ехидно посмотрел на Олю.

– Букашки-таракашки? Ты, кукла, с таракашками борешься, а того не знаешь, что они у тебя в чае плавают и ножки моют. Смотри не подавись какой-нибудь букашкой.

Слова Куклавани подействовали. Лицо у Оли стало плаксивое, она замахала руками и выбежала из комнаты.

– Накуксилась. Теперь целый час будет дуться! Разве можно быть такой глупой? – пожал плечами Куклаваня.

После своего поражения Громила, Генерал и Хваталка больше не появлялись, и о них постепенно забыли. Считали даже, что солдатики переселились в другую комнату, но это было не так, в чём скоро представился случай убедиться. В комнате стали случаться непонятные вещи. У Куклавани исчез кусок бечёвки, на котором он обычно развешивал сушиться свои носки. Вначале никто не обратил на пропажу внимания, потому что пупс всегда был растеряхой. Но когда у Оли исчезла её любимая кастрюля в белый горошек, игрушки собрались вместе и задумались.

Куклаваня напустил на себя серьёзный вид.

– Тэк-тэк, случай понятный! Здесь без сыщика не обойтись. Я буду Шерлок Холмс, а ты, Синеус, будешь доктор Ватсон. Ты понял, Синеус? – сказал он.

– Да, – прошептал заяц, потупившись и застенчиво заёрзав ножкой.

– А кто такой этот Шерлок Холмс? – спросил Пыхалка.

– Шерлок Холмс – великий сыщик, а доктор Ватсон – его помощник.

Куклаваня надвинул на глаза клетчатую кепку и прошёлся по комнате.

– Ватсон, у вас есть какие-нибудь идеи?

– Нету, – едва слышно пролепетал заяц.

– Так-так, понятно, – многозначительно произнёс пупс. – Значит, ни у кого нет никаких идей? Тогда я начинаю.

Великий сыщик повернулся спиной и закрыл глаза:

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Берегитесь, похитители кастрюль! Великий Холмс вышел на тропу войны!

– Скажи лучше, где кастрюля? Это ты её стащил? – поторопила Оля, следившая за проделками пупса без особого почитания.

– Вывод первый. – Куклаваня поправил клетчатую кепку. – Если кастрюли нет, значит, её кто-то взял, так как сами по себе кастрюли не ходят. Вывод второй: тот, кто её взял, наверное, был очень голоден, потому что только очень голодное существо может съесть прокисшую манную кашу, которую готовит Олька.

– Что ты сказал? Моя каша прокисшая? Если она прокисшая, кто тебя просит её лопать? – обиделась Оля.

– Я ем кашу из сострадания, – сказал пупс.

– Вот я покажу тебе сострадание! И вообще, ты собираешься искать кастрюлю или будешь болтать? – взорвалась Оля.

– Ещё как собираюсь. Найду в два счёта. Но прежде стоит выяснить, пропадала ли кастрюля вообще? Может, ты сама её куда-нибудь спрятала, чтобы не готовить обед? А-а, мама!

Спасаясь от Оли, Куклаваня быстро спрятался за кошку Дусю и оттуда храбро показал Оле язык. Неизвестно, как далеко зашло бы дело, но в этот момент Пыхалка вдруг закричал:

– Смотрите! Там наша кастрюля бежит!

Все оглянулись и увидели, что кастрюля быстро ползёт по полу в другой части комнаты. Ползёт сама, совершенно необъяснимо.

– Скорее! Мы ещё успеем её догнать! – закричал пупс.

– Научная сенсация! Самоперемещающаяся кастрюля! – восхитился гном Ученичкин.

И все, кроме струсивших зайцев, оставшихся у домика, помчались за кастрюлей. Впереди летел дракончик. За ним мягкими прыжками неслась Дуся, к хвосту которой прице-

пился школьный гном. За кошкой едва поспевал Куклаваня. Последней, придерживая юбку, бежала Оля.

– Конечно, у меня убежало молоко. Но такого, чтобы убежала кастрюля, такого со мной ещё не было! – бормотала себе под нос Оля.

Кастрюля меж тем ползла себе тихонечко по полу, иногда останавливаясь и словно дразня своих преследователей. Со стороны можно было подумать, что она просто вышла прогуляться.

Очень скоро друзья настигли беглянку. Пыхалка ухватил её за ручку зубами и держал, пока не подспели остальные. Кошка Дуся выгнула спину и зашипела. Кастрюля больше не шевелилась и не пыталась поползти.

– Она не сама бежала: её кто-то волок за верёвку, – сказал Ученичкин, обходя кастрюлю вокруг и разглядывая её через увеличительное стекло.

– Это моя носковая верёвка, которая пропала! – завопил вдруг пупс.

Друзья недоумённо уставились друг на друга. Они ничего не понимали.

– Это, наверное, солдатики. Но зачем им понадобилось волочь кастрюлю за верёвку? – сказала Оля.

– Совершенно загадочно. Тайна, покрытая мраком... Но смотрите, к нам бежит Синеус!

Спотыкаясь, к игрушкам подбежал Синеус. Он был так взволнован, что не мог произнести ни слова, а только размахивал лапами. Оле пришлось взять его на руки и прижать к себе.

– Трясётся, как отбойный молоток! – удивлённо сказал Куклаваня.

Лишь через пять минут Синеус сумел выговорить:

– Трувор... Солдатики украли Трувора! Меня тоже хотели, но я спрятался!

– Не может быть!

– Они подождали, пока вы побежите за кастрюлей, а сами украли Трувора! Они всё нарочно придумали! Это всё тот толстяк, у которого каска на глаза съезжает!

Глава двенадцатая ПЫХАЛКА СПАСАЕТ ТРУВОРА

Генерал стоял у карты в своём штабе за шкафом и глубокомысленно водил по карте пальцем, делая вид, что размышляет. Карта была нарисована на обрывке обёрточной бумаги и изображала комнату сверху. Карту рисовал Громила, и она получилась на редкость бестолковой.

За шкафом было пыльно. Громила поминутно чихал так громко, что всё вокруг сотрясалось.

– А громче ты не можешь чихать, пустая башка? – закричал на него Генерал.

– Так точно, могу, – пробасил Громила. – А-апчхи!

Это был такой мощный чих, что карту сорвало со стены. Каска слетела с головы Генерала и шмякнулась о стену. Бух!

– Недотёпа! Ты нас выдашь! Почему бы тебе не поработать для разнообразия головой? – затопал ногами Генерал.

– Да, командир! Как прикажете! Бух! – Громила с разбегу врезался лбом в стену и довольно заулыбался.

– Я тебя застрелю, идиот! – Генерал выхватил из-за пояса пистолет.

– Не-а, не застрелите! – замотал головой Громила.

– Почему?

– У вас там – гы! – вода закончилась.

На стульчике перед Генералом спал похищенный заяц Трувор. Так как он был ещё маленьким зайчиком, то привык спать днём. Ужасный чих Громилы разбудил Трувора. Зайчик проснулся и задрожал. Генерал увидел, что Трувор открыл глаза, и страшно обрадовался.

– Ну наконец-то! Мы уже два часа ждём, пока ты проснёшься! Рассказывай военную тайну!

– Я не знаю никаких тайн, – промямлил Трувор.

Генерал надулся. Казалось, ещё чуть-чуть – и он заплачет.

– Так неинтересно! Если не знаешь – придумай. Соври что-нибудь! – велел он.

– Я бы с удовольствием, но я ещё маленький и не умею, – захныкал Трувор.

– Хорошо! – рассердился Генерал. – Не хочешь идти нам навстречу – и не надо... Тогда мы тебя будем пытаться! Громила, приступай!

– К чему приступать?

– К пыткам, недоумок!

Громила почесал в затылке, нерешительно подошёл к Трувору и скорчил зверскую рожу:

– У! Сейчас я тебя съем! Как я люблю кушать маленьких зайчиков!

Трувор поднял сонную мордочку и увидел глупое лицо Громилы. Зайчик перестал плакать, некоторое время в недоумении смотрел на кривляющегося Громилу и вдруг расхохотался! Среди всех игрушек Трувор был самым большим смехотунчиком.

– Перестань! Иди сюда, Громила! Я объясню тебе, как нужно пытаться! – рассвирепел Генерал. Он так разозлился и побагровел, что его каска раскалилась докрасна.

Громила послушно подошёл к Генералу, и они стали шептаться. Затем Громила приблизился к зайцу и засучил рукава. Руки у него были огромные, волосатые, страшные.

– Говори тайну, а то защекочу! – сказал он и принялся щекотать зайца.

Тем временем друзья зайчика думали, как выручить его и прогнать солдатиков из комнаты.

– Просто так к ним не сунешься. У них эти гадкие пистолетики, которые стреляют колючками и краской. Мигом испачкают с головы до ног, – сказала Оля.

– Хотите, я их оттуда выкурю? – Пыхалка выпустил из ноздрей струю пламени.

Кошка Дуся лапкой отогнала дым:

– И думать забудь! Ещё подожжёшь что-нибудь!

Синеус просительно дотронулся до школьного гнома горячей лапкой.

– Придумай что-нибудь, Ученичкин! Ты же такой умный! Подумай немножко – и обязательно что-нибудь придумаешь!

Ученичкин нахмурился и принялся ходить по комнате. Он не привык размышлять иначе, как на ногах. Ему обязательно нужно было ходить. Оля даже просыпалась иногда по ночам оттого, что неугомонный Ученичкин шагал по чердаку над её головой.

Дракончик Пыхалка и кошка напряжённо следили за Ученичкиным. Их головы поворачивались вслед за ним вправо-влево, вправо-влево. Так прошло несколько минут. А потом гном вдруг подпрыгнул и закричал:

– У меня идея!

Часом позже Генерал, Громила и Хваталка играли в прятки. Это была единственная игра, которую они знали. Возможно, если бы им было известно больше игр, желание воевать отпало бы само собой. Зайца Трувора солдатики оставили в штабе за шкафом. После щекотки вдоволь нахохотавшийся Трувор уснул и тихонько посапывал в кресле. Никаких военных секретов он не знал, и солдатики потеряли к нему всякий интерес.

Игра в прятки только начиналась. Робот Хваталка водил. Он стоял, закрыв глаза, и считал до пяти. Из всех солдатиков робот был единственным, кто мог честно водить, не подглядывая. Голос у Хваталки был скрипучий, потому что его давно не смазывали.

– Один, два, три... три... три... три... три... – дребезжал Хваталка.

– Опять заклинило! – рассердился Генерал, выползая из-под старой газеты. Он подбежал к роботу и повернул ключик у того на спине. Потом быстро забрался под газету, стараясь не шелестеть страницами.

– Три... три... четыре... пять... Я иду искать! – досчитал Хваталка и открыл глаза.

Глазами ему служили две лампочки. Когда робот закрывал глаза, лампочки погасали. Теперь же лампочки зажглись. Хваталка внимательно оглядел всё вокруг. Никого! Робот включил гусеницы на самую тихую скорость и поехал искать.

– Привет, я здесь! – услышал вдруг робот за спиной громкий незнакомый голос.

Хваталка быстро повернулся, щёлкнул клешнями, но никого не увидел. Лишь на полу валялся старый красный мяч. Глаза Хваталки в недоумении вспыхнули так ярко, что лампочки едва не перегорели. Когда робот отвернулся, красный мяч исчез.

Громилу Хваталка обнаружил довольно скоро. Он спрятался в кузове игрушечной грузовой машины без колёс, которая валялась за шкафом несколько месяцев. В кузове великану быстро надоело. Он принялся громко возиться и вздыхать. Грузовичок затрясся до основания и едва не развалился на части.

Громила и Хваталка забыли про Генерала, нашли мяч для большого тенниса и стали им перебрасываться. Генерал, притаившийся под газетой, вначале радовался, что его никто не нашёл, затем стал понемногу скучать, а под конец чуть не вылез от безделья. Внезапно сообразив, что его никто и не ищет, он вылез из-под газеты. Тотчас его сшибло с ног мячом, который с силой кинул Хваталка.

– Недоумок! Ты должен был меня искать! – завопил Генерал.

– Простите, командир! Но вы всегда злитесь, когда я вас нахожу. Сегодня вы прятались под газетой. Вы шуршали, и каска выглядывала, – прогремел робот.

Генерал топнул ногой, надулся и пробурчал, что все недотёпы и что вообще непонятно, зачем он с ними водится.

– Пошли в штаб! Будем планировать какую-нибудь пакость этим игрушкам! – проворчал недовольный Генерал.

Когда солдатики подходили к штабу, нога Громилы внезапно натолкнулась на круглый предмет.

– Я нашёл новый мячик! Оранжевый! – обрадовался Громила, заноса ногу.

– Ого! Какой здоровенный апельсин! Как мы его раньше проглядели? Не вздумай пинать! Это очень вкусно! – Генерал вцепился в апельсин.

– Пельсин мой! Я его нашёл! – зарычал Громила.

– А я его узнал! Без меня ты думал бы, что это мяч! – Генерал схватился за пистолет, но вспомнил, что он не заряжен.

– А я его нашёл! – Громила грозно надвинулся на Генерала.

– Так и быть, я с тобой поделюсь! Апельсин большой, его на двоих хватит, – спохватился Генерал.

Он надеялся, что Громила забудет про апельсин и его можно будет съесть в одиночку.

Войдя в свой склеенный из газет домик, солдатики положили апельсин на стол и подозрительно уставились друг на друга. Генерал не-естественно улыбался. В глазах Громилы светилась неприкрытая жадность.

– Т-ты н-не хочешь вымыть руки? – спросил Генерал как можно небрежнее.

– Нет, не хочу! Я их никогда не мою! – Громила не отрывал взгляда от апельсина.

– Плохо! Апельсины можно есть только вымытыми руками! Иначе они взрываются. Не успеешь рта раскрыть, как – БУХ! – тебя разрывает всмятку! – соврал Генерал.

На глупом лице Громилы зашевелилось подозрение.

– Тогда пошли мыть руки вместе! Пельсин пусть пока здесь полежит! – сказал он.

Оставив Хваталку на карауле, Генерал и Громила вылезли из-под шкафа и ополоснули руки в небольшой луже. За тем, чтобы лужа никогда не пересыхала, следили соседи сверху, постоянно затапливавшие комнату Маши. Вымыв руки, солдатики устремились к апельсину.

– Чур мне корку! – схитрил Генерал.

– Нет, мне! Мне! Мне! – заспорил Громила.

– Ну как хочешь... Пускай тебе корку! А я, так и быть, возьму мякоть, – уступил Генерал.

Он решил провести простодушного Громилу, и это бы ему удалось, но, когда они вернулись в штаб, то обнаружили, что... АПЕЛЬСИН исчез!!!

– Где он? Куда ты его дел? – набросились солдатики на Хваталку.

– В комнату никто не входил! Никто из посторонних к апельсину не приближался. Только вы вдвоём! – задребезжал робот.

Зная, что Хваталка не умеет врать, Генерал и Громила с подозрением уставились друг на друга.

– Это ты! Это ты его стащил! – сорвался Генерал.

– Нет, ты! Отдай немедленно мой пельсин! – Громила стал трясти Генерала, как котёнка. У Генерала застучали зубы.

– Б-бе-бе-зоб-брази-зи-е! О-о-отпусти не-медленно! Я твой к-командир!

Хваталка носился вокруг дерущихся и щёлкал клешнями. Он не знал, чью сторону принять. Неожиданно над головами солдатиков раздался смех:

– Ха-ха! Пых-пых! Ха-ха! Ха-ха!

Солдатики мигом прекратили драться и посмотрели наверх. Никого!

– Ха-ха! Вот ослы! Ха-ха!

Стоило увидеть в этот момент лица солдатиков. У Генерала слетела каска и сам собою открылся рот! Громила покраснел и опять перестал выговаривать «р»:

– Калаул! Пливидение! Гломиле стлашно!

У Хваталки гусеницы стали вращаться в разные стороны. Лампочки ярко вспыхнули. Он наугад выстрелил из пушки на животе липучкой. Липучка умчалась в пространство, и больше её никто не видел.

– Вот потеха! Ой, не могу, смешно! – звенел под потолком радостный голос.

Неожиданно рядом с Громилой возник ещё один Генерал, похожий на прежнего, как брат-близнец.

– Пых-пых! Недотёпы! Хватайте того Генерала! Он самозванец! Железка, вперёд! – зарычал он.

– Я настоящий! Руки прочь! Не меня, его хватайте! – испугался настоящий Генерал.

Генералы забегали по штабу и окончательно перепутались. Громила разинул рот и не мог сдвинуться с места. Хваталка носился от одного Генерала к другому, щёлкал клешнями и повторял: «Данные противоречивы! Данные противоречивы!»

Тут один из двух Генералов исчез, а вместо него вдруг появился близнец Громилы.

– Калаул! Подменяют! Спасайся кто может! – закричал близнец.

– Мапочки! Мне стлашно! – заорал настоящий Громила и выбежал из склеенного из газет штаба прямо через стену. Следом выкатился Хваталка. Сзади нёсся перепуганный Генерал. Он придерживал каску и вопил:

– Стойте, куда вы? Это не по уставу! Первым отступить должен я!

Не успели солдатики выбежать, как раздался страшный грохот. Это сработали противогостевые ловушки Куклавани. Пока Пыхалка отвлекал Генерала, Громилу и Хваталку, Куклаваниа и Оля натянули верёвки и соорудили противогостевые ловушки.

На Громилу свалилась распоротая подушка. Он моментально расчихался и сделался похож на встревоженную курицу: бессвязно кудахтал и строчил из пулемёта, пока не закончились кнопки. Хваталка запутался в верёвках и болтался в воздухе, вращая гусеницами. Генерал очутился в пустой банке из-под варенья. Банку поставили боком и, едва Генерал в неё забежал, закрыли крышкой.

– Бу-бу! Бу-бу-бу-бу! – доносилось из банки.

Потом друзья освободили зайчика Трувора. Синеус и Трувор так обрадовались, что они снова вместе, что даже заплакали. Свои заплаканные мордочки они, естественно, вытерли о передник куклы Оли.

– Ну что? Так вам и надо! – строго сказала Оля солдатакам.

– Мы больше не будем! Простите нас! – заныл Громила, вытирая громадным кулаком нос.

– Бу-бу-бу-бу! Бу-бу-бу-бу! – раздавалось из банки.

– Генерал говорит, что попытается исправиться, – перевёл Ученичкин.

Из газетного домика вылетел Пыхалка, крайне довольный.

– Как я их? Хвостом бац! А он: «Мама!» Тот как подпрыгнет, а железка, та вообще... Как брякнется! Пых-пых! А этот в каске, как увидит меня: думает, что это он! Здорово! А я ему: «У! Вот я тебе!» А он: «А-а!»

Хотя рассказ Пыхалки был бессвязным, он имел у аудитории успех. Кошка Дуся даже попросила повторить лекцию «на бис», уделяя больше внимания деталям.

– Что будем делать с солдатаками?

Может, отпустим? – прервала дракончика кукла Оля.

– Давайте их щекотать! Пусть рассказывают военные тайны! Мне ужас как понравилось! – робко предложил зайчик.

– Мамочки! Я боюсь щекотки! Я так не играю! – взвыл Громила.

Он с сумасшедшей скоростью упрыгал на одной ноге, волоча за собой подушку. Вторая нога запуталась в наволочке. Следом понёсся Хваталка, грохоча железными внутренностями. За ними, оглядываясь, бежал Генерал.

– Меня забыли! Начальство должно отступать первым! – вопил он.

– Каску потерял! Куда? – кричали ему вслед друзья.

Через несколько дней Петя уехал в Тулу и забрал с собой коробку с солдатиками.

Глава тринадцатая ПИКНИК НА КРЫШЕ

Долгое время Куклаваня, Оля и Ученичкин не могли решить, стоит ли рассказывать Маше о дракончике. Но всё произошло само собой.

– Пых-пых! Не могу же я всю жизнь прятаться? В конце концов, Маша не Добрыня Никитич. Отчего бы и не познакомиться? Я думаю, моя мама не стала бы возражать, – сказал дракончик.

– Но ты бы мог стать невидимым, – предложила осторожная кукла Оля.

– Всё время быть невидимым неинтересно! Все смотрят на тебя как на пустое место. Обидно! – расстроился Пыхалка.

– Ну тогда иди – знакомься, раз надумал! От сомнений мухи дохнут! – сказал Куклаваня.

И дракончик вылез из шкафа, где прятался, когда Маша была дома. Пыхалка подошёл к девочке и толкнул её головой.

– Не мешай, Дуся! Разве ты не видишь, что я занята? – сказала Маша, думая, что это кошка.

Но потом Маша всё-таки посмотрела вниз и увидела зелёного дракончика с жёлтыми глазами и маленькими крылышками на спине. Дракончик умильно поглядел на девочку и произнёс:

– Привет! Я Пыхалка!

– А я Маша, – сказала растерявшаяся девочка.

– Уф, – облегчённо выдохнул дракончик, – вот и познакомились! Теперь можно и поболтать на какую-нибудь вежливую тему. У тебя есть горчица?

– Горчица? В холодильнике, наверное, есть, – изумилась Маша.

– И ты разрешаешь мне её взять?

– Да, конечно. Хочешь, я принесу?

– Не беспокойся. Я ещё вчера всю съел, – похвастался Пыхалка.

– А зачем тогда спрашивал?

– Так просто. Для поддержания разговора. – Пыхалка закружился на месте, охотясь, как кошка, за своим хвостом. Только хвост у него был зелёный и тонкий, с зазубринами.

– Никогда не могу его поймать! Совершенно непредсказуемый хвост. Сколько его ни лови, в самый последний момент ему всегда удаётся ускользнуть, – пожаловался дракончик.

Маша нерешительно дотронулась до блестящей чешуи на спине Пыхалки. Она никак не могла поверить, что её собеседник существует на самом деле.

– Я тебе нравлюсь? Можешь погладить! – разрешил Пыхалка.

– Вы уже познакомились? Тогда давайте поиграем! – крикнул Куклаваня, высовываясь из своего ботинка.

– А во что мы будем играть?

– Ни во что! Мы пойдём гулять на крышу! – Куклаваня выскочил из ботинка.

Он был в обычном походном снаряжении: с кастрюлей на голове и с открывалкой в руках.

– Я не знаю. Конечно, уроки я все почти сделала, но... – засомневалась Маша.

– Никаких «но»... Великие приключения не ждут! – возмутился пупс.

Маша согласилась погулять по крыше с условием, чтобы никто из игрушек не подходил к краю. «Это опасно!» – сказала она. Дуся тоже засобиралась. Крыша была тем местом, куда кошку всегда тянуло. Там она могла запросто встретить своего любимого кота. Надеясь на это, Дуся умылась лапкой и привела себя в порядок.

Люк на крышу по счастливой случайности оказался не заперт. Крыша была ровной, огороженной по краям перилами. Дул лёгкий ветерок. Пыхалка сразу принялся летать, а пупс бегать. Дуся незаметно огляделась и, поняв, что котов нет, расстроилась.

– Не очень-то и хотелось! – пробурчала она себе под нос.

Маша немного походила по крыше. Вначале осторожно, а потом всё смелее. Она даже решила посмотреть вниз, крепко вцепившись в перила. Где-то далеко ездили машины, казавшиеся игрушечными.

– Посмотри, что я умею! – крикнул Пыхалка и ловко сделал в воздухе петлю. Он так изогнулся, что на миг его голова и хвост почти соприкоснулись.

У Маши даже дыхание перехватило. Она боялась, что дракончик упадёт. Но боялась она напрасно. Пыхалка опустился на крышу рядом с девочкой.

– Больше никогда так не делай! На это даже смотреть страшно, – попросила Маша.

Дракончик высунул длинный раздвоенный язык. Он всегда так делал, когда бывал доволен.

Куклавания огляделся в поисках нового развлечения. На глаза ему попала телевизионная антенна. Это была тонкая металлическая труба, от которой в обе стороны отходили железные усы.

– Какие замечательные качели! Вот повеселимся! – крикнул он и кинулся к антенне.

Куклавания и Пыхалка ухватились за разные концы антенных усов и стали раскачиваться. Они визжали от восторга и с каждым разом взлетали всё выше.

– Иди к нам! – крикнули они Маше.

– Теперь во всём доме нельзя смотреть телевизор! Вы же раскачиваете антенну! – всплеснула руками Маша.

– Ерунда! Какой дурак будет смотреть телевизор днём! – отмахнулся Куклавания и качался ещё сильнее.

Но как раз в эту минуту Пирожков и Авдохина включили телевизоры, чтобы посмотреть новости. Ни у Пирожкова, ни у Авдохиной телевизор не работал. На экране было только мельтешение.

«Наверное, что-то с антенной! Надо будет посмотреть!» – подумал Пирожков и выбежал из квартиры. Он непременно поймал бы проказников, но Дуся услышала, как он грохочет на лестнице. Кошка быстро шлёпнула Машу лапой, заставляя прислушаться.

– Сюда идут! Прячьтесь скорее!

Куклавания и дракончик спрыгнули с антенны и заметались по крыше.

– Быстрее за трубу! – позвала Маша, которая сама уже успела спрятаться.

Куклаваня и дракончик нырнули к ней. В этот момент на крыше появился вездесущий Пирожков и подозрительно огляделся. Какую-то секунду он смотрел на трубу, и Маше, которая выглядывала оттуда, показалось, что Пирожков её заметил. Но нет, повезло. Пирожков отвернулся и подошёл к антенне, всё ещё продолжавшей раскачиваться.

– Странно! Ветра нет, а антенну трясёт. Ничего не понимаю!

Пирожков протянул руку и придержал антенну. В эту секунду на крыше появилась Авдохина. Она тоже решила подняться и посмотреть, что происходит. Первым, кого Авдохина увидела, был Пирожков, что-то мудривший с антенной.

Авдохина и прежде была невысокого мнения о Пирожкове. А после недавней истории с дверями это мнение не улучшилось. А теперь Пирожков ещё вздумал тряссти антенну. Авдохина решила, что он спятил. «Ещё с крыши сбросит, чокнутый!» – подумала она и, раздумав ругаться, быстро спряталась за вентиляционную трубу. К счастью, не за ту, где были Маша и дракончик, а за другую. Прячась за трубу, Авдохина нечаянно наступила на кусок ржавого железа.

Пирожков услышал шум и, повернувшись, увидел Авдохину, которая ныряет за трубу. Пирожков подумал, что это она раскачивала антенну, чтобы ему досадить, а затем спряталась. С тех пор, как Авдохина каталась на лифте и держала дверь его квартиры,

Пирожков считал её способной на любую пакость. Сейчас-то он выскажет ей всё, что о ней думает!

И Пирожков кинулся к Авдохиной. Увидев, что Пирожков бежит к ней, размахивая руками, Авдохина замерла и издала высокий протяжный визг.

– Убивают! Караул! – заголосила она, скатываясь по лестнице.

Пирожков бежал за ней следом:

– Я тебе устрою! Я тебя разоблачу, вредительница!

Когда Авдохина и Пирожков скрылись из виду, из-за трубы выглянули Куклавая, Пыхалка и Маша.

– Неплохо повеселились! Тебе, Маша, будет о чём вспомнить на старости лет. Маша рассмеялась. До старости лет ей было ещё далеко.

Глава четырнадцатая ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Куклаване, Ученичкину, Пыхалке и кукле Оле надоело всё время сидеть дома, и они уговорили Машу взять их с собой в школу. Девочка долго не соглашалась. Она не была уверена, что шалуны сумеют вести себя тихо. Но под конец Маша решилась:

– Если оставить Куклаваню и Пыхалку дома, они снова напроказят. В школе же я смогу за ними приглядеть.

К ней в рюкзак забрались Ученичкин, Куклаваня и Оля. Дракончик Пыхалка полетел следом. Он воспользовался случаем, чтобы размять крылышки. Естественно, дракончик сделался невидимым, чтобы не привлекать к себе внимания.

– Я положу вас в парту! Сидите тихо и не шумите! Я вчера не успела выучить математику и теперь боюсь, что меня спросят! – Маша погрозила Куклаване пальцем.

В классе Маша достала из рюкзака учебник, а сам рюкзак задвинула поглубже под парту, чтобы не было слышно, если игрушки станут шептаться.

– Начинаем урок. Сейчас я проверю, как вы сделали домашнее задание! – прямо с порога сказала учительница Анна Ивановна.

Она была совсем молодая, только что из института, и ей всё время казалось, что её не принимают всерьёз. Ученикам она ставила двойки без особого повода, а при виде директора бледнела и поджимала губы. Директор в школе, где училась Маша, был очень строгий и с поистине пиратской жестокостью любил вызывать к себе родителей и задавать им жару. Звали его Егором Петровичем.

Куклаваня быстро соскучился в рюкзаке и толкнул Олю локтем:

– Фу! Так и повеселиться не дадут. Я не собираюсь торчать здесь всю жизнь!

– Не толкайся!

Оля не пожелала остаться в долгу и ущипнула пупса. Куклаваня дёрнул Олю за косичку. Та ойкнула и принялась сосредоточенно выкручивать пупсу ухо.

– Оторвёшь – сама пришивать будешь! – прошипел Куклаваня.

Маша услышала возню и заглянула под парту. Учительница Анна Ивановна оторвала взгляд от журнала.

– Свиридова! Не сидится тебе? К доске с домашним заданием! – строго сказала учительница.

Маша похолодела. Почему нельзя было спросить её вчера, когда всё было в порядке? Вот не повезло так не повезло.

– Свиридова! Чего ты ждёшь? Ты не готова?

Если бы Маша ответила «нет, не готова» – это была бы верная двойка, а может, и вызов родителей в школу. Девочка замерла, не зная, что делать.

– Не бойся! Я тебе помогу! – шепнул гном Ученичкин и шмыгнул к Маше в карман. Следом за ним полез Куклаваня, спасаясь от куклы Оли.

Маша вышла к доске. Учительница открыла учебник:

– Условие задачи: скорость поезда пятьдесят километров в час. Сколько поезду потребуется времени, чтобы попасть из города А в город В, если расстояние между городами тысяча километров?

Маша стала ждать подсказки Ученичкина. Это была её единственная надежда не получить двойку. Но прежде чем гном успел открыть рот, вмешался Куклаваня:

– Неделю, не меньше. И то, если машинист не выпадет из электровоза!

– Неделю! – Маша приняла голос Куклавани за голос Ученичкина. Но сразу по лицу учительницы она поняла, что ошиблась.

– Что ещё за цирк ты мне тут устраиваешь? А, Свиридова? – Анна Ивановна грозно нахмурилась.

– Поезду потребуется двадцать часов! – шепнул Ученичкин и зажал рот Куклаване, чтобы пупс опять не встрял.

– Дорога из города А в город В займёт двадцать часов, – Маша уверенно написала на доске ответ.

Анна Ивановна удивлённо посмотрела на неё и отодвинула журнал:

– Правильно. А теперь сложи 498 и 894.

– 1392! – выпалила Маша вслед за Ученичкиным.

Учительница изумилась ещё больше. Раз за разом она задавала вопросы, и тотчас Маша выдавала ей ответы. Это показалось Анне Ивановне подозрительным. Тем более что прежде Маша не отличалась способностью к математике.

– Думаешь меня обмануть, Свиридова? Что у тебя в кармане? Калькулятор? А ну дай его сюда!

Маша испугалась. Что скажет учительница, когда увидит Куклавану и Ученичкина? Анна Ивановна протянула руку и выжидательно посмотрела на Машу. Той больше всего хотелось провалиться сквозь землю.

В этот момент в класс властно постучали, и вошёл директор. Как обычно, он был сосредоточен и в руках держал толстую пачку журналов.

– Как проходит урок? – Директор посмотрел на Анну Ивановну.

– Да вот, Егор Петрович, Свиридова принесла в класс калькулятор. Вы же сами запрещали пользоваться на уроках счётными машинками! – И учительница зачем-то стала перекладывать на столе бумажки.

Маша замерла: что сейчас будет! Если бы отделаться только двойкой! Девочка хорошо знала Егора Петровича. Наверняка вызовет родителей! И зачем она поддалась уговорам игрушек? Но сегодня директор вёл себя необычно.

– Калькулятор, говорите? А что такое калькулятор? Он вкуснее горчицы?

Директор вприпрыжку подбежал к учительнице и захлопнул журнал. Потом Егор Петрович кувыркнулся через голову и на секунду завис в воздухе. Учительница смотрела на него и только открывала и закрывала рот. Хорошо ещё, что у неё было молодое, здоровое сердце! Маша и все её одноклассники тоже замерли с широко распахнутыми глазами. Не каждый день увидишь, как директор кувыркается через голову и кричит:

– Ура! Объявляются бессрочные каникулы! Долой школу!

Тут началось такое, что и описать невозможно. Директор бегал по классу и подкидывал в воздух учебники. Можете не сомневаться, дети ему в этом не слишком мешали. Один усердный глобусоголовый мальчик даже выкинул в окно свой рюкзак, и ему после пришлось бежать за ним на улицу.

Анна Ивановна вначале сидела тихо, а затем едва слышно начала всхлипывать. Видно было, что она ещё совсем молоденькая, почти девочка.

Директор Егор Петрович стал гладить её по голове и повторять:

– Успокойся, дурашка! Пых-пых! Только не плачь! Хочешь, я тебе повышу зарплату в тысячу раз? Нет? А в миллион?

Тут Машу будто молнией ударило! Пыхалка! Это он всё устроил! Превратился в директора, чтобы ей помочь. Маше стало неудобно, она подбежала к учительнице и торопливо начала объяснять:

– Это не настоящий директор! Он понарошный! На самом деле он – дракончик. Только вы никому не говорите!

– Хорошо! – заверила её Анна Ивановна. – Никому не скажу. Я уже больше никогда никому ничего не скажу!

Она обхватила голову руками и кинулась вон из класса. Первым, на кого учительница наткнулась, был настоящий Егор Петрович, который поднимался по лестнице ей навстречу.

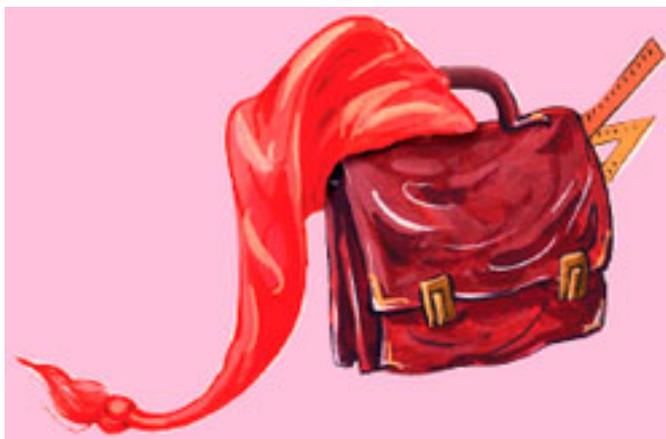
– Почему вы не на уроке? Что за шум?

Учительница уставилась на директора сумасшедшими глазами:

– Вы только что обещали повысить мне зарплату в миллион раз! Не забудьте! Я завтра специально принесу чемодан. И почему вы перестали кувыркаться, а, Егор Петрович?

Анна Ивановна и директор побежали в класс. Но там уже всё было тихо. Дети спокойно решали математические задачки. Маша успела предупредить их.

– Ничего не понимаю! – развёл руками Егор Петрович. И вместе с Анной Ивановной отправился в кабинет пить валидол.

А Маша с тех пор решила больше никогда не брать Кукланю и Пыхалку с собой в школу.

Глава пятнадцатая ПЫХАЛКА ИЩЕТ МАМУ

Как-то раз Маша, кукла Оля, Пыхалка и Куклавания смотрели по телевизору мультфильм про динозавров. Первобытные чудовища носились по экрану, кусались, летали и объедали листья с верхушек деревьев. Тут были и птеродактили, громадные летающие динозавроптицы, и тираннозавры, и всякая динозавриная мелочь. Маше всё это напоминало школьную перемену, когда все так же бестолково бегают, кричат и толкаются.

Мультфильм был интересный. Маша не могла оторваться от экрана. Вдруг она услышала, как рядом кто-то всхлипнул. Девочка обернулась и увидела, что по мордочке дракончика Пыхалки ползёт большая прозрачная слеза, которую он пытается слизнуть длинным раздвоенным языком.

– Мне это напомнило мою маму. Я так скучаю без неё! – сказал Пыхалка.

– А как ты потерялся?

– Я решил попутешествовать. А летать ещё не умел. Когда переплывал на бревне речку, меня унесло течением. Я плыл несколько дней и совсем устал. А потом я забрался в сундук и уснул. Кто же мог знать, что запах нафталина усыпляет дракончиков? Если бы не вы, я спал бы ещё лет сто.

– Бедняжка! Хочешь, я буду твоей мамой? – пожалела Пыхалку Маша.

Дракончик положил голову девочке на колени.

– Не обижайся! Ты хорошая, но мне бы хотелось найти свою собственную маму.

– Так давайте её искать! Я найду твою маму в пять минут! Чего мы здесь торчим и теряем время? – нетерпеливо завопил Куклавания.

Маша взяла пупса на руки и хорошо встряхнула:

– Помолчи, пожалуйста! Не мешай!

Куклавания обиженно надулся, но потом увидел вазочку со сладостями, залез в неё и стал грызть печенье.

– Надо спросить у гнома Ученичкина. Он знает всё. Наверняка про твою маму он знает тоже, – предложила Оля.

Ученичкин вылез из гамака и принялся ходить по подоконнику. Пыхалка, широко раскрыв глаза, доверчиво смотрел на него.

– Эврика! – произнёс гномик минут через пять. – В детстве мама не раз повторяла, что я должен делать, если потеряюсь. Подойти к какой-нибудь почтенной пожилой мышке и сказать: «Здравствуйте, меня зовут Ученичкин. Я живу в школе за батареей. Не могли бы вы помочь мне найти мою маму!»

– Я тоже вспомнила. Когда мы ходили в «Детский мир», мама велела мне ждать её возле часов, если я потеряюсь! – сказала Маша.

– И ты потерялась? – спросил дракончик с надеждой.

– Нет, не терялась, – честно призналась Маша.

– То-то и оно, а ещё говоришь... – вздохнул Пыхалка. Он казался унылым и несчастным. Но вдруг мордочка Пыхалки просветлела, будто у него появилась хорошая мысль.

– Я вспомнил! Мама учила меня свистеть особым драконьим свистом! Три раза! Ровно в три часа дня! Тогда она меня услышит и найдёт.

– А что такое особый драконий свист? – умирая от любопытства, Куклавания высунулся из вазочки с печеньем.

– Я у Соловья-разбойника научился. После того как Илья Муромец вышиб ему зубы, Соловей сам свистеть не мог и, пока не вставил новые, занимался репетиторством, – сказал дракончик.

Оля посмотрела на свои часики:

– Уже три! Пора свистеть!

– На твоих игрушечных часах всегда три! Там стрелки приклеены, – презрительно махнул толстой ручкой Куклаваня.

Ровно в три часа Пыхалка вышел на балкон и попросил всех за-ткнуть уши. Он сказал, что от драконьего свиста легко можно оглохнуть. Кошка Дуся не поверила и потом долго тёрла уши лапкой.

Свист Пыхалки мигом распахнул окна во всех близлежащих домах и взметнул целую кучу мусора и бумажек. Некоторые люди потом утверждали, что в Москве был ураган. Пирожков даже собирался куда-то жаловаться, но так и не собрался.

– Что ж! Будем надеяться, что мама придёт за мной. Вряд ли она забыла меня за какие-нибудь сто лет, – сказал дракончик.

– Моя мамочка меня и за тысячу не забыла бы. Но, к сожалению, я конвейерный, – вздохнул Куклаваня.

Глава шестнадцатая ПИРОЖКОВ И РОЗОВЫЙ СЛОН

Однажды гном Ученичкин рассказал друзьям про зоопарк:

– Кого там только нет! И медведи, и жирафы, и львы, и зебры, и вообще все-все-все.

– Все-все? А кошки там есть? – любознательно промяукала Дуся.

– Не думаю. Разве что приبلудные какие-нибудь. Нет, кошек нет, – сказал Ученичкин.

Дуся разочарованно вздохнула.

– А тараканы? – спросил Куклавания.

– И тараканов нет, – признал гном.

– А драконы? Скажи, ты видел там хоть одного дракона? – с надеждой спросил Пыхалка.

– Ни одного, – честно сказал Ученичкин.

Куклавания расхохотался.

– А ещё называется зоопарк! Кошек нет, драконов нет, таракашек нет. Да я бы в такой занюханый зоопарк ни за какие деньги не пошёл! И не уговаривайте! – заявил Куклавания, хотя его лично никто и не уговаривал.

– Зато у нас дома есть и кошка, и дракон, и таракашки. Вот и получается, что наша квартира в тысячу раз лучше зоопарка. Никуда ездить не надо, и очереди в кассу нет, – впервые согласилась с пупсом Оля.

В эту минуту Куклаванию и осенила мысль открыть в комнате зоопарк. Он немедленно поделился идеей с остальными:

– Мы могли бы назначить высокую плату за вход. Например, рыбку, баночку горчицы, морковку, пирог с изюмом и тридцать два торта – с каждого посетителя.

– Рыбку – это очень неплохо, – облизнулась кошка Дуся. – Но зачем столько тортов?

– Для директора зоопарка.

– А кто будет директором?

– Я, естественно, – потупился Куклавания.

На следующий день пупс поднялся раньше обычного и стал рыться в грандиозной куче всякой всячины, которая занимала половину всего жилого пространства его домика-ботинка.

– Да где же они? Должны быть здесь. Помнится, я их куда-то сюда засунул, – бормотал пупс.

Из кучи выплывали и сразу исчезали в сотнях других таких же вещей самые разные и неожиданные предметы: ручка чайника, дверца мышеловки, детские гантели, баночка вазелина, хлопущки, скрепки, резинки и многое другое.

Куклавания зарылся в свою кучу хлама почти с головой и разгребал её обеими руками, как крот. Неожиданно пупс радостно вскрикнул и извлёк растрепанный альбом для рисования и дюжину разноцветных фломастеров. Он выдрал из альбома несколько листов и, старательно высунув язык, принялся рисовать таблички для будущего зоопарка. На одной страничке он написал СЫЛОН, на другой ОБЕЗИАНА, на третьей ДРЫКОН. Под каждой подписью он сделал рисунок.

Пупс очень торопился, и потому не все картинки получились у него одинаково «хорошо». Некоторых зверей можно было узнать только по пояснительным надписям. Например, на табличке с надписью КЫШКА был нарисован раскормленный бегемот с кошачьим хвостом.

Закончив работу, Куклавания собрал свои таблички и выбежал из ботинка, напевая:

Сылон, обезьяна,

*Дрыкон и кышка.
Вот и получилась
Пупсиная песнишка!*

Дракончик вылизывал раздвоенным языком дно банки с горчицей, когда к нему примчался Куклавяня:

– Привет! Я уже всё подготовил для зоопарка! Он открывается прямо сейчас!

– Правда? А у меня банка не хочет вылизываться. Осталось ещё немного горчицы на самом дне, а язык не достаёт.

– Брось ты эту банку! Она уже пустая. Сейчас для нашего зоопарка нужна хорошая реклама. И я хочу, чтобы ты её сделал.

– РЫКЛАМУ? Как это?

– А вот так! – Куклавяня повесил дракончику на шею табличку:

«АТКРЫТ ЗОПАРК. ВПИРВЫЕ РОЗОВЫЙ ЛИТАЮЩИЙ СЫЛОН.
НИСИТЕ ГАРЧИЦУ И ПЕРОГИ. АБРАЩАЦА В КОМНАТУ К
МАШЕ».

– А где мы возьмём летающего слона? – заинтересовался дракончик.

– Угадай со ста попыток! – предложил пупс. – Ты будешь летающим слоном! Дракончики ведь умеют превращаться в слонов?

– Дракончики всё умеют. А как выглядят летающие слоны?

– Элементарно выглядят. Они такие... такие большие и розовые. Я тут тебе примерно набросал, как должен выглядеть слон, – сказал пупс.

И Куклавяня протянул Пыхалке лист, на котором было изображено саблезубое чудовище с развесистыми ушами.

– Неужели так жутко? А почему так много зубов?

– Зубов, как денег, много не бывает, – заверил его пупс.

– Хм... Ну раз ты так думаешь! Хорошо, я попробую, – вздохнул Пыхалка, посмотрев на картинку, чтобы получше её запомнить.

Дракончик заработал крылышками, тяжело оторвался от пола и вылетел в форточку. Облетев дом вокруг, он забрался в открытое окно подъезда и уселся на площадке перед квартирой Маши.

– Ну что? Всё в порядке? – крикнул дракончику через дверь Куклавяня.

– Да. Всё отлично. Сейчас буду превращаться.

– И смотри пообаятельнее улыбайся! Улыбка в рекламе – первая вещь!

Оля, кошка Дуся и зайцы рассматривали картинки в журнале, когда к ним примчался пупс с табличками для зоопарка.

– Чем вы тут занимаетесь, бездельники? А ну живо суетитесь! Вот-вот появятся первые посетители, а у нас ещё ничего не готово, – закричал Куклавяня.

– Посетители зоопарка? Они правда-правда придут? – удивились зайцы.

– Правда-правда, свинки мои маленькие! – сказал Куклавяня и протянул Синеусу и Трувору табличку «МАРСКИЕ СВИНИ».

– А кто такие «марские свини»? – спросили зайцы.

– Это вы. И нечего отлынивать. Работа есть работа, – объяснил пупс.

Дусе досталась табличка с «КЫШКОЙ».

– Право, я не знаю, хорошо ли выгляжу. Могут прийти коты, а я такая растрёпа! – забеспокоилась Дуся.

– Ахти-кудахти! Ничего, кому сильно надо, тот и так тебя замуж возьмёт! – передразнил её пупс.

Кукла Оля подозрительно наблюдала за Куклаваней, пока он суетился, раздавая таблички.

– У меня и для тебя, Олька, кое-что есть. Угадай что? Ты будешь без ума от счастья. Для такой умницы и красавицы я припас нечто особенное, – ехидно сказал ей пупс.

– Ну что там ещё? – невольно заинтересовалась кукла. Она порядком оттаяла после комплимента.

– Вот! Для этой роли тебе понадобится вся твоя красота и обаяние! – пупс протянул ей последнюю табличку.

– Я не знаю, справлюсь ли я... – тут Оля взглянула на надпись и вспыхнула: – «ОБЕЗИАНА»! Вот я тебе покажу, пупсина безграмотная! Будешь знать, как обзываться!

– Не время ссориться! – быстро проговорил пупс, отбегая подальше от разгневанной куклы. – Первые посетители зоопарка вот-вот придут. Розовый слон уже полчаса рекламирует.

– Какой розовый слон? – хором спросили Дуся и Оля.

– Пыхалка, разумеется. Он превратился в розового слона и сидит на площадке перед дверью.

– ЧТО?!

Оля уставилась на пупса широко раскрытыми от ужаса глазами. Уже по одному её виду Куклаваня понял, что сделал что-то не то.

– Ты выпустил Пыхалку из квартиры! Что теперь будет? Его схватят и заберут в настоящий зоопарк, не в твой игрушечный! Его же никто не должен видеть! – набросилась на пупса Оля.

– И правда! Ну и болван же я! – Пупс схватился за голову.

Оля и Куклаваня опрометью бросились к входным дверям, надеясь, что сумеют вовремя вернуть Пыхалку. Но было уже поздно. И опять дело не обошлось без Пирожкова.

Когда Пыхалка превратился в розового слона и уселся на пороге, Пирожков как раз поднимался на лифте. Дракончик стал таким большим розовым слоном, что занял всю площадку. Его ноги вылезали на лестницу, а голова с розовыми складчатыми ушами упиралась в потолок. Пыхалка усердно хлопал ушами и ждал первых посетителей. Услышав, что на этаже остановился лифт, дракончик изобразил радужную саблезубую улыбку.

Пирожков ехал в лифте и думал, что дворничиха опять не убрала листья с газона и что неплохо бы на неё пожаловаться в какие-нибудь не очень внутренние органы, например в ассоциацию дворников. Короче, мысли у него были самые что ни на есть деловые.

Двери лифта разъехались, и Пирожков увидел розовое чудовище, которое хлопало ушами и держало перед собой табличку «ЗОПАРК». Чудовище радостно улыбалось Пирожкову. Зубы у розового слона были острые и напоминали крокодильи.

– Ж-животных развели! – на автомате пробормотал Пирожков и вдруг закричал тонким визгливым голосом:

– Караул! Бешеные слоны!

И Пирожков бросился вниз по лестнице, вопя: «Помогите! Спрячьте! Я буду жаловаться! Вам это с рук не сойдёт!» Поняв, что Пирожков убежал, Оля и Куклавания выбежали на площадку и стали заталкивать дракончика в квартиру.

– Ничего не понимаю! Увидел меня и убежал. Может, я ему плохо улыбнулся? – расстроился Пыхалка.

– Совсем даже неплохо, – утешил дракончика Куклавания. – Это была самая очаровательная людоедская улыбочка, которую я когда-либо видел!

– Быстрее превращайся обратно! Если ты здесь задержишься, тебя сцапают! – поторопила Пыхалку Оля.

– А как же реклама? А моя горчица? – удивился дракончик.

– Реклама отменяется. Идея с зоопарком была такая же глупая, как тот, кто её придумал! – сказала Оля, раздражённо посмотрев на Куклаванию.

Розовый слон потупился. По его щеке скатилась большая слеза. Ударившись об пол, слеза разлетелась брызгами. Оля погладила розовую лапу слона:

– Не огорчайся, Пыхалка! У меня есть для тебя баночка горчицы. Можешь съесть её прямо сейчас.

– Правда? Тогда пойдём скорее! – мигом утешился дракончик.

Внизу, на первом этаже, послышались громкие голоса и зашумел лифт.

– Он здесь, говорю я вам! Здоровый такой слонище! Заводят, понимаете, слонов, а потом на лестницу выкидывают. Знаем мы эту моду! Надо его усыпить и куда-нибудь увезти, – звенел голос Пирожкова.

– Ну превращайся же! Чего ты ждёшь! Они сейчас будут здесь! – зашептала Оля дракончику.

Пыхалка виновато посмотрел на неё:

– У меня ничего не получается! Мне нужно как следует сосредоточиться, а то вместо дракончика превратишься в какую-нибудь ерунду.

– Горчица! Подумай о горчице! – напомнил Куклавания.

Розовый слон напрягся, побагровел и – РАЗ! – на его месте появился дракончик. Ещё несколько секунд, и было бы поздно. Лифт уже останавливался на этаже. В последнюю секунду проказники успели шмыгнуть в квартиру. Куклавания тихонько закрыл дверь.

На площадке появились Пирожков, милиционер и доктор в белом халате.

– Сейчас сами увидите! Розовый такой слонище! Расселся и улыбается. Мешает, понимаете ли, проводить честно заработанное время. Зубастый такой слонище... – бормотал Пирожков, пятясь из лифта.

Тут он замер с открытым ртом, увидев, что никаких слонов, ни красных, ни розовых, на площадке нет. Милиционер и доктор переглянулись:

– Ну и где ваш слон?

– Он был здесь! Я точно помню! – Пирожков забежал по площадке. – Громадный такой слонище, головой в потолок упирался... И розовый! Может, он куда-нибудь спрятался... Например, под коврик... А?

– Так вы говорите, здесь был слон? – с любопытством спросил доктор.

– Да...

– И розовый?

– Розовый!

– И большой?

Поняв, что ему не верят, Пирожков побагровел.

– Он был здесь! Я точно помню! Он ещё приглашал меня в зоопарк, – крикнул он.

– Кто приглашал в зоопарк? Слон приглашал? – спросил доктор с возрастающим интересом.

– Да, слон! Вы мне не верите? Я, между прочим, общественник. Буду на вас жаловаться! Здесь был слон. Повторяю по буквам: здоровенная такая дрянь! – завизжал Пирожков.

Милиционер принялся.

– Дышите, пожалуйста! – вдруг попросил он.

– Я не пьян... Я буду жаловаться... Всего только бутылочку пива в честно заработанное время... – разошёлся Пирожков. – Вы мне не верите?

– Мы вам верим... Конечно, мы вам верим... – успокоил его доктор. – Ну слон... Ну розовый... Ну говорящий... Чего же тут особенного? Пойдёмте в машину, водителю тоже хочется послушать!

Доктор и милиционер твёрдо ухватили Пирожкова за локти и, бережно поддерживая, повели к лифту.

– Это всё жильцы из соседней квартиры... Это они во всём виноваты... Шумят, кошками мяукают, а теперь ещё слонов заводят... Я этого так не оставлю! Я всё знаю! – кричал Пирожков.

– Все всё знают. Не споткнитесь, тут порожек, – успокаивал его доктор.

Лифт уехал.

– Фу! Пронесло... Но больше никаких зоопарков! Ищите себе другого дурака! – сказал Куклавая, когда всё закончилось.

– Другого такого нам не найти... Ты, пупс, не прибедняйся, – заверила его Оля.

Глава семнадцатая ПРИЗРАК ИЗ БАНКИ С ВАРЕНЬЕМ

Тебе не кажется, дорогой, что в нашем доме стали происходить странные вещи? – спросила как-то вечером мама Маши.

– А что? – лениво отозвался папа, отрываясь от газеты.

– Ну, например, чашки из сервиза. Я оставляю их в одном месте, а нахожу в другом. Потом горчица. Она заканчивается так быстро, что не успеваешь покупать новые баночки. И наконец, игрушки. Я убирала их с утра в шкаф, Маша целый день была у бабушки, а вечером смотрю: они опять раскиданы как попало.

– Ерунда! Не думай об этом, – пожал плечами папа. – Меня уже ничего не удивляет. Например, кто-то вчера разгадал кроссворд в газете. Будто на ухо мне подсказывал правильные ответы. Ты, кстати, не помнишь слово из пяти букв, обозначающее драчливую птицу?

– Петух... – ясно прозвучало в комнате. – Петух!

Папа быстро оглянулся:

– Вот и сейчас! Ты что-нибудь слышала?

– Ничего... Это, наверное, телевизор, – предположила мама.

– Но я слышал, что кто-то произнёс ПЕТУХ два раза... Петух – драчливая птица. Как раз пять букв. Подходит.

Папа и мама тревожно переглянулись.

– Это барабашка, – задрожала мама. – У моей подруги завёлся в доме барабашка и стали происходить разные чудеса. Им пришлось приглашать экстрасенса. Экстрасенс сказал, что это всё инопланетяне. Они изучают нашу реакцию. Может, и нам пригласить экстрасенса?

– А сколько это стоит?

– Недорого, – и мама назвала цену.

– И думать забудь! Ты что, хочешь нас разорить? – испугался папа.

– Ну, хорошо, – временно отступила мама. – Потом об этом поговорим. Ты помнишь Пирожкова из соседней квартиры?

– Это тот, что вечно жаловался? Давно его не видел. Не заболел ли?

– Хуже. Пирожкову всюду мерещатся розовые слоны. Он говорит, что они устроили против него вселенский заговор.

Папа присвистнул и покрутил пальцем у виска.

– Бедняга! Он всегда казался мне странноватым.

– Это всё барабашки. Они его довели. Давай вызовем экстрасенса! Ну пожалуйста!

– Раз – два – три – четыре – пять... Я совершенно спокоен, – папа зажал пальцами уши. – Я ничего не вижу и ничего не слышу. Я совершенно спокоен.

Пыхалка прилетел в комнату к игрушкам и рассказал им всё, что подслушал у взрослых. Пересказывая, дракончик превращался то в папу, то в маму и подражал их голосам. Остальные слушали. По вечерам дракончик приохотился незаметно прокрадываться в комнату родителей Маши и, оставаясь невидимым, смотрел телевизор или слушал их разговоры. Иногда Пыхалка не выдерживал и вступал в беседу. Он полюбил разгадывать кроссворды и порой, когда папа Маши заходил в тупик, тихонечко ему подсказывал.

– Так-так, – сказал пупс после того, как дракончик закончил свой рассказ. – Значит, в доме завёлся барабашка! Я всегда это знал!

– Ты с ума сошёл! Откуда ему здесь взяться?

– От верблюда, – пояснил Куклавяня.

– От какого верблюда?

– А от такого! Там, где есть умный, симпатичный пупс, учёный гном и дракончик, вполне может появиться и барабашка. Это как пить дать.

Гном Ученичкин вылез из своего гамака и подошёл к игрушкам. Последнее время, как всякий настоящий изобретатель, он вёл ночной образ жизни, а днём отсыпался на чердаке кукольного домика. Питался Ученичкин виногретом, который таскал из холодильника, причём больше всего любил выковыривать из него горошины.

– Барабашка – это ненаучное явление. Вот вы знаете, сколько в барабашке метров-сантиметров-литров-килограммов? То-то же! Значит, его не бывает! – заявил Ученичкин.

– Но папа и мама не могут говорить неправду! Они же взрослые! – заспорила Оля.

– Положим, все могут говорить неправду! И чем человек взрослее, тем неправда больше. Это придумала одна знаменитая кошачья философия, – промурлыкала Дуся.

– Какая философия? Я её знаю? – спросил Ученичкин.

– Ты её знаешь, – уверенно мяукнула Дуся. – Можно даже сказать, ты с ней знаком. Ну, угадал? Это я!

– Ага, – сказал Куклавяня. – А ещё говорить половину правды – не значит врать. Скажем, мальчик стянул из вазы плитку шоколада, и мама его спрашивает: «Ты ел шоколад?» «Нет, – отвечает он. – Не ел».

– Мальчик соврал маме!

– Как бы не так! Мальчик сказал правду! Он, допустим, не съел ещё шоколадку, а только спрятал. Виноват не мальчик, а его бестолковая мама, которая не умеет точно задавать вопросы.

– Теперь, пупсина, я буду беречь от тебя шоколад. Ты меня совершенно запутал со своими скверными мальчиками, – раздражённо сказала Оля.

– Бестолковая ты кукла! – вздохнул Куклавяня. – За что только я тебя терплю? Хотя кое-какие достоинства у тебя есть. Например, яблочный кисель ты готовишь неплохо. Хоть и разливаешь его куда попало.

– Не надо ссориться! – Синеус и Трувор ухватили Куклавяню и Олю за руки своими мягкими лапками.

За оконным стеклом на затянутом сиреневыми облаками небе медленно восходила луна. Это не прошло незамеченным для Дуси. Она быстро проглотила последний кусочек кошачьих консервов и настроилась на меланхолический лад.

– Ах! Ах!

– О, нет! Сейчас начнётся. Каждый вечер одно и то же! – со знанием дела пробурчал Куклавяня.

Дуся зачарованно смотрела в окно, усевшись на самом краю подоконника. На её мордочке запечатлелось мечтательное выражение.

– Какая луна! В такие минуты не хочется ни о чём думать, а только глядеть, глядеть, глядеть... К сердцу подкатывают сладкие слёзы, и хочется рыдать. И чтобы это было бесконечно, – хрипло промяукала кошка.

– Чтобы вечно ныть, ныть, ныть... – начал было Куклавяня, но, получив быстрый подзатыльник кошачьей лапой, умолк.

– Бледно-розовое небо всё окутано облаками, как полупрозрачной вуалью. Сквозь эту воздушную вуаль проглядывает голубой лик луны... – мечтательно произнёс дракончик.

Дуся в изумлении уставилась на него. Потом она кокетливо изогнулась и промурлыкала:

– Я и не знала, что ты поэт. Это так романтично. Милый, милый Пыхалка! Такое родство душ, мне даже на секунду показалось, что я сама это сказала...

– Так и есть. Это ты вчера сказала. Ты это каждый день говоришь. Слово в слово. А я запомнил и тебя передразнил. «Бледно-розовое небо всё окутано...» – засмеялся дракончик.

– Свинья... А я думала, что ты поэт. Какое разочарование! – обиделась Дуся.
– Опять нашу Дуську надули! Только она хотела влюбиться, а её – раз! – и надули! – обрадовался Куклавяня.

– Фу, как мелко! Теперь я буду звать тебя «злорадный пупс» и никак иначе! – сказала Дуся высокомерно.

Пока они разговаривали, гном Ученичкин бродил по подоконнику и усиленно размышлял:

– А вдруг барабашка на самом деле существует? Вот бы нам его найти и назвать моим именем. Например, *Барабанус Ученичкинус!*

– Какой *Ученичкинус?* – удивлённо переспросила Оля.

– Это латынь. Такой вымерший язык. Его используют учёные, – с довольным видом пояснил Ученичкин.

– Какие учёные? Тоже вымершие? – заинтересовался Куклавяня.

Неожиданно в шкафу послышался негромкий стук: «Бряк! Бряк! Бряк!»

– Барабашка! Он там, внутри! – ахнула Оля.

– Мамочки! Мы боимся! – задрожали зайцы.

– Не бойтесь! Вы под моей надёжной защитой!.. Пойдёмте вместе куда-нибудь спрячемся, – успокоила их Дуся.

Ученичкин и Пыхалка загорелись посмотреть на барабашку. Куклавяня, поборов свой страх, увязался с ними. Ученичкин прихватил с собой записную книжку, линейку и фотоаппарат, чтобы измерить, взвесить и сфотографировать его.

– Звяк, звяк, звяк! – доносилось из шкафа. – Звяк-бряк! Звяк-бряк!

Куклавяня, Ученичкин и Пыхалка приоткрыли дверь шкафа и осторожно заглянули внутрь.

– Помогите! Я здесь! Помогите! – гулко донеслось до них из самых глубин шкафа.

И опять «звяк-звяк-бряк!»

– Заманивает! Мы подойдём, а он нас – ХВАТЬ! – прошептал Куклавяня.

– А может, барабашке в самом деле нужна помощь? Ему, наверное, одиноко в шкафу и страшно. Мне тоже было страшно в кладовке, пока вы не пришли! – предположил Пыхалка.

Ученичкин выставил перед собой линейку, как меч, и храбрые исследователи на цыпочках прокрались в шкаф.

– Помогите! Помогите! – доносилось оттуда.

– С-сейчас п-поможем! С-сейчас! Дер-жись, барабашка! – заикаясь, сказал Ученичкин.

Посреди шкафа на боку лежала пустая банка из-под варенья. Банка раскачивалась, постукивала. Из неё и исходили мольбы о помощи.

– Барабашка там, в этой банке! Давайте туда заглянем! – предложил Пыхалка.

– Чур, я последний! – сказал Куклаваня.

Ученичкин осторожно прокрался к банке и сразу отпрыгнул.

– Ну что ты видел? Барабашку?

– Не знаю. Я не успел толком разглядеть, – признался Ученичкин.

– Эй, в банке, отзовись! Хуже будет! – крикнул Пыхалка.

– Помогите! Выпустите меня отсюда! – пропищали из банки.

– Кто ты? Барабашка?

– Я мышонок... Выпустите меня...

Исследователи заглянули в банку и увидели маленького серого мышонка. Мышонок был очень симпатичный и вежливый.

– Уф! – облегчённо вздохнул Куклаваня. – Хорошо, что это не барабашка! Сразу как-то легче стало... Как ты там очутился, мышонок?

– Я залез через дырку в крышке и стал есть варенье, – мышонок посмотрел на Куклаваню глазками-бисеринками. – Я ел варенье три дня, а когда всё съел, то обнаружил, что вырос и не могу пролезть через дырку в крышке. Помогите, умоляю!

– Сейчас поможем! Вылезай, мышонок! – Ученичкин открыл крышку.

– Большое спасибо! Вы мне очень помогли. Если хотите... – мышонок стеснительно пошевелил хвостом. – Если хотите, можете дать мне имя, а то у меня его ещё нет.

Гном Ученичкин покраснел, помялся немного для приличия и сказал:

– Я нарекаю тебя Барабанус Ученичкинус. Мне давно хотелось так кого-нибудь назвать, но всё как-то случай не подворачивался.

Мышонок поклонился.

– Большое спасибо! Теперь я буду Барабанус Ученичкинус. Ни у кого из наших нет такого замечательного имени! А теперь мне пора домой! Ещё раз спасибо!

И мышонок убежал, повторяя своё новое красивое имя.

– Пока, Барабан! Приходи к нам в гости! – закричали ему вслед Пыхалка и Куклаваня.

Глава восемнадцатая КУКЛАВАНЯ – РЫЦАРЬ

Ночью Маша проснулась оттого, что кто-то водил по её лицу пером из подушки. Девочка открыла глаза и при свете ночника увидела Куклаваню.

– Просыпайся, я хочу с тобой посоветоваться! – тормошил её пупс.

Маша недовольно привстала на локте. Не так уж приятно, когда тебя будят среди ночи. Но пупс вёл себя загадочно, и Маше стало любопытно. Даже при слабом свете ночника заметно было, что Куклаваня чем-то озабочен. Пупс переминался с ноги на ногу и теребил пуговицу на куртке.

– Ты, Маша, довольно опытная в таких вещах. Ведь тебе почти восемь лет. Что делать, если кому-то кто-нибудь понравился? Жутко понравился, – наконец выпалил пупс.

– Видишь ли, Куклаваня... – замялась Маша.

Она была польщена, что к ней обратились за советом, как ко взрослой, и не хотела обмануть ожиданий пупса. Но, с другой стороны, хотя Маше, повторяю, было уже почти восемь лет, она могла посоветовать не так и много.

– Ну, пупс... Что я могу тебе сказать? Поухаживай за девочкой, которая тебе понравилась, – предложила Маша.

– Как это «поухаживать»? Она же не раненая, чтобы за ней ухаживать! – не понял Куклаваня.

Маша задумалась, соображая, как лучше объяснить.

– Ну представь... Например, я нравлюсь одному мальчику из класса. Он мне никогда об этом не говорил, но я почти уверена. Он постоянно дёргает меня за косы, а один раз подбросил дождевого червя в спичечной коробке. И тебе нужно сделать что-нибудь в этом роде, чтобы открыть свои чувства.

Куклаваня просиял и радостно скатился с подушки:

– А ухаживать, оказывается, довольно интересно! А я-то думал! Спасибо, Маша! Я обязательно сделаю всё так, как ты посоветовала.

– Подожди, пупс! Ты мне так и не сказал: кто именно тебе нравится?

Но Куклаваня уже убежал. Маша даже огорчилась.

– Ну и не надо! Можно подумать, я не знаю, в кого он влюбился! – сказала она.

На другой день кукла Оля и кошка Дуся смотрели телевизор. По телевизору выступал унылый старичок и рассказывал про цены на нефть.

– Ишь ты! Какой забавный политический дядечка! Сразу видно, что он жутко умный. Посмотри, Оля, какой у него громадный лоб! – восхищалась Дуся.

– Это не лоб, а лысина! Когда ты наконец научишься отличать! – сказала Оля.

Фальшиво насвистывая, к подружкам подошёл Куклаваня. Его рыжая чёлка была зачем-то намылена и смешно топорщилась. Вечно спадавшие штаны были подвязаны верёвочкой, а уши впервые от рождения довольно чисто вымыты.

– Привет, Кушкудуська! Привет, Оля! Я тут как бы случайно проходил мимо... – произнёс пупс, переставая насвистывать.

– Привет! – сказали подружки, не отрываясь от телевизора и не обращая на пупса особого внимания.

Куклаваня встал между телевизором и креслом.

– Какой сегодня хороший денёк! – страдальчески произнёс он и посмотрел в окно. На улице хлестал дождь. На ветке напротив окна сидела мокрая ворона и ругалась нехорошими словами.

– Лучше не бывает! Пупс! Не загораживай телевизор! Брысь отсюда! – Дуся сделала выпроваживающее движение лапой. Куклаваня нехотя отодвинулся от экрана и продолжил назойливо насвистывать.

– Вы не спросите меня, что именно я насвистываю? Ну и не надо. Я и так скажу. Это Песня Голодных Мурзиков.

*Дайте нам ложку,
Мы скушаем кошку!
Дайте нам пупку,
Засунем её в мясорубку!*

– Какую ещё пупку? – Дуся оторвалась от телевизора.

Куклаваня показал ей язык:

– Не твоё кошачье дело, какую пупку!

Дуся соскочила с кресла, ухватила пупса зубами за штанишки и потащила прочь из комнаты. Пупс болтался в воздухе и страдальчески охал:

– Подожди меня выпроваживать, негодная Дуська! Я ещё не всё сделал, что хотел!

Куклаваня ловко выскочил из штанов, оставив их в зубах у кошки, и шлёпнулся на пол. Под штанами у пупса оказались красные шортики в белый горошек. Дуся от изумления открыла рот и выпустила из зубов штанишки Куклавани. Пупс подхватил их и надел. Потом он подбежал к кукле Оле, дёрнул её за косу и бросил на колени спичечную коробку:

– На тебе подарочек! Теперь, Дуська, можешь меня изгонять! Мавр сделал своё дело! Мавру пора на электричку! – И пупс уцепился за хвост кошки. Дуся направилась к двери, а Куклаваня катился следом, как на водных лыжах.

Оля пожалала плечами и приоткрыла спичечную коробку. Оттуда выполз большой чёрный таракан. Оля вскрикнула и отшвырнула коробку в сторону.

– Что там ещё? – Дуся вернулась в комнату.

От пупса она отделалась в коридоре. Оля с ужасом показала Дусе на таракана:

– Это мне Куклавания дал! Брр, гадость!

Послышался стук в дверь, и в комнату заглянул Куклавания. За какую-то минуту, что его не было, пупс успел нацепить галстук и вычистить зубной щёткой правый ботинок. Куклавания недоброжелательно покосился на Дусю и пробурчал:

– И ты здесь, животное? Ну да ничего, можешь остаться. Смотри себе телевизор и помалкивай!

У Дуси поднялась дыбом шерсть на загривке, но она сдержалась. Кукла Оля возмущённо набросилась на пупса:

– Зачем ты подарил мне таракана?

– Зачем надо, затем и подарил! – Пупс спрятал нечищенный ботинок за чистый. – Как я выгляжу? Правда, я хорошенький?

– Ну если не очень придирается... – подтвердила вежливая Оля.

– А почему ты мне раньше никогда об этом не говорила? Ну что, я тебе нравлюсь? – возмутился пупс.

– Ты мне? Я не ослышалась? – удивилась Оля, прочищая пальцами уши.

Пупс недоверчиво погрозил ей пальцем.

– Правду приходится выбивать из тебя чуть ли не молотком! Да я не ссориться сюда пришёл. Пошли ко мне в гости.

Оля крайне удивилась. Куклавания был не большой любитель приглашать к себе гостей. Он больше любил сам ходить по гостям. Определённо, сегодня с пупсом происходило нечто невероятное.

– К тебе в гости? Зачем? – спросила Оля.

– Мало ли зачем? Уберёшься, постираешь, чайку попьём, поболтаем и вообще... – уклончиво отвечал Куклавания.

Оля подумала, посомневалась немного и согласилась. Ей хотелось узнать, чем вызвана произошедшая с пупсом перемена. Куклавания и Оля зашли в ботинок и огляделись. Посреди ботинка высилась громадная куча вещей, на самом вершине которой, как флаг, торчал сачок для бабочек.

– Чайку сообразим. Правда, сахару у меня нет и чайника тоже нет, но зато есть столик. Это будет справедливо: мой столик – твой чай, – засуетился пупс и стал копаться в вещах.

Оля стояла посреди домика-ботинка, стараясь ни к чему не прикасаться, чтобы не испачкаться.

– Располагайся! – Куклавания выволок откуда-то маленькую табуретку, сдул с сиденья пыль и пододвинул её Оле. Та, чтобы не обидеть пупса, осторожно опустилась на табуретку и вдруг с треском обрушилась на пол.

– Ха-ха! – засмеялся Куклавания.

Оля сердито вскочила.

– Ты что, специально? – закричала она.

– Ой, нет-нет! Просто я забыл, что у табуретки нет ножки! Ну да ничего страшного, я дам тебе другую, – смутился Куклавания.

– Лучше я постою. Зачем ты меня приглашал? – спросила Оля.

Куклавания стеснительно потупился, но быстро взял себя в руки:

– Я хотел с тобой поговорить.

– О чём?

Пупс почесал в затылке и покраснел. Он несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но так ничего и не произнёс.

– О чём поговорить? – приставала любопытная Оля.

– Да так... О... О кастрюльке, – нашёлся Куклавяня. – Помнишь, ты одалживала у меня кастрюльку и не вернула? Нехорошо получается. Не по-соседски. Ай-ай!

Оля нахмурилась.

– Что ты несёшь? Не одалживала я у тебя кастрюльку, – разочарованно протянула она.

– Ну не кастрюльку, так что-нибудь ещё... Помнишь, в прошлом году тебе нужен был гвоздик и я тебе дал? Где мой гвоздик?

У Оли глаза полезли на лоб. На время она лишилась дара речи.

– А ещё ты у меня тесёмочку брала, – бормотал разошедшийся Куклавяня, – и пу... пу... пуговичку. Беленькую такую пуговичку с двумя дырочками.

– Ах ты, скверный пупсина! Не буду с тобой водиться! Жадина несчастная! А я-то думала!.. – крикнула Оля.

Она замахала руками и выбежала из домика. Куклавяня бросился было за ней с криком: «Сама жадина! Гвоздик, гвоздик верни!», но споткнулся о валявшуюся табуретку и упал. Поднялся, отряхнулся, вздохнул, подумал, чем бы ему заняться, и лёг спать. Наутро он проснулся в хорошем настроении и отправился в кладовку на ревизию банок с вареньем.

– Ну, как твои дела? Признался в любви? – полюбопытствовала вечером Маша.

Она подошла к Куклавяне и взъерошила ему волосы. Но пупс не был расположен к откровенности. Он охал и каждые пять минут куда-то выбегал – он объелся вареньем, и у него болел живот.

– Надоели мне эти ухаживания! Оляка меня не стоит! Ой, мамочки! Опять!.. Прости, Маша, я побежал, у меня дела! – только и сказал Куклавяня.

Глава девятнадцатая ПЫХАЛКА И ЭКСТРАСЕНС

Вероятно, маме всё-таки удалось переупрямить папу, потому что через несколько дней раздался звонок в дверь. Это пришёл экстрасенс.

Мама захлопотала над экстрасенсом, как курица-наседка над своим первым яйцом. Она предложила экстрасенсу лучшие тапочки и пригласила на кухню перекусить. Папа был чуть-чуть мрачен и неискренне улыбался. Машу же вообще отослали к бабушке, чтобы она не путалась под ногами.

Экстрасенс был высокий, очень упитанный дядька с чёрной кудреватой бородой и толстыми щеками. Выражение лица у него было многозначительное и хитрое. Руками он постоянно выделял какие-то пассы, будто завязывал в воздухе невидимые верёвочки.

– На работе не пью. Разве что для вдохновения... – сказал сам себе экстрасенс и подмигнул.

– А вдохновение не мешает работе с потусторонним миром? – ехидно спросил папа.

– Напротив, – очень решительно сказал экстрасенс. – Напротив!

Папа и экстрасенс чем-то забулькали на кухне. Мама занервничала и стала рассказывать про таинственные явления, которые происходят в квартире.

– Сами собой двигаются вещи... Пропадает еда из холодильника... Звучат потусторонние голоса... У моей подруги Лидочки было то же самое. Это она рассказала мне о вас. Что бы мы без вас делали?

– Деньги бы отложили на отпуск... – тихо пробурчал себе под нос папа.

– Помню, помню, – экстрасенс нахмурился. – У вашей подруги... как вы говорите... Зиночки?... был трудный случай. Мне понадобился весь мой дар, чтобы изгнать потусторонние силы из квартиры... А чем это у вас так замечательно пахнет? Курицей?

– Это индейка! Попробуете? – просияла мама. Она любила творческих людей, имеющих связь с загробным миром.

Папа сделал быструю попытку заслонить собой кастрюльку, и с минуту они с мамой молча перетягивали её друг у друга. Наконец пальцы папы обречённо разжались.

– Специально потушила. Моё коронное блюдо. Вам должно понравиться, – сказала мама.

– Отчего же, отчего же... – хищно проговорил экстрасенс и облизнулся. – Хотя, конечно, на работе я не ем... но с другой стороны. Я ведь сразу понял, что это индейка... Седьмое чувство... Мда...

– Каждый дурак догадается, когда запах на весь подъезд, – ещё тише проворчал папа.

Экстрасенс вонзил вилку в индюшачью ножку. Папа стиснул челюсти, и лицо у него сделалось таким, будто вилку воткнули в него самого.

– Может, перейдём к делу? В смысле колдовства или как это там у вас делается. «Тибидох-тибидох-трах?» – спросил папа.

Рука экстрасенса замерла на полпути ко рту. Борода встала дыбом. Усы ошетились. Экстрасенс медленно встал во весь свой немалый рост и... вдруг произнёс очень тонким обидчивым голосом:

– Я отказываюсь работать в такой обстановке. Если моему искусству не верят, я готов уйти. Ноги моей больше здесь не будет.

Мама вскочила.

– Не слушайте его! Это его злые духи крутят. Изгоните их поскорее, чтобы я могла вновь обрести своего прежнего мужа! – набросилась она на папу.

Экстрасенс вначале отнекивался, но после любезно согласился изгнать злых духов из папы. Под тяжёлым взглядом мамы папа сел на стул, а экстрасенс стал делать над его головой вращательные движения руками.

– Ну, всё? Закончили? – поинтересовался папа минут через пять.

– Как ты себя чувствуешь? Очищенным? – заинтересовалась мама.

– Меня трясёт. Никогда я ещё не был так раздражён, – признался папа.

Мама вопросительно посмотрела на экстрасенса. Тот пожал плечами:

– Трясёт – это хороший знак. Злым духам неуютно. Они в панике. Надо продолжать!

И он продолжал делать над папой свои пассы. Прошло минут десять. Неожиданно папа побагровел, а потом расхохотался. Его долго не могли успокоить. Мама отливала папу водой, а он всё смеялся и смеялся. Под конец папа даже стал икать:

– Ой, не могу! Ик... Ха-ха-ха, ик, ха-ха-ха!

Наконец папа успокоился. Он молча сидел на стуле и булькал теми десятью стаканами воды, которые мама влила в него, чтобы прекратить икоту.

– Конечно, сеанс нужно будет повторить, но первые успехи налицо! – сказал экстрасенс.

Узнав о приходе экстрасенса, игрушки переполошились и послали кошку Дусю выяснить, что к чему. Дуся покрутилась под ногами и вернулась с потрясающим известием:

– Они оба стоят вокруг экстрасенса и смотрят, как он приканчивает индейку. Даже не накормили любимую кошку. Наверное, он их заколдовал!

– Вдруг этот тип нас рассекретит? Тогда держись! – забеспокоились зайцы.

Хвост Дуси досадливо дёрнулся.

– Откуда он узнает? Он совсем бесчувственный. Я десять минут выклянчивала у него кусочек индейки, а он даже косточки понюхать не дал. Жадина!

– Постараемся, чтобы на этот раз он честно отработал свой хлеб. Пусть думает, что у нас в самом деле привидения. Из этого может получиться забавная игра, – потёр руки Куклаваня.

Видимо, экстрасенс хорошо подзарядился энергией, потому что от индейки остались одни косточки. Помыв руки, он выразил желание побыстрее очистить квартиру от злых духов.

– Ну-с, приступим!

Экстрасенс извлёк из кармана две вязальные спицы, и они быстро закрутились у него в руках на глазах у восхищённой мамы.

– Что вы делаете? Ловите марсианскую радиостанцию? – с любопытством спросил папа.

– Тихо! Я чувствую, что потусторонние силы где-то здесь. Я ощущаю исходящие от них импульсы! – прошипел экстрасенс, водя спицами.

Он прошёлся по квартире, делая спицами движения, будто вязал невидимый чулок. В коридоре экстрасенс наступил на газету и досадливо отбросил её ногой в сторону.

– Эту газету привидение таскало по воздуху. Может, она вам как-нибудь поможет? – сказала мама.

Экстрасенс быстро посмотрел на маму. Затем дотронулся до газеты спицами и вдруг содрогнулся, будто его кольнули иглой.

– О да! О да! – прошептал он, закатывая глаза. – Я чувствую чёрную энергию. Газету нужно немедленно сжечь.

– Подождите! – Папа решительно вырвал газету из рук экстрасенса. – Привидение летало со вчерашней газетой, а это сегодняшняя. Здесь же чёрным по белому написано: «вторник».

Экстрасенс немного подумал и сказал:

– Всё равно сожгите! Она вся пропитана чёрной энергией. Возможно, она послужила взлётной полосой для космического корабля.

– Для какого корабля? Откуда у нас в квартире взяться космическому кораблю? – удивился папа.

– Тшш! – округлил глаза экстрасенс. – Об этом не говорят! Сожгите газету!

Папа покосился на маму и вздохнул.

– Хорошо. Почему бы и не сжечь? Всё равно в ней нет программы телевидения, – сдался он.

После того как газету сожгли, а вонь более-менее выветрилась, экстрасенс незаметно взглянул на часы и засобирался:

– Ну что ж... Вот и всё. Основной сгусток злобной энергии рассеян, но через три месяца надо повторить сеанс.

Он двинулся было к двери, но мама поймала его за локоть:

– Стойте! Вы ещё не были в комнате моей дочери. Именно там я нахожу пустые банки из-под горчицы, которые исчезают из холодильника.

– В самом деле? Эти банки нужно немедленно разбить! У вас есть молоток? – засуетился экстрасенс.

– А банки чем провинились? – поинтересовался папа.

Экстрасенс укоризненно посмотрел на папу:

– Вы не знаете, а лезете! Горчица – универсальное топливо для космических кораблей пришельцев. Они потому и воруют её, что у них кончилось горючее.

– Теперь понятно. А я думаю: зачем привидениям горчица? А вы всё объяснили, и сразу стало ясно, – сказала мама.

Экстрасенс повертел спицами и, открывая дверь в комнату Маши, заявил папе и маме:

– А вас я попрошу не заходить! Это может быть опасно. Инопланетяне не любят непосвящённых. И не открывайте дверь в ближайшие три минуты, что бы ни случилось! Запомнили?

– Запомнили! – ответственно сказала мама.

– Надеюсь, у нас там нет ничего ценного, – проворчал папа, когда за экстрасенсом закрылась дверь.

Оставшись один в комнате у Маши, экстрасенс сунул спицы в карман, потянулся и зевнул. После еды у него началась изжога, и он жалел, что пожадничал и переел. Экстрасенс уселся на стул у окна и огляделся. Повсюду валялись игрушки, и билась о стекло муха. Он достал конверт, который застенчиво сунула ему в коридоре мама, и зашелестел бумажками. Содержимое конверта его приятно удивило, и он принялся напевать: «Вихри враждебные веют над нами», единственную песню, которую знал. Потом, бросив взгляд на дверь, громко и торопливо произнёс: «Злобные пришельцы! Оставьте этот дом! Изгоняю вас именем Высшего Разума!»

Мама и папа за дверью довольно зашевелились. Экстрасенс усмехнулся и спрятал конверт в карман. В этот момент кто-то дотронулся до его плеча. Он озадаченно обернулся и увидел космического пришельца в скафандре, зелёного и лупоглазого, точь-в-точь такого, как рисуют в детских комиксах. Антенны на голове инопланетянина подрагивали.

– Приветствую тебя, сенс... – произнёс космический пришелец жутким мертвенным голосом. Рот его не открывался, а звук шёл из коробки на спине. – Мы давно следим за тобой и всё о тебе знаем! Например, что ты жадничаешь Дуськам кусочек индейки... Нехорошо, космический разум недоволен! Придётся преобразовать тебя в космическое топливо для нашего корабля.

– Мама, – прошептал экстрасенс неожиданно севшим голосом и неумело перекрестился: – Свят, свят, свят! Вас же не бывает!

– Хочешь полететь с нами? Мы уже подготовили для тебя контейнер, – продолжал пришелец.

– Нет, – испугался экстрасенс. – Мне нельзя. У меня жена, дети. Ещё жена, ещё дети...

– Тогда мы возьмём тебя в заложники и обменяем на горчицу! – Инопланетянин стал медленно надвигаться на перепуганного экстрасенса.

Бородач попятился к дверям, но нечаянно наступил на хвост кошке.

– Мря-а! – в панике завопила Дуся и оцарапала экстрасенсу ногу.

Вне себя от ужаса, бородач налетел на двери с такой силой, что они чуть было не открылись в противоположную сторону.

– Ишь как воюет, себя не жалеет! – восхитилась мама. – Сразу видно – профессионал. А ты мне не верил! Не открывай дверь! Трёх минут ещё не прошло!

– Надеюсь, он не прибьёт кошку. Впрочем, Дуська не даст себя в обиду. Она очень даже может за себя постоять, – сказал папа, наваливаясь на дверь плечом.

Пока экстрасенс и папа перетягивали ручку двери, космический пришелец тихонько подвывал в ухо экстрасенсу:

– У-у! Отдай деньги, которые ты выжулил, не то я заберу тебя на Луну.

– Н-нет, не дам! – бормотал экстрасенс, воюя с дверью. – У меня детишки!

– И детишков на Луну заберём!

– Караул! Больше не буду жульничать! Кто бы мог подумать, что пришельцы на самом деле существуют!

Пришелец взмыл под потолок и принялся кружить на голове экстрасенса.

– Существу-у-ют! Ещё как существу-у-ют! На Лу-уну! У! – вдохновенно выл он.

Увидев, что пришелец ещё и летает, экстрасенс окончательно испугался.

– Отдам деньги! И вертящиеся спицы выкину! – задрожал он. – Не хочу на Луну! Жена, дети голодные! Дача во Франции недостроена!

Тишина. Ни слова, ни звука. Экстрасенс пугливо оглянулся. Инопланетянин исчез. Ещё секунду назад бесшумно парил под потолком, а теперь пропал, растворился, будто его и не было. Экстрасенс схватился за голову и стал похож на Пирожкова после встречи с розовым слоном.

Удивлённый тем, что в комнате стало тихо, папа открыл дверь. Освобождённый экстрасенс оттолкнул папу и маму и опрометью кинулся к лифту. Он был растрёпан и выглядел плохо. Руками экстрасенс выделял странные движения, будто отмахивался от невидимых мух.

– Убежал и не попрощался! Видать, привидение его выкурило. Нашла коса на камень! – покачала головой мама.

Вслед за экстрасенсом в дверь выплыл конверт с деньгами и, кружась, упал прямо в руки папе.

– По-моему, привидение настроено к нам дружелюбно. Оно мне даже нравится. С его стороны было мило вернуть нам деньги, – сказал папа.

Мама вздохнула.

– Не знаю. Ох, не знаю... Пойти, что ли, в магазин – купить горчицы? Надо же как-то задобрить привидение, раз нельзя его выкурить?

– Пых-пых! Ура! – раздалось в комнате.

В ту же секунду ноги мамы оторвались от пола, и она взлетела к потолку. Одной рукой мама придерживала юбку, а другой поправляла волосы. В общем, она выглядела вполне счастливой.

Потом маму осторожно опустили на пол. Мама задумчиво дотронулась рукой до щеки.

– Кажется, оно меня поцеловало! – сказала она, краснея.

– Надеюсь, это был платонический поцелуй! Это в интересах самого привидения! – сказал папа.

Глава двадцатая ВОСКРЕСНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

В воскресенье у Маши неожиданно разболелось горло, и родители не пустили её гулять:

– Посидишь денёк дома – вылечишься и завтра сможешь пойти в школу.

«Утешили, нечего сказать. Лучше бы я сегодня погуляла, а в понедельник поболела», – подумала Маша.

Но у родителей, как обычно, на всё существовал уже готовый ответ. Девочка забралась в кровать с книжкой и попыталась читать. Но у неё не получилось: на дворе стояла великолепная погода середины мая и доносились голоса играющих ребят. Маша насупилась и отбросила книжку в сторону. Подумаешь, разболелось горло! Самую чуточку! И зачем она сказала об этом маме?

– Мы пойдём погуляем! Через пару часов вернёмся! Не скучай! – крикнули ей из коридора родители.

Едва за мамой и папой закрылась дверь, Маша вскочила с постели и подбежала к окну. Так и есть! Все её подружки во дворе! Вот уж не повезло!

– Расслабься! Чтобы хорошо провести воскресенье, не обязательно болтаться целый день на улице. Приключения можно найти дома, не отходя от кассы! – произнёс рядом с девочкой задорный голосок.

Маша увидела пупса. Он сидел на подоконнике и обрывал листья герани:

– Любит – не любит, плюнет – поцелует!

Когда на герани остался последний лист, Кукулавяна вдруг оттолкнул горшок в сторону:

– В другой раз догадаю! Не время расслаживаться! Вперёд, на поиски приключений!

– Мне нельзя на поиски. Я должна выздоравливать, – вздохнула Маша.

– А что у тебя болит? – спросил пупс.

– Горло.

– Я тебя мигом вылечу!

– Как? Разве ты умеешь? – усомнилась Маша.

– Открой рот и скажи букву «Бэ-эээ!» Понятно! Теперь проверим температуру! – Кукулавяна забрался на подоконник и прежде, чем Маша успела спросить, что он собирается делать, полил ей лоб и лицо из лейки.

– А-а! Ты спятил!

– Ерунда-ерундовина! Вода не кипит – значит, температуры у тебя нет. А горло у меня тысячу раз болело, и я никогда не лежал в кровати.

– А как тогда выздоравливать? Мама сказала...

– Маму слушаться тоже нужно в меру, – проворчал пупс. – Она не знает, что горло намного быстрее проходит, когда бегаешь и кричишь! В крайнем случае, можно наклеить на язык горчичник! Это лучшее средство!

Шкаф приоткрылся, и оттуда высунулась голова дракончика Пыхалки:

– Кто тут говорил о горчичнике? Хочу горчичник!

– Зачем он тебе? Ты же здоров.

– А вот и нет. У меня болит живот. Я съем горчичник, и живот пройдёт, – облизнулся Пыхалка.

– Я бы тебе дала горчичники, но не знаю, где они у мамы, – призналась Маша.

– Всё ты знаешь. Жадничаешь, так и скажи! – Дракончик оскорбился и полез в шкаф.

Маша подошла к шкафу и постучала:

– Пыхалка, у меня нет горчичников, на зато есть баночка, угадай с чем? С перцем!

В шкафу зашевелилось, и оттуда вылез сияющий дракончик:

– Сочиняешь, наверное. Нет чтобы угостить меня раньше... Ну давай свою банку!

Пока Маша кормила Пыхалку перцем, пупс сосредоточенно мастерил что-то из газеты.

– Сейчас мы хорошенько повеселимся! Давненько у меня не получалось таких превосходных бомбочек! Целых три! Осталось только наполнить их водой. Ап! – готово!

Куклавяня привстал на цыпочки и выглянул из окна:

– Ага! Там этот типчик из второго подъезда опять моет свою машину! Я всё жду, пока он протрёт её до дыр! Что такое? У него, кажется, водичка закончилась? Не унывай, дядечка, сейчас я тебя выручу!

Пупс прицелился и метнул вниз три бомбочки. Первая разорвалась прямо у ног мойщика, вторая попала ему по голове, а третья шлёпнулась на крышу автомобиля. Владелец машины посмотрел наверх и увидел, как захлопнулась одна из форточек. Он взвыл и кинулся в подъезд.

– Эй, Маша, Пыхалка! Кажется, к нам бегут неприятности. И они уже довольно близко, – крикнул Куклавяня.

Дракончик выпустил сноп искр из носа:

– Я знаю, что делать.

Хозяин машины выскочил из лифта и забарабанил кулаками в дверь. Он был так разгневан, что даже не воспользовался звонком:

– Будете меня помнить! Не уйду, пока не откроете!

Дверь открылась, словно было произнесено волшебное слово «сезам», и из квартиры, наклонив вперёд рога, протиснулся огромный бычище. Он едва помещался на лестничной площадке, такой был громадный. Бык недоброжелательно мычал и надвигался на опешившего автомобилиста. Его красные глаза были налиты кровью, а из ноздрей шёл пар.

Хозяин машины попятился:

– Ты чё, ты чё? Хорошая коровка! Я уже ухожу! Будто дверью нельзя ошибиться! – крикнул он, вскакивая в лифт.

Бык проводил его тяжёлым взглядом и вернулся в квартиру. Там он опять стал прежним весёлым дракончиком.

- Ушёл? – спросил пупс.
- Ушёл, – заверил его дракончик.
- Насовсем?
- Думаю, да.

– Ну народ, нельзя же так! – возмутился Куклавания. – Едва дело заходит о машинах, так сразу же у них пропадает последнее чувство юмора! А всего-то и делов, что куча железа на колёсах.

И пупс стал выдумывать новое развлечение. Он бродил по комнате и заглядывал во все шкафчики и ящики. Неожиданно взгляд его упал на игрушечный лук со стрелами:

- Ура! Придумал! Со мной не соскучишься! Будем играть в Робин Гуда!

Куклавания схватил со стола чашку, в которой оставался ещё чай, и поставил её на голову кукле Оле.

– Прекрасная девушка отважно вверяет свою жизнь меткому стрелку! – Куклавания прицелился из лука в чашку на голове Оли.

– Доверчивая дурочка и стрелок-мазила. Смертельный номер! – кошка Дуся закрыла глаза.

Куклавания выпустил стрелу. Оля не стала дожидаться, пока пупс промахнётся, и пригнулась. Чашка слетела с её головы и разлетелась вдребезги, а стрела Куклавания сшибла шапочку с гнома Ученичкина, который прогуливался по подоконнику, размышляя на очень умные темы.

- Эврика! Меня осенило! – закричал вдруг Ученичкин.

И гномик кинулся что-то писать в записной книжечке.

– Что ты наделал? – расстроилась Маша. – И чашку разбил, и пол залил чаем. Мама рассердится, когда увидит.

– Она ничего не узнает! – Куклавания мигом пошвырял в окно осколки чашки, схватил со стула кусок ткани и вытер им насухо пол.

– Ну вот и всё! И тряпочка на твоё счастье сразу подвернулась, – удовлетворённо произнёс пупс.

– Это не тряпка, а папина рубашка! Он в ней завтра на работу идёт! Мама собиралась её погладить! – только теперь Маша увидела, чем именно Куклавания вытер пол.

– Вечно ты придираешься! Что бы я ни сделал, всегда недовольна. А ты научись видеть во всём хорошие стороны. Пусть рубашкой меньше – зато тряпкой больше. От тебя требуется только объяснить это маме, – философски заявил Куклавания.

– Почему бы тебе самому ей не объяснить? Вот возьми и объясни! – накинулась на него Маша.

– Не могу, – вздохнул пупс. – Печальные новости принято выслушивать от близких людей. Так их легче переносить. И не забывай, что я для твоей мамы – тайна, покрытая мраком.

Маша решила выстирать папину рубашку, чтобы незаметно было, что ею вытирали пол.

– Подумаешь, пол! Сами же по нему ходите... А рубашку я выстираю, – заявил Куклавания.

Пупс схватил рубашку и поволок её по полу в ванную. По пути рубашка зацепилась за гвоздь, и у неё оторвался рукав. Куклавания довольно всплеснул ручками:

– Везунчик твой папа! Раньше у него была простая унылая рубашка, а стала модная безрукавка! Остаётся только несколько изменить её цвет – и прекрасная летняя рубашка готова! Где акварельные краски?

Акварельных красок ему никто не дал. Кукла Оля поспешно забрала у Куклавания рубашку и стала её зашивать. Маша постирала рубашку в мыльной пене и прополоскала.

Пыхалка схватил зубами вешалку с рубашкой и стал стремительно летать по комнате, чтобы она скорее высохла.

На всё ушло каких-нибудь десять минут. Когда мама и папа вернулись с прогулки, рубашка полностью была готова и нельзя было определить, в каких передрягах ей пришлось побывать.

– Если бы твой папа только знал, что потерял! Он бы поотрывал у всех своих рубашек рукава и покрасил бы акварельными красками в самые причудливые цвета. Но, спорю, ему самому до этого не додуматься! – заявил Куклавяня.

Глава двадцать первая МАМА НАХОДИТ ПЫХАЛКУ

После того как дракончик позвал свою маму свистом, прошло несколько дней. Ничего не происходило, и Пыхалка потихоньку стал терять надежду. «Наверное, она не услышала», – думал он.

Но вот однажды, когда папа читал газету, он вдруг рассмеялся и позвал маму.

– Напишут же такую чушь! «Объявился летающий динозавр и ночами кружит над Москвой!»

– На твоём месте я бы отнеслась к этому серьезнее. Не забывай, что у нас у самих в доме привидение, – сказала мама.

– Одно дело привидение, а совсем другое – динозавр, – категорично произнёс папа и уткнулся в газету. Но читать он не смог: в комнате вдруг стало темно, как ночью.

– В чём дело? Гроза, что ли, собирается? – удивился папа.

Он выглянул в окно и тяжело сел на пол.

– Там... там динозавр! Он летит сюда! И заслоняет всё небо! – крикнул он маме.

– Час от часу не легче! Надеюсь, он не к нам и не останется обедать, – заметила мама.

Она уже ничему не удивлялась.

Тем временем в своей квартире Пирожков вяло пререкался с Авдохиной. Оба порядком устали и решили выпить чаю с тортом. Продолжая недовольно бубнить себе под нос, что все вокруг плохие и она одна хорошая, Авдохина поднесла заварной чайник к чашке Пирожкова и случайно посмотрела в окно.

– Там... там чудовище! – воскликнула она и упала без чувств прямо на колени к Пирожкову.

Пирожков принялся похлопывать Авдохину по щекам и отливать горячим чаем. Горячий чай оказал благотворное воздействие. Авдохина пришла в себя и увидела участливо склонившегося над нею соседа.

– Я буду жалова... – робко проговорила она и вдруг покраснела.

Пирожков тоже покраснел, вытащил из кармана носовой платок и принялся обтирать им лицо Авдохиной.

– Мама, это моя мама! Я нашёл маму! – радостно закричал Пыхалка, увидев подлетающую к дому дракониху.

– Это скорее она тебя нашла, – уточнила Маша.

Пятью минутами позже Куклавяня, кошка Дуся, кукла Оля, гном Ученичкин, зайцы Синеус и Трувор сидели на подоконнике и смотрели, как за окном в безумном танце носились Пыхалка и его мама. Они то взмывали высоко в небо, то кружились друг возле друга, то удалялись, то сближались. Это был самый загадочный и в то же время самый прекрасный танец в мире. Танец встречи после долгой разлуки.

– Мы улетаем! Нам пора! А то вызовут авиацию! – позвала мама Пыхалку. Голос у неё был звучным, как труба.

– Мама, я сейчас! Подожди минутку! – крикнул дракончик.

Пыхалка подлетел к друзьям. Он был возбуждён и часто-часто дышал, высунув раздвоенный язык:

– Я буду вас навещать!

– Правда? Ты не обманываешь? – спросила кукла Оля, едва сдерживая слёзы.

– Правда-правда! – Пыхалка погладил Олю лапой по голове.

Куклавяня открыл было рот, чтобы что-то сказать, но вдруг быстро отвернулся. Ему не хотелось, чтобы кто-то видел, что он тоже порядком растроган.

Зайцы Синеус и Трувор вцепились в дракончика крохотными лапками и долго не хотели его отпускать. Несколько утешило их только обещание дракончика в следующий свой визит привезти им побольше морковки.

Кошка Дуся не отличалась большой сентиментальностью, но на прощание поцеловала Пыхалку и подарила ему красивую ленточку, которую дракончик взял в зубы.

– До встречи! Не забудь угостить маму! – Маша провела рукой по блестящей чешуе Пыхалки и сунула ему в дорогу баночку горчицы.

– До встречи! Я буду очень скучать! – крикнул Пыхалка.

И дракончик умчался вслед за мамой, часто оглядываясь и прощально помахивая хвостом. Из окна ещё долго были видны две удаляющиеся точки: одна большая, другая совсем крошечная. Но потом они растаяли вдали.

Пупс, крепившийся всё это время, не выдержал и заплакал.

– Я совсем несчастный! Остался один-одинёшенек! Бедный я, брошенный! Никто меня не любит, один только я себя люблю! Назло всем буду тут сидеть! Год, два, три не сдвинусь с места, пока Пыхалка не прилетит, – рыдал Куклаваня.

Кукла Оля, посмотрев на пупса, принялась промокать глаза кружевным передником. Зайцы подхныкивали ей в такт. Кошка Дуся тоже всхлипнула пару раз для порядка, а гном Ученичкин разрыдался так, что насквозь промочил свою записную книжку. В комнате стало так сыро, что хоть лягушек разводил.

Маша обняла своих расстроенных друзей.

– Дурачки! И совсем вы не одиноки. Вы есть у меня, я есть у вас, и так будет всегда-всегда! – сказала она.

– Правда-правда?

– Правда-правда! – подтвердила Маша. – А теперь побежали обедать!

– Спорю, я добегу первым! – крикнул Куклавяня.

Часть вторая Куклаваня и К°

Глава первая ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЫХАЛКИ

С тех пор как улетел Пыхалка, прошло около месяца. Начались каникулы. Почти все Машины подружки разъехались по дачам и домам отдыха, и она очень скучала. Погода стояла скверная. Было холодно. Целыми днями лил дождь. А под дождём не слишком-то погуляешь.

Как-то вечером Маша залезла к маме на колени и уткнулась головой в плечо:

– Мама, когда мы поедem отдыхать? Уже скоро? Ну скажи, скоро?

Мама обняла Машу.

– В начале августа. Раньше нам с папой отпуск никто не даст. Потерпи немножко.

– Но до августа ещё столько времени! Ты понимаешь, мама, – почти два месяца! – страдала Маша.

Ей стоило усилий удержаться от слёз. Провести лето в городе – это ни в какие ворота не лезет. Каникулы на дворе, а тут сиди целый день дома и смотри телевизор. Удовольствие ниже среднего. Разве что чтение книг немного её отвлекало, да и то не особенно.

Даже Куклавая не мог развеселить Машу. Пупс и сам томился. Никаких новых развлечений не придумывалось. Квартира была давно исследована. Варенье съедено. Да и вообще проказничать без дракончика оказалось не так интересно.

Как-то раз Маша, Оля и Куклавая листали книжку с картинками, зевали и смотрели, как Дуся лениво охотится. Кошка делала вялые движения лапой в сторону летавших по комнате мух, однако заметно было, что ей скучно и мухи её не радуют. Дуся умаялась от однообразия и серости городской жизни. Ей хотелось куда-нибудь в лес или на дачу.

– Просто ума не приложу, как убить время! Поссориться, что ли? Всё веселее! – Куклавая толкнул локтем куклу Олю, пытаясь её расшевелить. Но Оля только сонно покосилась на пупса и уткнулась в книжку. За окном уже который день лил дождь, и ощущение сырости было сильным даже в квартире.

– Пирожков говорит: дождь – питание для урожая. А по мне, так ничего нет тоскливее дождя. – Маша вздохнула.

После встречи с дракончиком Пирожков сильно переменялся, стал задумчивей и сблизился с Авдохиной. Авдохина поила соседа молоком из своего магазина и подкармливала сливочным маслом. От усиленного питания Пирожков поправился на пять килограммов и отзывался об Авдохиной не иначе, как с уважением. Он теперь целыми днями дежурил на балконе с театральным биноклем – ждал прилёта НЛО или, на худой случай, стайку розовых слоников.

Машу он больше не бранил за то, что она иногда шумит, и не стучал по батарее. Иногда Пирожков приглашал её в гости и показывал старые фотографии. Один из снимков поразил Машу больше всего. На нём был мальчик лет пяти в коротких штанишках, со связкой воздушных шаров. В мальчике вполне узнавался сам Пирожков. Маша и представить не могла, что её ворчливый сосед когда-то был ребёнком, любил мороженое и отламывал колёса от игрушечных грузовиков.

После того как Маша, Куклавяня и Оля поговорили о погоде, разговор, как обычно, вернулся к дракончику. В последнее время друзья часто о нём вспоминали.

– Как там Пыхалка? Что он, интересно, сейчас делает? – мечтательно проговорила Оля.

Куклавяня заёрзал на коленях у Маши, где он по обыкновению сидел:

– Вот бы Пыхалка прилетел! То-то бы мы повеселились! Помните, как он превратился в директора школы?

– А когда напугал экстрасенса? Смеху-то было! Зайчикам пришлось даже менять штанишки! – напомнила Оля.

Неожиданно форточка распахнулась. Озорной ветер ворвался в комнату, опрокинул цветочный горшок, взлохматил Маше волосы, закрутил на бельевой верёвке платья Оли и снова унёсся во двор.

Маша подняла цветок, влезла на стул, чтобы закрыть форточку, и... глазам своим не поверила.

– Смотрите: письмо! На подоконнике! Неужели ветер принёс? – воскликнула она.

Письмо выглядело загадочно – без марки, без адреса, непривычно большое. Да и написано было не на бумаге, а на розовой мягкой бересте, свёрнутой в свиток.

Куклаваня выхватил бересту из рук Маши:

– Дай сюда! Я сам прочту! – пупс зашевелил губами. – Пы-ры-гы-ны... А это что за буква? Я что-то подзабыл!

Маша забрала у него письмо и перевернула другой стороной.

– Так вот почему я не мог прочитать! Я держал его вверх тормашками. Вечно нас, грамотеев, подстерегают неприятности! – догадался Куклаваня.

Пока Маша читала, Куклаваня и Оля пытались по выражению её лица догадаться о содержании письма. Они так старались заглянуть ей в лицо, что иногда даже сталкивались лбами и мешали Маше читать. Наконец Маша подняла глаза и радостно сказала:

– Это от Пыхалки! Дракончик приглашает в гости в Сказочную страну! Завтра он прилетит вместе с мамой, чтобы нас забрать.

– Вот здорово! Мы полетим в Сказочную страну! – Куклаваня в восторге дёрнул Олю за косичку. Маша и пупс стали бегать по комнате, топтать и кричать:

– Сказочная страна! Сказочная страна!

Кукле Оле тоже хотелось путешествовать, но она не любила непродуманных решений. Вначале она основательно взвешивала все «за» и «против»:

– Со стороны дракончика очень мило нас пригласить. Но это так неожиданно. Мы пока не готовы к поездке. Отпустят ли Машу родители в Сказочную страну? Даже если отпустят, то мы не успеем собраться за один день. У нас и чемодана подходящего нет.

Но рассудительность Оли не остудила пыл Маши и Куклавани. В своём воображении они уже летели в Сказочную страну. Только мысли о маме и папе доставляли Маше некоторое беспокойство. Она не была уверена, что родители разрешат ей путешествовать одной. Маша наморщила лоб, подумала минутку, но потом тряхнула головой:

– Пыхалка пишет, что моих маму и папу он берёт на себя. Надеюсь, дракончик знает, о чём говорит. Маму не так-то просто провести.

Дуся взволнованно замякала. Она тоже хотела в Сказочную страну, потому что разуверила в мусорных московских котешках. А в Сказочной стране – кто знает? Не одни же драконы там живут. Куклаваня подбежал к Дусе и запрыгнул ей на спину:

– Эй, кошка! Ты едешь к дракошкам? Ну не странно ли, что они тебя тоже пригласили? У них что, своих Дусек нет?

Друзья уселись на диван и посмотрели друг на друга. Все испытывали такое сильное желание отправиться в путешествие, что даже кукла Оля прониклась общим нетерпением:

– В Сказочную страну так в Сказочную страну! Только нужно успеть собраться.

Зайчики и гном Ученичкин, прослышав о приглашении Пыхалки, очень обрадовались. Гном сразу положил в портфель записную книжку, измерительную линейку и маленькие счёты. А ещё Ученичкин поточил все свои карандаши на случай, если ему спешно придётся делать записи.

Куклаваня прикатил из кладовки две последние банки с вареньем и одну тут же опустошил, говоря, что у него в животе варенью будет уютнее и безопаснее, чем в холодной стеклянной банке.

Оля перестирала все свои платья и джинсы, всё перегладила, аккуратно сложила в маленький чемодан и принялась запасать в дорогу провизию. Целый день она была в такой запарке, что к ней нельзя было и сунуться.

Вечером накануне путешествия в Сказочную страну Маша подошла к маме и уткнулась ей головой в живот.

– Скажи, мама, ты бы сильно огорчилась, если бы я куда-то уехала? – спросила она самым невинным голосом.

– А куда ты собралась? – спросила мама немного озабоченно.

– Я хочу съездить в Сказочную страну, – честно призналась Маша.

Мама облегчённо вздохнула.

– Ну разве что в Сказочную страну! Это всегда пожалуйста.

Маша обрадовалась, что мама так скоро согласилась. Она убежала в свою комнату упаковываться и ждать Пыхалку.

– Бедная девочка! Как ей, должно быть, скучно в городе летом. Жаль, что у нас нет дачи, – пожалел папа, когда они с мамой остались одни.

– А кто бы с ней там сидел? Уж не твоя мама точно!.. Если бы мы чаще проводили с Машей время, ребёнку не пришлось бы выдумывать всякие волшебные страны, – согласилась мама.

Вечер перед путешествием прошёл беспокойно. Все уже мысленно были в пути и нервничали из-за малейшей задержки. С раннего утра весёлая компания сидела на чемоданах и с нетерпением поглядывала в окно. Кошка Дуся барабанила хвостом по полу, а зайчики едва сдерживались, чтобы не захныкать. Ученичкин вертел в руках портфель. Кукла Оля и Маша поспешно заканчивали последние приготовления: поливали цветы, кормили рыбок, укладывали провизию в дорогу. Куклавания набрал с собой столько багажа, что не мог сдвинуть его с места. Банку с вареньем пришлось оставить. Пупс закатил её под кровать и прикрыл старыми газетами, чтобы её не нашли и не съели, пока его не будет.

Вечером мама и папа уложили Машу спать и пожелали ей спокойной ночи. «До свиданья, мамочка! До свиданья, папочка!» – сказала Маша намного сентиментальнее, чем всегда. Обычно она ворчливо говорила: «Ну всё! Гасите свет!»

Она подождала, пока мама и папа уйдут к себе в комнату и лягут, и быстро оделась, подсвечивая себе фонариком. Пыхалка должен был появиться с минуты на минуту. В доме напротив уже погасли почти все окна. Куклавания, Оля, Ученичкин и зайцы выбрались из-под кровати, где они прятались, ожидая, пока уснут родители.

– Когда же прилетит дракончик? Я уже замучился! Может, он задержался в дороге? – изнывал от нетерпения Куклавания.

– Потерпи! Раз Пыхалка обещал, он обязательно прилетит.

Маша оказалась права. Раздался негромкий стук в окно, потом створки распахнулись, и в комнату неуклюже спрыгнул дракончик. Он немного вырос и округлился, но в общем остался прежним милым Пыхалкой.

– Давно не виделись! Я ужасно соскучился!

– И мы тоже!

Дуся бросилась дракончику на шею и лизнула его в ухо. Она была очень впечатлительная молодая киска и любила целоваться. Вслед за Дусей обниматься с Пыхалкой полезли Маша и кукла Оля.

Удивлённый Куклавания недовольно покосился на Олю:

– И эта туда же! Вот уж телячьи нежности!

Сам пупс ограничился тем, что покровительственно похлопал Пыхалку по чешуйчатому боку.

– Здорово, старина! Как твоё ничего? – спросил Куклавания.

– Что с тобой? Ты перегрелся? – удивился Пыхалка.

Куклавания смутился и отошёл. Когда с приветствиями было покончено, дракончик поинтересовался:

– Получили письмо? Готовы лететь с нами?

– Готовы. Мы ждали тебя. Но ты обещал уладить с моими родителями! – ответила Маша.

Пыхалка выпустил из ноздрей сноп искр.

– Не беспокойся! Они даже не заметят твоего отсутствия. Я всё продумал!

Он выглянул из окна и крикнул:

– Эй, Михрютка, мы здесь!

В комнату влетел ещё один дракончик, чуть поменьше Пыхалки, и застенчиво потупился. У второго дракончика были огромные жёлтые глаза.

– Это моя младшая сестра Михрютка, – покровительственно представил Пыхалка. – Правда, хорошенькая? Просто вылитая я! Она заменит тебя, Маша, пока ты будешь у нас гостить. Давай, Михрютка, работаем!

Второй дракончик замигал жёлтыми глазами и внимательно посмотрел на Машу. Мгновенье – и на месте Михрютки возникла русоволосая озорная девочка – точная копия Маши.

– Привет! Я Маша! А ты кто такая? – сказала она.

Настоящая Маша растерялась, разглядывая своё ожившее отражение. Потрясающее сходство! Так вот что придумал Пыхалка! Маша подняла к волосам руку, и Михрютка дотронулась до волос. Маша засмеялась, и Михрютка расплылась в улыбке, показав два передних кроличьих зуба.

– Родителям ни за что вас не отличить! А теперь нам пора! До Сказочной страны путь долгий! – поторопил Пыхалка.

Друзья простились с Михрюткой и вышли на балкон. Оказалось, что с Пыхалкой прилетела его мама. Огромная дракониха оказалась доброй и смешливой. Куклаваня сразу полез с ней знакомиться и заявил, что в своё время проявлял отеческую заботу о её сыне.

– Я его, можно сказать, на руках выносил! – похвалился пупс.

– Кто это со мной разговаривает? Никак не разгляжу! Попугай, что ли? – удивилась дракониха, не разглядев маленького Куклаваню.

Пупс оскорбился и принялся объяснять, что он не попугай и вообще не понимает, как можно принять его за попугая.

– Ещё как можно! Я и сама, признаться, частенько вас путаю, – обрадовала его кукла Оля.

Маша забралась на спину драконихе и взяла на руки кошку Дусю. Куклаваня, Оля, гном Ученичкин и зайцы уселись на Пыхалку. Михрютка помахала им на прощание из окна. Драконы взмыли в ночное московское небо.

Лететь было удивительно приятно. Внизу переливались огни города, разноцветные вывески, цепочки фонарей. Пыхалка и его мама пролетали высоко над домами, невидимые с земли. Ощущение полёта и счастья у Маши было острым, как никогда.

Дракончики сделали круг над Москвой и повернули на восток. Вскоре город внизу исчез. Его огни размылись в темноте. Землю заволок туман.

Маша вначале вертела головой и жадно вдыхала сладкий летний воздух. Но через час или два мерное дрожание тёплой драконьей спины укачало её. Она уснула. Но и сквозь сон Маша ощущала, что они летят. Кошка Дуся свернулась калачиком под боком у Маши. Дусе снился большой драконокот, который дарил ей букет белых роз.

Глава вторая СКАЗОЧНАЯ СТРАНА

Голубая бабочка вспорхнула Маше на нос и затрепетала шёлковыми крыльями. Маша открыла глаза и увидела, что лежит на поляне со множеством ярких цветов. Над её головой раскинули свои резные листья пальмы. Солнечные лучи струились сквозь их листву отвесными, зримыми потоками, в которых плясали разноцветные бабочки. Маша не сразу поняла, как очутилась в этом незнакомом прекрасном месте. У неё мелькнула мысль, что она всё ещё спит, а полянка ей снится и нужно лежать тихо, чтобы не спугнуть замечательный сон. Но тут Маша вспомнила о путешествии в Сказочную страну и рассмеялась:

– Так это всё на самом деле! Как здорово!

Она приподнялась на локтях. Ни Куклавани, ни Ученичкина, ни Оли, ни кошки Дуся поблизости видно не было.

– Куда они подевались? – Маша хотела их окликнуть, но тут рядом шлёпнулась кожура банана. Маша подняла голову и увидела на верхушке пальмы Куклаваню.

– Эге-гей! Хватит дрыхнуть! Залезай ко мне! Здесь полно всякой вкуснятины! – закричал пупс.

И Куклаваня сбросил Маше гроздь бананов. Гроздь была тяжёлая. Маша едва поймала её.

Маша очищала банан, когда к ней неуклюжими прыжками приблизилась Дуся. Как обычно при первом знакомстве с чем-либо, Дуся была восхищена и не находила слов, чтобы передать своё восхищение. Она каталась по траве, принималась вылизывать шерсть, догоняла свой хвост и мурлыкала весёлую песенку. Маша никогда не видела свою кошку такой счастливой.

– Тут... всё... так... ах! – только и смогла вымолвить Дуся.

Кошка посмотрела на Машу сумасшедшими глазами и опять куда-то убежала. Куклаваня швырнул в неё с дерева кожурой, но не попал и сам едва не свалился. После съеденных бананов пупс отяжелел и сползал с пальмы медленно и долго.

– Охо-хох! Не те уж нынче у меня годы... Кабы лет на пять помоложе... – вздыхал Куклаваня.

Стоит заметить, что пять лет назад пупса ещё и в задумке не было.

Маша огляделась, и дыхание у неё перехватило от восторга. Сказочная страна была прекрасна. Такого голубого неба, таких лёгких кучевых облаков и такой свежей зелёной листвы она никогда не видела. Вдали синел лес. Журчал прохладный ручеёк. Вдоль ручья росли невиданные деревья, ветви которых гнулись под тяжестью яблок, апельсинов, бананов.

Из высокой травы вынырнула кукла Оля с ромашкой за ухом. Точно впервые Маша разглядела, что глаза у Оли – голубые и яркие. В городе они такими не казались. Наверное, освещение было другое.

– Маша, Маша, – захлёб стала рассказывать Оля, – там на опушке леса – домик! Он такой забавный и, представь себе, Маша, с ножками, как у курицы!

Тут Оля увидела большую оранжевую бабочку и побежала за ней. Маша начала собирать букет, но вскоре оставила это занятие. Цветы, когда их срывали, плакали и просили не делать им больно. Маша извинилась и положила их на траву. Цветы тут же приросли корнями к земле.

Захлопали драконьи крылья. Пыхалка подлетел к Маше и, играя, легонько толкнул её головой в плечо:

– Я хотел тебя разбудить, но мама сказала, что ты должна выспаться... Выспалась? Побежали завтракать! Вообрази, мама приготовила горчичные лепёшки и сварила бочку перцового компота. А мне не разрешают садиться к столу. Говорят: зови наших гостей.

– Горчичные лепёшки? Перцовый компот? – Маша не была уверена, что это ей понравится.

Дракончик засмеялся.

– А, я и забыл, что ты острого не любишь! Ну ничего... Моя мама никого не оставит голодным.

Пыхалка отыскал в траве кошку Дусю, Олю и зайчиков. Синеус и Трувор так одурели от солнца и зелени, что тихо стояли под деревом, взявшись за лапки, и боялись даже громко дышать, чтобы чудо не пропало.

Пыхалка привёл друзей к скале на опушке леса. Скала, поросшая мхом, поднималась к самому небу. Ни единой пещеры или хотя бы щели.

– Вы тут и живёте? – удивилась Оля.

– Тут и живём! – Пыхалка наслаждался изумлением друзей и произнёс:

*Отворяй ворота
Ключиком-замочком,
Золотым платочком.*

Что-то заскрежетало. В скале повернулся громадный валун, открыв мраморные ступени. Ученичкин охнул и схватился за карандаш. Он должен был обязательно занести то, что увидел, в записную книжку. Кошка Дуся осторожно и недоверчиво потрогала скалу лапкой. Пыхалка был доволен:

– Вот и всё! Никакой двери со звонком не надо!

Маша, Ученичкин, Дуся, зайчики и Куклавания вслед за Пыхалкой стали спускаться по мраморным ступеням. В глубь горы вела широкая витая лестница, освещённая факелами. Факелы зажигались и гасли как по волшебству.

– Ишь ты! Техника на грани фантастики! – одобрил Куклавания.

Слова пупса были подхвачены и многократно повторены эхом. Ступеньки вывели в просторный зал. Такого богато убранного зала Маше прежде видеть не приходилось. Справа и слева от неё мраморными рядами выстроились высоченные белые колонны. В центре мощной струей бил фонтан. Во все стороны разлетались мелкие брызги.

У фонтана на жёрдочке сидела большая сова и недовольно шурилась:

– Это сова Фима! Она живёт у нас уже лет двести, – сказал Пыхалка.

– Ишь ты, какая совища! Можно, я её поглажу? – Маша протянула руку и ужасно удивилась, когда сова Фима отстранилась и проворчала:

– Прежде чем кого-либо трогать, девочка, вымой руки и спроси разрешения. И вообще, что за манеры? Разве тебе было бы приятно, если бы к тебе подлетели малознакомые птицы и стали тебя клевать?

– Нет, неприятно, – сказала Маша.

– Тогда сделай соответствующие выводы и заруби их там, где у тебя есть место, потому что нос у тебя совсем маленький! – сказала сова и нахохлилась.

– Не обращай на неё внимания! Она всё время ворчит. У неё характер такой. Пойдём за стол! – прошептал Пыхалка, отводя Машу в сторону.

Дракончик провёл друзей через подземный сад. В саду было сумрачно и идти приходилось на ощупь.

– Почему так темно? Что вы тут скрываете? – спросил Куклавания.

– Здесь растут самые колючие в мире кактусы, но они совершенно не выносят света. Говорят, кактусы могут исполнить заветное желание того, кто увидит, как они цветут, – объяснил Пыхалка.

– А они когда-нибудь уже цвели? – поинтересовалась кукла Оля.

– Пока нет, но кто знает, когда это случится, – серьёзно ответил Пыхалка.

Из подземного сада друзья попали в гостиную. Гостиная у дракончиков была совершенно не похожа на человеческую. Кресла и диваны в ней свободно летали по воздуху, а под потолком кружил роскошно убранный стол. Свет шёл из сотен разноцветных окошек в потолке и стенах.

– Мы живём здесь вчетвером. Дедушка, мама, Михрютка и я. Маму вы уже знаете. А это мой дедушка!

На одном из диванов, подобрав под себя лапы, лежал громадный дракон с серебристой чешуёй. Он был двухголовый, и обе его головы с интересом разглядывали Машу.

– Это мои друзья, дедушка Горыныч! – представил Пыхалка.

– Очень приятно! – недружным хором пробасили головы дедушки Горыныча и недовольно покосились друг на друга.

Как уже говорилось, у дедушки Горыныча было две головы и обе с тяжёлым характером. Когда-то в ранней юности они поссорились и до сих пор не могли помириться. Иногда их взаимоотношения заходили так далеко, что головы общались между собой не иначе, как через переводчика, которым выступал обычно Пыхалка.

– Внучек, спроси у этого ротозея, куда он засунул мои очки! – говорила тогда правая голова Горыныча, не глядя на левую.

– Скажи ему, пусть сам ищет, старый пень! – отвечала левая голова.

Иногда головы Горыныча на время мирились и принимались рассказывать о старых временах. Однако на самом интересном месте одна обязательно начинала ловить другую на неточностях и обвинять в склерозе.

- Это было, помнится, лет четыреста назад, – говорила левая.
 - Не четыреста, а двести. Тогда ещё француз приходил! – уточняла правая.
 - Француз после приходил, а тогда ты ещё жениться хотел. Теперь вспомнил, ротозей?
 - Я хотел жениться? По`лно врать-то! Это ты хотел! У тебя никогда не было вкуса!
- Головы расплёвывались и демонстративно отворачивались друг от друга.

Поздоровавшись с дедом Горынычем и мамой Пыхалки, друзья вскочили в подлетевшие кресла и взмыли к потолку. Куклаване так понравилось летать в кресле, что он носился на нём по всей гостиной и кружил вокруг стола, выхватывая самые вкусные кусочки. Оле стало стыдно за пупса, и она громким шёпотом стала делать ему замечания. Это так насмешило правую голову Горыныча, что она поперхнулась перцовым компотом.

Мама Пыхалки оказалась искусной поварихой. Кроме блюд из перца и горчицы, она приготовила ещё громадный торт. Торт у неё получился размером с книжный шкаф. И на сто человек хватит.

– Когда я готовила, то не знала точно, какой величины окажется Маша, и решила подстраховаться. Не выношу, когда гости у меня выходят из-за стола голодными. Куда мне теперь пристроить остатки торта? – спросила дракониха озабоченно.

– Остатков не будет! – заверил её Куклавания и прыгнул прямо в крем.

Пупс провалился с головой. Сладкое желе сомкнулось над ним, как тряпина. Прошло несколько секунд, и торт начал прямо на глазах оседать и вбираться вовнутрь, будто его затягивали сильнейшим пылесосом. Вскоре вся середина торта исчезла, и на блюде обнаружился торжествующий Куклавания с раздувшимся животиком. Пупс был перепачкан кремом с головы до ног, но сыт, как никогда.

– Для такого малыша у тебя сносный аппетит, – признала дракониха, поедая горчичные пирожки величиной с подушку.

Головы Горыныча чокнулись и выпили по стаканчику перцовки. У правой головы пошло хорошо. Она даже крикнула. Левая же поперхнулась, закашлялась и выпустила из уха струю пара.

Кошка Дуся тоже не осталась внакладе. Она свернулась клубком на кресле, а над её головой стайкой кружили жареные рыбки. Время от времени очередная рыбка, отделившись от стайки, ныряла прямо в рот кошке. Дуся просто млела от счастья. Чем не завтрак в постели?

Когда обед закончился, дракониха сказала Пыхалке:

– Сынок, покажи друзьям остров! И дедушку Горыныча с собой возьмите.

– Остров? Мы разве на острове? – У гнома Ученичкина от удивления слетел красный колпачок.

– Ага! На острове Буяне, в море-окияне... – подтвердил Пыхалка.

Глава третья НА ОСТРОВЕ БУЯНЕ

Дедушка Горыныч рассказал про остров Буян. А знал он немало. Записная книжка Ученичкина распухла от множества всяких сведений. Горынычу редко случалось встретить столь внимательного и благодарного слушателя. Старик разохотился, разговорился, и между его головами на время воцарился мир. Горыныч усадил гостей себе на спину и вместе с ними взмыл над островом.

Маша узнала, что Буян находится далеко в океане. Сверху он покрыт паутиной, которую плетёт волшебный шелкопряд. Пока паутина цела, Буян не видим ни с воздуха, ни с корабля. Поэтому очень немногим жителям Земли известно про этот сказочный уголок.

– Вы говорите, что Буян невидимый, но мы-то его видим! Противоречие! – заинтересовался гном Ученичкин, во всём любивший точность.

– Как, разве я не говорил? – удивился Горыныч. Его головы укоризненно посмотрели одна на другую. – Наш Буян скрыт только от взрослых, а на детей волшебство паутины не распространяется. Поэтому вы и смогли сюда попасть.

– А когда вырастем, мы сможем гостить у вас хоть иногда? – спросила Маша. Она и сама догадывалась, каким будет ответ, но всё равно огорчилась, когда Горыныч ответил:

– Буян открыт для вас, только пока вы дети.

Горыныч то спускался к самой земле, то взмывал под облака. Он облетел остров вокруг, чтобы гости смогли его рассмотреть. Дракон показал Маше Говорящий лес, Волшебную долину и Мёртвые горы.

– Имейте в виду! В Мёртвых горах живут Злыдни. Обещайте, что никогда не пойдёте туда! – предостерёг Горыныч.

Маше захотелось побольше узнать о Злыднях, но девочка почувствовала, что Горынычу неприятно об этом говорить. Упомянув об обитателях Мёртвых гор, дракон заметно помрачнел.

– У опушки леса я видела такой странный домик на цыплячьих лапках. Кто в нём живёт? – спросила кукла Оля, чтобы отвлечь Горыныча от неприятных мыслей.

– Домик на цыплячьих лапках? Ха-ха! Скажи ещё: на куриных окорочках! Это избушка на курьих ножках! – поправил Пыхалка, который летел рядом с дедушкой. – Там живёт Баба-яга. Милейшая старушенция. Я часто бываю у неё в гостях. Баба-яга добрая, хотя и любит поворчать. Давайте прямо сейчас её навестим.

Пыхалка и дедушка Горыныч спустились к избушке на курьих ножках. К покосившейся изгороди была прислонена метла. Возле метлы лежал и грелся на солнышке толстый чёрный котёнок. Дуся, как только его заприметила, быстренько умылась лапкой и кокетливо выгнула спинку.

– Здра-авствуйте! За-ачем па-жалавали! Какие у вас та-акие к нам дела? – лениво промурлыкал кот.

Заметно было, что он не прочь поболтать и ищет подходящего случая, чтобы затеять беседу.

– Это кот Мянун. А это Маша, Оля, Куклаваня, зайчики Синеус и Трувор... – сказал Пыхалка.

Но Мянун мало заинтересовался зайчиками, да и всеми остальными тоже. Он исподтишка разглядывал Дусю и, видимо, размышлял, не познакомиться ли с ней поближе.

– А э-это кто такой пушистеный? – котёнок распушил усы, встал и потянулся. Мянун был крупнее Дуси и представлял из себя котину в самом что ни на есть расцвете.

– Меня зовут Авдотья, я кошечка. Можно просто Дуся! – Дуся потупилась и стала раскапывать лапкой песочек.

– В том, что вы кошечка, я не сомневался. На собачку вы не слишком похожи, – кот Мяун потянулся и обнюхал Дусино ухо.

– Ка-акими духа-ами пользуетесь? – протянул он.

– Тройным одеколоном! – встрял Куклавяня, не любивший оставаться на втором плане.

– Здесь слиш-шжом ш-шумно! Хотите, покажу, как цветёт картошка? Она такая гламурная! – Мяун взглянул на пупса, как на пустое место, и вместе с Дусей отправился в огород.

Тем временем и сама хозяйка избушки на курьих ножках, Баба-яга, услышав голоса, выглянула в окошко:

– Чу-чу! Кто к нам пожаловал? Вот печь истоплю, дров наколю и вас съем!

Синеус и Трувор поверили и захныкали. Старушка смягчилась, пожалела зайчиков и проворчала:

– Не бойсь, мелюзга, я пошутила. Идите ко мне, я вам пряников дам. А плакать ступайте на грядки, там лук давно не поливали.

– Смотрите, что сейчас будет! – озорно прошептал дракончик Пыхалка и громко командовал: – Избушка-избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом! Встань по-старому, как мать поставила!

Избушка закудахтала, заскрипела и повернулась. С крыши слетела встревоженная ворона.

– Какой здоровский домик! Избушка-избушка! Кругом! Шагом марш! По порядку номеров домов рассчитайсь! – загорелся Куклавяня.

Но вместо того, чтобы послушаться, избушка подняла одну из курьих ног и, старательно сложив, показала пупсу шиш.

– Она у нас учёная. Своих узнаёт, – сказал Пыхалка, утешая сконфуженного пупса.

– Заходите в горницу, гости дорогие! У нас гостям всегда рады, особенно ежели они не засиживаются, – лукаво пригласила Баба-Яга.

Маша и её друзья вошли к Бабе-яге. Половину горницы занимала большая русская печь. На стенах висели пучки лечебных трав. На полочках стояли пузырьки и бутылочки с отварами от всех напастей и хворей.

– Кормить вас не буду! И так видно, что из-за стола. Особенно этот пузырь, – Баба-яга ткнула корявым пальцем в живот Куклаване.

Пупс надулся, отошёл в другой конец избушки подальше от Яги и ногтем принялся сердито ковырять побелку на печке. На лавке Куклаваня заметил корзиночку с красными яблоками, покосился на хозяйку и, незаметно стащив яблочко, откусил половину. Не успел он её проглотить, как ощутил, что с ним творится неладное. Его коротенькие ножки вытянулись, а на голове прорезались рожки.

– Караул! – хотел завопить Куклаваня, но у него вышло: – Mee! Mee!

Маша обернулась и увидела толстенького козлёнка в курточке со множеством карманов.

– Не будешь таскать яблоки без спросу! Вот возьму и оставлю тебя козлёнком! Вырастешь – козлом станешь! – проворчала Баба-яга, которая сразу во всём разобралась. Куклаваня заблеял и возмущённо затопал копытцами.

Дракончик и Маша упростили хозяйку расколдовать пупса. Против была только кукла Оля, заявившая, что, по её мнению, как козлёнок пупс гораздо симпатичнее. Баба-яга дала Куклаване другое яблоко, маленькое и кислое. Козлёнок куснул и тотчас встал на задние ножки, постепенно обретая черты прежнего Куклаваня. Только небольшой беленький хвостик остался и никак не желал исчезать. Пупс им сильно тяготился и требовал убрать хвост.

– Не всё сразу! Потерпи! Через денёк хвосток сам по себе отвалится. А будешь дёргать, так и останется, – предупредила Баба-яга.

Хоть и не хотелось Куклаване ждать, но пришлось.

Баба-яга была ворчливая, но сердце имела доброе. Она напоила Машу волшебным чаем с травами, сказав при этом:

– Выпей! Ты и сейчас красавица! Вырастешь – будешь ещё лучше! Девица на загляденье!

Гному Ученичкину старушка подарила записную книжку в сафьяновом переплёте. С виду она казалась тонкой, но страницы в ней никогда не заканчивались – пиши сколько пишется. Синеус и Трувор получили от Бабы-яги по волшебной морковке, которая не уменьшалась, хоть три дня грызи. Кукле Оле досталась кастрюлька-самоварочка. Куклаваня вначале хотел выпросить меч-кладенец, но потом ограничился открывалкой, тоже, разумеется, волшебной. У пупса регулярно случались затруднения с большими банками варенья, а эта открывалка делала всё сама. Даже банки сама разыскивала. Нужно было только трижды стукнуть ручкой об пол.

Одарив гостей, Баба-яга выпроводила их из избушки, а сама полезла на печь. Во дворе друзья встретили кошку Дусю. В страшном раздражении. Оказалось, что кот Мяун ненароком задремал на солнышке во время приватного разговора с дамой.

– Мурлыкал-мурлыкал. Лапку хотел поцеловать, а потом – раз! – захрапел! – кипятилась Дуся.

– Меня это нисколечко не удивляет! Ты, Дуська, лучшее лекарство от бессонницы, – съязвил Куклаваня, прикрыв ладошкой свой козлячий хвостик.

– Давайте играть в прытки! – предложил вдруг дракончик.

– Как это?

– А это когда одновременно играешь в салки, в прятки, в догонялки, в дразнилки и в хваталки!

Прятки оказались увлекательной игрой. День пролетел незаметно. Под конец друзья так извалялись в цветочной пыльце, что стали похожи на пчёл-переростков.

Солнце уже висело над горизонтом. Быстро смеркалось. Хорошие дни почему-то всегда заканчиваются быстро, и только скучные тянутся бесконечно. Бутоны цветов стали закрываться. Избушка Бабы-яги подобрала под себя куриные ноги и улеглась спать. Из Говорящего леса донёлся вороний грай. Мордочка у Пыхалки сделалась озабоченной:

– Пора в пещеру! Мама будет волноваться! Того и гляди появятся Злыдни! Мы должны успеть до первой звезды, иначе гора не откроется!

– Какие ещё такие Злыдни? Спорю, что я с ними в два счёта справлюсь! Они просто не знают, какой у меня удар лбом! – заявил Куклаваня.

Ни слова не говоря, дракончик ухватил пупса зубами за воротник куртки и взлетел вместе с ним. Маша с зайчиками на руках, кошка Дуся, Оля и Ученичкин едва поспевали за Пыхалкой. Они понять не могли, почему дракончик так торопится, но его волнение передалось и им. Друзья бежали со всех ног, стараясь не отстать.

Но вот и Драконья гора. Пыхалка разжал зубы, и Куклаваня шлёпнулся на траву.

– Как ты мог поступить так с великим героем, который тебя на руках выносил? – возмутился Куклаваня, вскакивая и отряхивая штанишки. Подбежали остальные. Дракончик, спеша, крикнул:

*Открывай ворота
Ключиком-замочком,
Золотым платочком!*

В скале открылся проход. Запылали факелы на стенах. Замигала жёлтыми светофорными глазами сова Фима. Пыхалка подтолкнул Машу ко входу в пещеру. Дракончик выглядел обеспокоенным. Кошка Дуся, Оля, зайчики и Ученичкин заторопились вслед за Машей. Пыхалка подхватил за шкуру недовольного Куклаваню и вместе с ним впрыгнул в пещеру. Едва они очутились на ступеньках, скала наглухо затворилась, чуть не прищемив Маше юбку. Взошла первая звезда.

– Уф! Едва не опоздали! Ещё минута – и пришлось бы ночевать в лесу. Там Злыдни нас точно схватили бы. Ночь – их время! – с облегчением выдохнул дракончик.

Глава четвёртая

ИСТОРИЯ ОБ ОСТРОВЕ БУЯНЕ И ЗЛЫДНЯХ

Я очень беспокоилась! Сынок, ну как так можно? – дракониха встретила друзей на пороге гостиной.

Пыхалка виновато потупился. Он не любил заставлять маму волноваться.

– Я уже столько раз слышала про Злыдней, а ничего о них не знаю, – не вытерпела Маша.

Дракониха помедлила, размышляя, и грустно кивнула:

– Хорошо! Я расскажу. Только зайчикам пора спать! Пойдёмте, малыши, я уложу вас в бывшую колыбельку Пыхалки.

Колыбелька оказалась немаленькой, и зайчики вдвоём уместились на подушке. Свернулись калачиками, поворочались немного и заснули. За день Синеус и Тривор так набегались, что не стали даже вымогать сказку.

– Теперь я покажу вашу комнату! – Дракониха провела Машу, Дусю, куклу Олю, Ученичкина и пупса в просторную спальню с камином, очень уютную и тёплую.

Пупс сразу отбуксировал по воздуху летающее кресло из гостиной и заявил, что ночевать будет в нём. Маша, Оля и гном Ученичкин улеглись вместе в одну великанскую кровать с настоящей пуховой периной, в которую провалились почти полностью, а кошка Дуся разлеглась у горящего камина.

Куклаваня свесил голову с летающего кресла.

– Расскажите о Злыднях! Вы обещали! Я должен знать, кого мне предстоит победить.

Дракониха невесело засмеялась.

– И думать забудь! Где тебе, карапузу, с ними тягаться?

И она поведала гостям такую историю:

«Когда-то вся Земля была такая, как остров Буян. На ней жили богатыри, цари и царевичи, короли и королевичи. Жизнь в те времена текла намного интереснее, чем теперь. Царевны превращались в лягушек, и, чтобы расколдовать их, нужно было на них жениться. В результате демографическая проблема разруливалась сама собой. Возражало только добровольное общество защиты лягушек, учреждённое семью ворчливыми ведьмами. Чудища и великаны встречались на каждом шагу. Добрые улыбчивые разбойники зарывали в землю несметные клады, только не поленись – копни лопатой раза три. Цари с удовольствием делились половинками царств и очень обижались, если кто-нибудь отказывался.

Но со временем людей становилось всё больше, а добрых приключений и сказок всё меньше. Вначале повывелись чудовища и великаны, уж очень рьяно их истребляли. Затем царевны-лягушки все как-то сразу повыскакивали замуж, а новых не появлялось – секрет волшебства был утрачен. Семь ворчливых ведьм потирали ручки. Русалок и водяных повылавливали вместе с рыбой. Большую часть кладов нашли, а остальные ушли в землю глубоко, что и не отыщешь. У всех добрых царей отобрали их царства, а злые не слишком спешили делиться своими. Молочные реки выпили. Аленькие цветочки сорвали. Земля оскудела волшебством.

Тогда-то все оставшиеся лешие, водяные, домовые, драконы, царевны, великаны и русалки переселились на остров Буян, невидимый благодаря паутине, которую плетёт день и ночь шелкопряд.

Создал шелкопряда Одинокий Волшебник, самый могущественный из добрых чародеев, живших когда-либо на земле. Одинокий Волшебник был очень стар и мудр. Он предвидел, что всем сказочным существам придётся жить на острове Буяне. И вот Одинокий Волшебник стал покровителем Сказочной страны. Почувствовав приближение смерти (а

волшебники тоже умирают), он ушёл в Мёртвые горы и поселился в крошечной пещере, где днём и ночью перелистывал страницы Книги Истины. Было это тысячу лет тому назад. С тех пор больше никто никогда его не видел.

Жизнь в Сказочной стране продолжала идти своим чередом, пока лет сто назад не разыгралась страшная буря. Невидимую паутину разодрало в клочья ветром и дождём, и, пока шелкопряд плёл новую, неожиданно появились Злыдни. Неизвестно, откуда они пришли и как выглядят. Но тёмными ночами они утаскивают тех жителей острова, кто не успеет укрыться в своих домах, которые всё больше становятся похожими на крепости. И ещё поговаривают, что Злыдни поселились где-то в Мёртвых горах».

Голос у драконихи дрогнул, будто она знала чуть больше, чем рассказала. Мама Пыхалки закончила свою историю, но никто не произнёс ни звука. Все ещё находились под впечатлением услышанного. Маше, да и не только Маше, совсем расхотелось спать. Попробуй усни, когда где-то близко рыщут таинственные Злыдни. Только Куклавяня не испугался, а, напротив, оживился:

– Я победу, то есть победу Злыдней! Подайте мне их сюда!

Пупс расхрабрился и стукнул кулачком по спинке летающего кресла. Кресло от неожиданности взбрыкнуло, и Куклавяня свалился на руки Маше. Девочка посадила героя к себе на колени и принялась расчёсывать ему спутанные рыжие кудри. Пупс вырывался, протестовал, стремился сражаться со Злыднями, но Маша не отпускала его, пока он не успокоился.

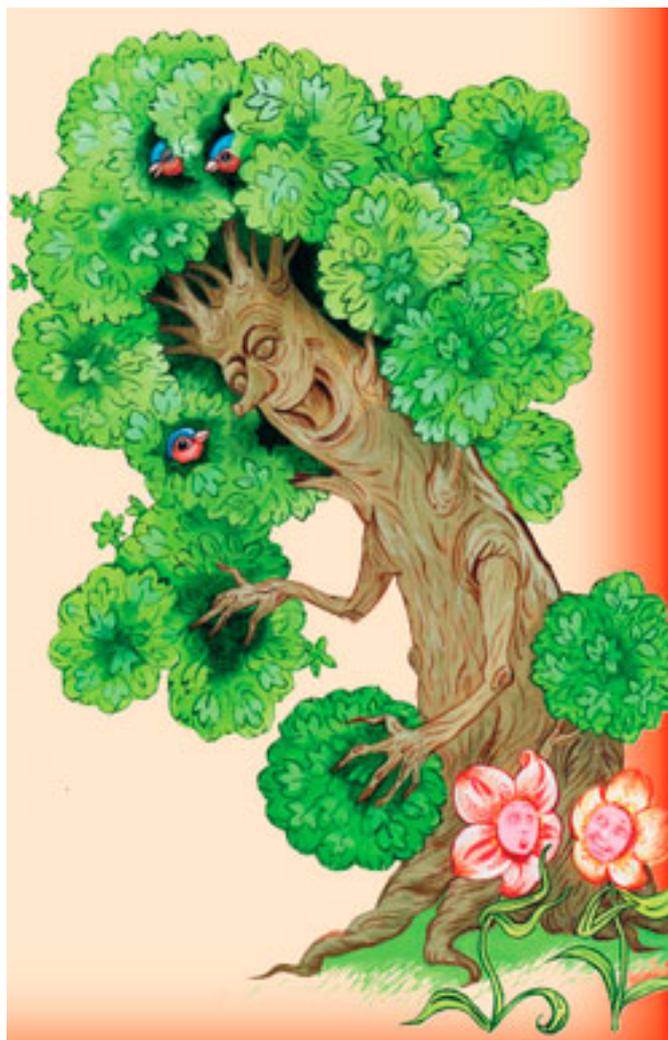
– Ложитесь-ка спать! Наговориться и завтра успеете. Завтра Пыхалка отведёт вас к Иванушке. Иванушка большой забавник, хотя и со странностями, – сказала дракониха.

Пыхалка и его мама пожелали гостям спокойной ночи и удалились. Маша поворочалась немного, представляя Злыдней то чёрными птицами, то жуткими чудовищами в капюшонах. Но вскоре усталость одолела её и она уснула.

Утром друзья проснулись свежими и хорошо выспавшимися. Первым поднялся пупс и перебудил остальных, носясь по комнате на летающем кресле и тараня всё подряд.

– Ты что, собираешься дрыхнуть до обеда? Так мы пропустим завтрак! – кричал Куклавяня, стаскивая с Маши одеяло.

После завтрака Маша, кукла Оля, пупс, Дуся и Ученичкин вместе с Пыхалкой отправились гулять по Говорящему лесу. Зайчики устали от вчерашних путешествий и остались с дедом Горынычем. Он знал много сказок и был не прочь их рассказать. Синеус и Трувор не верили своему счастью.

У Говорящего леса было множество достоинств, но имелся и серьёзный недостаток. Нужно было здороваться по отдельности с каждым деревом и кустом, иначе они обижались. День и ночь деревья сплетничали обо всём, что происходило вокруг. Стоило какой-нибудь козявочке шепнуть на ушко подружке-букашечке даже самый незначительный секрет, как он сразу становился известен всему лесу. Неудивительно, что деревья уже знали про приезд Маши и её друзей в гости к дракончику.

– Вы и есть та самая девочка, которая из Москвы? – спрашивали они.

И каждому нужно было сказать:

– Да, это я! Большое спасибо!.. Мне у вас очень нравится!

Минут через пять Маша очень устала от одинаковых вопросов и однообразных ответов и еле ворочала языком.

Одна маленькая и застенчи-вая цветочная фея обратилась к Куклаване на «вы» и назвала пупса неотразимым молодым человеком. Неизвестно, с какой целью она это сделала. Может, хотела польстить столичному гостю или просто была близорука. Куклавания страшно возгордился и до конца дня разгуливал с важным видом, выпятив животик и снисходительно кивая окружающим. Маша едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться, так потешно выглядел пупс.

Наконец они вышли на опушку леса. Дракончик показал на небольшой бревенчатый домик. На крылечке сидел его хозяин и играл на дудочке.

– Здесь живёт Иванушка-дурачок. Только вы его не называйте дурачком, а то он обидится, – прошептал Пыхалка.

Куклаваня подбежал к Иванушке и с интересом на него уставился.

– Так вы и есть Иванушка-ду... – тут пупс вспомнил о просьбе Пыхалки и замолк.

– Что ду...? Какое ещё ду...? – хитро прищурившись, спросил Иванушка, переставая играть.

На самом деле Иванушка вовсе не был дурачком, но любил поработать на публику и вообще поддержать устоявшееся мнение.

Маша поспешила выручить пупса:

– Ду...? Он имел в виду вашу дудочку. Ему понравилось, как вы играете!

– Ах, дудочку! Ну так я вам ещё сыграю! – обрадовался Иванушка – и как задудит! Музыкальная Дуся едва в обморок не упала.

Иванушка расплылся в улыбке и побежал показывать скворечник, который смастерил для певчих птиц. Он залез на крышу и постучал по скворечнику пальцем. «Кар-р! Кар-р!» – донеслось оттуда.

– Ишь ты! Поёт! Значит, дома! – обрадовался Иванушка и склонил голову набок.

Потом он пригласил гостей к себе в избу. Здесь Куклаваня сразу почувствовал себя как дома. В избушке у Иванушки был такой же беспорядок, как в ботинке у пупса. Вещи лежали кучей на столе и полу. Печь не топилась. На подоконнике цвела облезлая герань, а в стекло сонно бились мухи.

– Никак руки до уборки не доходят. С тех пор как сестрица Алёнушка пропала, всё в доме разладилось, – смущённо сказал Иванушка.

– А куда она пропала? Замуж вышла и учесала? – поинтересовался бестактный Куклаваня.

По щеке Иванушки сползла слеза:

– Злыдни её утащили. Пошла Алёнушка вечером по воду и не вернулась. Уж я искал-искал, звал-звал!

Все почувствовали себя неловко. Им стало жаль Иванушку и очень захотелось, чтобы сестрица Алёнушка и братец Иванушка никогда не разлучались, а в их избушке на опушке Говорящего леса всё сияло и цвело.

Куклавая ободряюще дёрнул Иванушку за штанину.

– Я тебе помогу. Отыщется твоя Алёнушка!

Иванушка грустно улыбнулся и погладил пупса по рыжей шевелюре.

На обратном пути все молчали. Если бы только они смогли помочь обитателям острова Буяна справиться со Злыднями! Но никто из друзей не знал, что именно нужно сделать, и потому настроение у них было неважным. Только пупс и гном Ученичкин перешёптывались. Похоже, они что-то затеяли.

Вдруг поднялся ветер, и говорящие деревья закричали:

– Страшная новость, ужасная новость! Ночью Злыдни утащили кота Мяуна!

Кошка Дуся гневно мяукнула и выгнула спину дугой:

– Это переходит всякие границы! Пусть кот и уснул на свидании, но он не заслужил, чтобы его похитили Злыдни! Я им покажу, на что способны современные московские кошки! Я их так исцарапаю! Они у меня пожалеют, что на свет родились!

Деревья услышали слова Дуси и разнесли их по всему лесу. Слух быстро обрастал всё новыми подробностями.

– Кошка бросает вызов Злыдням! Она говорит, что раздерёт их когтями! Да здравствует кошка-освободительница! Дуся бросила вызов Злыдням!.. Она говорит, что не оставит от них даже костей!

– Как неосторожно! Теперь Злыдни точно узнают и расвирепеют! – качая головой, сказал Пыхалка.

Зато каждый маленький цветок смотрел на кошку Дусю с надеждой и восхищением.

– Освободительница! Освободительница! – повторяли они.

– «Кошка-освободительница!» – передразнил Куклавая. – Это ж надо! Меня, Дуська, всегда поражало в тебе полное отсутствие скромности!

Глава пятая

ДУСЯ – КОШКА-ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦА

вечеру каждый листок в Говорящем лесу знал, что в Сказочной стране объявилась грозная и бесстрашная кошка, которая может разодрать когтями Злыдней. Цветочки кланялись при её появлении и восхищались красотой и смелостью Дуси.

– А с виду не скажешь, что она такая уж опасная! – шептали одни.

– Вы просто не видели её когтей! Они выдвигаются на четыре метра и рассекают даже дубовый ствол! – заверяли их другие.

Дуся моментально стала всеобщим кумиром. Сама кошка в глубине души считала, что заслужила все эти похвалы.

– У меня с рождения было чувство, что мне предстоит совершить нечто особенное! – говорила она.

Куклаваня завидовал успеху кошки:

– Почему меня никто не провозглашает пупсом-освободителем? Как слепа молва! Разве они не знают, что, когда за дело берётся пупс, успех бежит к нему сломя голову?

– Как бы он её не сломил, эту свою голову... – добавила Оля.

Друзья невесело рассмеялись. Они знали, что им потребуется всё их мужество, чтобы освободить Алёнушку и Мяуна. Ученичкин открыл записную книжку и приготовил карандаш:

– У кого-нибудь есть план?

Куклаваня оживился.

– Угу! Есть. Нужно подкрасться к Злыдням и наброситься на них. Раз! И дело в шляпе! Алёнушка освобождена, а Злыдни наказаны.

– Ты, пупс, посмотрелся боевиков по телевизору. Более убогого плана придумать нельзя. Подумай, что ты несёшь? «Подкрасться... наброситься!» Медведи в Говорящем лесу были посильнее тебя, и то их всех поутаскивали, – сказала рассудительная Оля.

Маша придумала кое-что получше. Она предложила сходить к Баба-яге и посоветоваться с ней, как приструнить Злыдней. Баба-яга могла дать хороший совет.

Когда они подошли к избушке на курьих ножках, старушка копалась в огороде. Она была в плохом настроении и ворчала:

– Котина пошатущий, да пропади ты совсем! Всё тебе по ночам шляться – вот и дошлялся. Сидел бы дома, целее бы был. Обормот!

Хотя Баба-яга и ругала Мяуна, заметно было, что она скучает без кота. Заметив Машу, старушка поманила её корявым пальцем:

– Слыхала-слыхала про вашу затею. Это ж надо, дураки какие! На весь лес раструбили! Теперь об этом каждая мушка знает. Кошка Дуся – освободительница! Вправду, что ль, вздумали со Злыднями воевать?

– Да, бабушка. Ты нам поможешь?

– Как я вам помогу? Я что, старушка-богатырша? Я пожилая женщина и в сраженьях не участвую! Чего вам от меня надо?

Ученичкин пылливо посмотрел на Бабу-Ягу:

– А меч-кладенец? А сапоги-скороходы? А яблочко на блюдечке с золотой каёмочкой?

– Ишь ты! Всё разнюхали! Лучше самой старухи знают, что у той в сундуке лежит, – всплеснула руками Баба-яга.

– Мы сказки читали, – пояснила кукла Оля.

– Так и быть! Помогу! – Баба-яга повела гостей в избушку и открыла сундук. Старушка долго в нём рылась и достала треснутое блюдце.

– Совсем поизносилось! Ну ничего: оно ещё свою службу сослужит!

Яга пустила по блюдцу волшебное яблоко. По доньшку сразу пошли помехи, как у расстроенного телевизора. Потом на блюдце появилось изображение неприятного гнетущего места: тяжёлые скалы, нависшие над едва заметной тропой, низкое серое небо и большая крепость с башнями и подъёмным мостом. Высоченные стены крепости, окружённой рвом с водой, поросли мхом. В окрестностях не было видно ни души.

– Как нам добраться туда? Вот бы долететь на ковре-самолёте или добежать в сапогах-сороходах! – спросила Маша.

Баба-яга усмехнулась:

– Мёртвые горы так просто не одолеешь. На них заклятие наложено. Ковёр-самолёт не пролетит, сапоги-сороходы не пройдут. Запрет этот Одинокий Волшебник наложил тысячу лет назад, чтобы его не отвлекали от серьёзных дум. Пробовала я как-то на ступе слетать. Думала, может, колдовство рассеялось. Да куда там! Словно стена не пускает ступу. Пешком идти придётся, коли надумаете. Так-то, голуби!

Баба-яга достала из сундука скатерть-самобранку и шапку-невидимку:

– Что со скатертью и с шапкой делать, вы и без меня разберётесь. Только, смотрите, не затеряйте. Они у меня единственные. Других не имеется.

– Хотите, мы вам расписочку напишем по всем правилам? – предложил Куклаваня.

– Ты вначале буквы выучи, писатель! – толкнула его локтем Оля.

Друзья поблагодарили Бабу-ягу и собрались уходить.

Перед тем как проститься с Машей, старушка быстро её перекрестила:

– Хоть я и Баба-яга, но, глядишь, поможет!

И старушка поспешно отвернулась. Она была растрогана, но считала, что Яге полагается быть нелюбезной и ворчливой.

Из избушки на курьих ножках Маша вышла, проникнутая новым чувством. Три дня назад она и представить не могла, что окажется в Сказочной стране и отважится бросить вызов Злыдням. Рядом с Машей мягко ступала кошка Дуся. Куклаваня, Ученичкин и Оля ехали верхом на дракончике. Пыхалка был серьёзен и грустен. Дракончик думал, как огорчится его мама, когда узнает, что он вместе с друзьями отправляется в крепость Злыдней.

Пыхалка подошёл к скале, где был его дом, и тихо произнёс привычное:

*Открывай ворота
Ключиком-замочком,
Золотым платочком.*

Валун отъехал в сторону, зажглись факелы. Сова Фима грустно захлопала тяжёлыми веками. Дракониша стояла у фонтана и смотрела на Пыхалку. Ему показалось, что глаза у мамы красные, или, может, это просто отсвечивают факелы?

– Мама, мы... – начал было Пыхалка, но дракониша прервала его. Она уже всё знала.

– Когда?

– Завтра утром!

Дракониша ахнула и обняла Пыхалку мягкими лапами. Подошёл дед Горыныч.

– Чего уж тут скрывать? Мы знали, что рано или поздно так случится. Существовало древнее пророчество о девочке и юном дракончике, которые освободят остров Буян от Злыдней, – сказала правая голова.

– Вы точно уверены, что не о кошке? Ничего не путаете? – подозрительно спросила Дуся.

Левая голова Горыныча улыбнулась.

– Возможно, про кошку мой брат просто забыл... Башка у него дырявая, – сказал он.

– Валишь с больной головы на здоровую! – процедила сквозь зубы левая.

Дуся утешилась.

– Завтра утром мы проводим вас до Мёртвых гор. Дальше пойдёте одни! – сказала дракониха.

– А почему про нас с Ученичкиным не сказано в пророчестве? Чем мы хуже? – возмутился Куклавяня.

Головам Горыныча вновь пришлось пускаться в дипломатию, утверждая, что про пупса и гнома в пророчестве тоже вполне могло упоминаться. Где-нибудь эдак между строк.

Всю ночь длились приготовления. Никто не спал. Синеуса и Тривора решили с собой не брать. Поход было опасным. К слову сказать, зайчики не слишком-то и рвались сразиться со Злыднями.

На рассвете Горыныч и дракониха довели Машу и её друзей до Мёртвых гор. Дальше идти они не могли из-за наложенного на всех взрослых обитателей Сказочной страны заклятия.

Мёртвые горы поражали высотой и неприступностью. Казалось, они упираются в небо. Наверх вела единственная скалистая тропинка, местами почти неприметная. Заметно было, что по ней уже давно никто не ходил.

– Какие они себе горищи отгрохали! Жалею, что я не горный козёл, – восхитился пупс.

– У тебя была возможность. Странно, что ты ею не воспользовался, – съехидничала кукла Оля.

Маша, Пыхалка, Куклавяня, Оля и Ученичкин поднимались по скалистой тропе. Дуся шла впереди. Она была самая ловкая и не боялась высоты. Пупс и Оля большую часть пути проехали на спине у дракончика. Их короткие ножки не позволяли им передвигаться достаточно быстро. Порой тропинка подводила к круче, и приходилось идти, прижимаясь спиной к скале. Невозможно было смотреть вниз: начинала кружиться голова и легко можно было сорваться. Но друзья знали, что в Сказочной стране отвага никогда не остаётся без награды. Если очень чего-нибудь хочешь, твоё желание обязательно сбудется.

Часов в одиннадцать Куклавяня стал требовать второй завтрак:

– Согласен, утром мы уже завтракали! Но у нас, культурных людей, полагается ещё и второй завтрак!

Однако друзья не стали останавливаться ради второго завтрака. Времени у них было не так уж и много. До темноты нужно было пройти как можно больше. Тогда Куклавяня решил устроить завтрак на ходу и раскинул на спине у Пыхалки скатерть-самобранку.

– Сейчас закажу варенья банок пять! И шоколаду с коврижками! – размечтался он.

Но оказалось, что скатерть готовит только национальные русские блюда, а именно: щи и кашу. В крайнем случае, пельмени.

– А если я не хочу щей? Если я хочу варенья? – возмутился Куклавяня.

Подниматься по тропинке в гору было очень утомительно. Маша, Дуся, Пыхалка и Ученичкин устали. Только Куклавяня и Оля, которые успели вздремнуть на спине у дракончика, сохраняли бодрость и настаивали на продолжении путешествия. Остальные же просто с ног валились.

Друзья вышли к ручью. Это был неглубокий быстрый ручей, журчащий по каменистому склону горы. У ручья Маша и Пыхалка устроились на отдых. Кошка и Ученичкин зашли в воду, чтобы умыться. Вдруг Дуся вскрикнула и выпрыгнула из ручья. Маша и Пыхалка подбежали к ней:

– Что случилось, Дуся?

– Смотрите! На нашем берегу ручья цветы есть, а на том нет. Здесь вода светлая, а там тёмная!

И правда, на той стороне ручья, где они стояли, зеленела трава и росли цветы, а на противоположной трава пожелтела, а цветы завяли. Там начинались земли Злыдней. Только сейчас друзья поняли, насколько опасным было затеянное ими предприятие.

– Куклаваня, тебе страшно? Мне – очень, – прошептала Маша.

– Не бойся! У нас есть суперкошка Дуся с лазерными когтями! С ней мы не пропадём... Эй, Супердуська, чего дрожишь? Держи хвост пистолетом! – насмешливо крикнул пупс.

Отдохнув, друзья переправились через ручей и ступили на землю Злыдней. День уже перевалил за полдень. Было ясно, что до ночи в пещеру драконов им не успеть. Значит, путь назад отрезан. Остаётся идти только вперёд.

– Теперь хочешь не хочешь придётся стать героями, – заявил Пыхалка.

Чем ближе подходили друзья к крепости Злыдней, тем более безжизненным становился вид. Исчезли трава, цветы и деревья. Скалы становились выше. Тропинка сужалась и под конец пропала совсем.

Незаметно наступил вечер, а до крепости Злыдней они так и не добрались. Стало ясно, что заночевать придётся в Мёртвых горах под открытым небом.

– Обожаю спать на свежем воздухе: ветерок, прохлада... И комаров нет. Это Оля у нас любит комаров, а я их просто не выношу, – бодро заявил Куклаваня.

Оля поджала губы и ничего не сказала. Пупс жутко успел надоеть ей ещё днём.

– Ночевать в Мёртвых горах! Бр-р! Ещё неизвестно, кто кого найдёт первым: мы Злыдней или они нас! – поёжился Ученичкин.

Друзья расположились на ночлег, стараясь вести себя как можно тише, чтобы не привлекать внимания. Каждый шорох в горах разносился стократным эхом, отражаясь от каменных стен ущелья. День быстро угасал. Наступила наконец минута, когда солнце и месяц встречаются на небе, а потом расходятся, как случайные знакомые, едва сказав «привет!». Холодало. Маше захотелось забраться с головой под одеяло, но одеяла-то как раз и не было.

– Самое злыдненское время! Не егози, пупсина, дай погреться! – прошептала кукла Оля, прижимаясь к Куклаване.

Дуся зябко поёжилась.

– Неплохо бы развести костёр. Прошлой ночью у камина было так хорошо... – сказала она мечтательно.

Ученичкин радостно вскочил на ноги.

– Эврика! Дуся, ты чудо! Эта мысль вертелась у меня давно, но я никак не мог её поймать! Костёр! Злыдни боятся яркого света, раз нападают ночью! Значит, нам нужно много света! Развести огонь, и как можно скорее! А то у меня неприятное ощущение, что мы здесь не одни.

– И у меня! Мне кажется, кто-то за нами наблюдает! – прошептала кукла Оля.

Друзья кинулись собирать хворост, но ничего не обнаружили. В самом деле, откуда взяться сухим палкам и веткам в горах, где не растёт ни куста, ни деревца?

– Нет дров – нет костра! Мы не можем развести огонь! Не можем отпугнуть Злыдней! – сказала Маша беспомощно.

В наступившей тишине явственно прозвучал чей-то зловещий смех.

Глава шестая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИХРЮТКИ В МОСКВЕ

Михрютка, сестрёнка Пыхалки, старалась во всём походить на настоящую девочку. Она смогла так удачно перевоплотиться, что даже ссадина на коленке у неё была там же, где и у Маши. Но одно дело внешнее сходство, удавшееся Михрютке как нельзя лучше, и совсем другое – сходство внутреннее: характер, поведение, любимые словечки – всё то, по чему родители узнают своих детей так же безошибочно, как по лицу. Об этом Михрютка, разумеется, не задумывалась, но была полна решимости сыграть роль Маши так, чтобы никто не заметил её отсутствия.

Михрютка выросла на Буяне и знала о людях исключительно по рассказам дедушки Горыныча и Бабы-яги, которые, состарившись, последние лет семьсот безвыездно жили на острове. В их представлении люди все ещё ездили на телегах и обносили города высокими стенами и рвами. Михрютка хотела увидеть, как изменились города за последнее время, тем более что Пыхалка вернулся на Буян с ворохом новых впечатлений и бесконечных историй. Она с радостью согласилась заменить Машу на время, пока девочка гостит в Сказочной стране.

Когда Пыхалка и дракониха улетели, Михрютка помахала им на прощание и решила прогуляться по городу. То, что на улице стояла ночь, её не останавливало. В комнате родителей было тихо. Слышалось только лёгкое похрапывание папы.

– Я вернусь ещё до утра! Никто и не заметит, что я отсутствовала, – пообещала себе Михрютка.

Хлопать входной дверью было опасно: родители могли проснуться, и она решила, что воспользуется окном. Если бы в ту минуту случайный прохожий поднял голову, то, возможно, увидел бы, как из окна девятого этажа вылетел блестящий в лунном свете дракончик. Коснувшись асфальта, он превратился в девочку в джинсах и белой водолазке. Михрютка засмеялась, поправила волосы и отправилась на прогулку по ночному городу.

Было тихо и пустынно. Светофоры мигали жёлтым светом. Город казался вымершим. Михрютка даже почувствовала разочарование. Никаких приключений.

Ещё раньше из окна она видела, что где-то далеко, в центре города, высвечивается прожекторами крепость с красными стенами. Михрютка не знала, что это Кремль, но красная крепость напомнила ей те неприступные города, о которых рассказывал дедушка Горыныч. Михрютке захотелось рассмотреть крепость поближе, и она направилась в сторону Красной площади.

Когда она проходила узким тёмным переулком, где не горело ни одного фонаря, к ней, шатаясь, подступил здоровенный пьяный дядька и, не разглядев в темноте девочку, попросил хриплым голосом прикурить.

– Пожалуйста! – Михрютка рада была ему помочь, но так как спичек у неё не оказалось, то она выдохнула тонкий раскалённый язык пламени в метр длиной, голубоватый на конце, как пламя автогена. Сигарета пьяного моментально прогорела до фильтра. Пьяный тупо посмотрел на Михрютку, покачнулся, извинился и побрёл прочь.

– Обращайтесь, если что! – сказала Михрютка и пошла дальше.

Чем ближе к центру города, тем оживлённее становились улицы. У гостиниц и ресторанов толпились люди. Хлопали дверцы автомобилей. Михрютка останавливалась у красивых рекламных вывесок, разглядывала подъезды театров. На острове Буяне ей никогда не приходилось встречать ничего подобного. Естественно, у маленького драконёнка разбежались глаза. В центре Москвы есть на что посмотреть.

Из одного из окон до Михрютки донеслись запахи кухни. Они будоражили и привлекали. Михрютка вспомнила, что давно ничего не ела. Девочка подошла к подъезду и толкнула дверь. Над дверью горела надпись: «Ресторан „Лукоморье“. У входа, заложив руки за спину, стоял пузатый швейцар с красным лицом и в красном пиджаке.

– Что тебе надо, девочка? – спросил он.

– Я Михрютка, то есть Маша!

– Иди отсюда, Маша. Тебе пора спать!

Михрютке это не понравилось.

– Вы не похожи на хозяина трактора. Скорее всего, вы просто сторожевой дядька, – заявила она.

Сторожевой дядька нахмурился и наклонился, чтобы выставить нежелательную посетительницу, но замер с вытаращенными глазами: девчонка исчезла.

Михрютка прошла в ресторан и, выбрав свободный столик, вновь сделалась видимой. Тотчас к ней подскочил развязный официант в русской рубашке и с салфеткой в руках.

– Ты с кем, девочка? Что тебе принести?

– Горчицы! – велела Михрютка.

– Горчицы? – удивился официант.

– Неужели у вас в трактире нет горчицы?

– У нас не трактир. У нас ресторан «Лукоморье», – поправил официант.

– И много народу вы уморили своим луком, пройдохи? Так будет горчица или нет? – поинтересовалась Михрютка.

– Ладно. Горчицы так горчицы, – официант решил подшутить и подмигнул своему напарнику. – Витя, принеси горчицы и красного перца захвати! Того, что на столе, нам мало! Но учти, девочка, у нас положено съедать всё, что заказываешь!

– Договорились, – кивнула Михрютка.

Официант усмехнулся. Если девочка хочет горчицы, она её получит. И пусть пеняет на себя.

– Вот горчица! Вот перец! Прошу! – Он подобострастно поклонился.

– Это совсем другое дело. Сразу бы так!

Михрютка отправила в рот полную ложку горчицы. Закусила красной перчиной. Облизнулась, заработала ложкой, и баночка с горчицей опустела в минуту. Официант не верил своим глазам. Лицо девочки выражало удовольствие, будто она лакомилась клубничным мороженым.

– И это всё? Добавки не будет? – спросила Михрютка разочарованно.

Официант позеленел от изумления.

– Не верю! Это не настоящая горчица! Куда они там смотрят в кухне? Я просил горчицы и перца, а мне что дали! – с этими словами официант схватил красную перчину и откусил половину.

Лицо его вытянулось. Из глаз брызнули слёзы.

– А! Горю! Помогите! – завопил он, бегая вокруг стола.

– То-то и оно. Славный перчик! Странно, что он вам не понравился, – подтвердила Михрютка.

Она бросила официанту золотую монету чеканки времён царя Гороха и вышла из ресторана «Лукоморье». Сторожевой дядька в красной куртке всё ещё сидел на своём стульчике у дверей и ошалело тряс головой. Увидев Михрютку, швейцар вскочил со стульчика и устремился к ней. Он схватил Михрютку за ворот, но неожиданно услышал грозное рычание и обнаружил, что вместо девочки вцепился в загривок здорового тигра, который рычит и хлещет хвостом. Швейцар закричал и разжал руки. Тигр развернулся, оскалился и стал готовиться к прыжку.

Швейцар уже не кричал. Он задрожал, попятился и притих, как застенчивая мышка. Смягчившись, тигр обнюхал сторожевого дядьку, полуживого от ужаса, и направился по Тверской улице в сторону Красной площади. Отойдя от ресторана, Михрютка вновь превратилась в Машу.

Когда она пришла на Красную площадь, большие часы показывали три часа.

– Ещё есть время! Можно немного погулять, – разрешила себе Михрютка.

Она взлетела на Кремлёвскую стену и стала перескакивать с зубца на зубец. К ней подскочил милиционер, дежуривший на Кремлёвской стене, и сделал замечание.

– Маленьким девочкам не положено ночью тут гулять! – сказал он.

– А ты уверен, что я тебе не снюсь? Ущипни себя! – предложила ему Михрютка.

Милиционер подумал немного и ущипнул себя за ухо. Михрютка немедленно исчезла. Мы-то знаем, что она просто стала невидимой, но милиционеру это было неизвестно. Он крайне удивился и разжаловал сам себя в младшие лейтенанты за то, что заснул на посту.

Нагулявшись вдоволь по Кремлёвской стене, Михрютка отправилась домой. Она успела как раз вовремя. Мама, пришедшая пожелать ей доброго утра, застала девочку крепко спящей в постели.

– Спит как сурок! Мне даже жаль её будить! – сказала она папе.

– И не надо. Пускай поспит. Оставь завтрак на столе. Встанет – поест... – ответил папа.

Мама озабоченно бросила в чай кусок сахара и стала смотреть, как он растворяется.

– Чего с тобой? – спросил папа.

– Да ничего хорошего!.. Мне вчера звонили из Тулы. Сестра отправила к нам Петю. Надеюсь, они не станут ссориться с Машей, как в прошлый раз. Петя приезжает сегодня в одиннадцать утра. Ты не встретишь его на вокзале?

Глава седьмая КРЕПОСТЬ ЗЛЫДНЕЙ

В темноте раскатился зловещий смех. Над головами Маши и Пыхалки пронеслись стремительные тени, обдав их резким сырým ветром.

– Мамочки, я боюсь! – Кукла Оля сжалась и закрыла глаза.

Число мелькавших теней увеличивалось. Казалось, небо вокруг заполнилось ими. В руку Маше впилось что-то острое. Девочка вскрикнула и стряхнула с себя злобный царапающийся комок.

Неожиданно тьму прорезал яркий луч. Все невольно потянулись к свету. Это Куклаваня достал из кармана фонарик и нажал на кнопку.

– Не мог же я оставить его дома? Его бы обязательно кто-нибудь стянул, – сказал пупс.

В луче фонарика на мгновение появилась оскаленная мордочка с полукруглыми ушами и прищуренными чёрными глазками.

– Летучие мыши! – догадался Пыхалка.

Оказавшись в полосе света, летучая мышь заметалась и слепо ткнулась в скалу. Зловещий смех оборвался. Несколько мышей стремительно налетели на Куклаваню, стараясь вырвать у него из рук фонарь, но Пыхалка отогнал их языком пламени. Ещё одна ослеплённая мышь врезалась в камни и упала. Остальные трусливо отлетели в сторону и притаились где-то на границе света и мрака.

Кукла Оля вздохнула с облегчением.

– Уф! Я думала, нам конец! Наверное, это и есть Злыдни.

– Нет. Летучие мыши помогают им, но они не Злыдни! – уверенно сказал Пыхалка.

Тихо подкралась Дуся. Глаза кошки светились зелёным огнём, и она была напряжена, как на охоте:

– Где Ученичкин? Минуту назад он был здесь! Ученичкин, ау!

Гномик исчез. Только на земле валялся его красный колпачок.

– Ученичкин! Где ты? Это летучие мыши! Они утащили его! Какой ужас!

Пыхалка задержал Куклаваню, который, размахивая фонариком, разгонял летучих мышей:

– Сейчас искать бесполезно. Скорее всего, гномик уже в крепости у Злыдней.

Всю ночь Куклаваня очерчивал фонариком круги, не давая летучим мышам приблизиться. Только свет и меткие струи огня, которые выпускал Пыхалка, мешали воющим от злобы мышам накинуться на друзей.

Дул ледяной ветер. В утробе скал что-то грохотало. Было холодно и жутко. Уже под утро в фонарике у Куклавани стали садиться батарейки. Луч потускнел, и было ясно, что он вот-вот погаснет. Мыши тоже это почувствовали. Фонарик слабел на глазах. Его тонкий лучик иссякал. Все прижались друг к другу, приготовившись защищаться, но тут восходящее солнце пробилось сквозь скалы.

Маша засмеялась.

– Рассвет! Ну что, вредины, получили?

Летучие мыши завывали, застонали и исчезли вместе с уходящей ночью. Быстро светало. Куклаваня выключил фонарик, хотя в этом не было необходимости: он и без того погас бы.

– Ку-ка-ре-ку! С добрым утром! – закричал Пыхалка.

– Чего ты раскудахтался, Пыхалка? Решил прикинуться курицей-несушкой? – поинтересовался Куклаваня.

Кошка Дуся разглядывала своё отражение в лужице:

– Не потускнели ли мои глазки? Не вылезла ли шерстка? Как я выгляжу?

– Вполне узнаваемо. Я однажды видел кошку, которая упала в цемент. По сравнению с ней ты красавица, – утешил её Куклаваня.

– Пупс, ты свинья! – обиделась Дуся.

– Ищешь родственников? Приятно познакомиться! – отвечал Куклаваня.

– Что я нашла! Скорее идите сюда! – воскликнула кукла Оля.

Из скалы тонкой струйкой бил родник. Там, где его брызги попадали на землю, росли трава и цветы, такие же прекрасные, как и в Волшебной долине. Кукла Оля подбежала к роднику и умылась.

– Сейчас превратишься в крокодила! Знаем мы эти роднички! – злорадно заметил пупс.

После истории с заколдованным яблочком Бабы-яги, превратившим его в козлёнка, Куклавана с подозрением относился ко всему волшебному. Но ничего плохого с Олей не случилось. Напротив, она почувствовала себя свежей и отдохнувшей. Словно и не было бессонной ночи с летучими мышами и таинственными шорохами. Её щёки зарумянились. Волосы, которые Маша в детстве неосторожно выдрала расчёской, стали гуще. Оля превратилась в такую красавицу, что глаз не оторвать. Вода в роднике была волшебной.

– Ой, Оля, как ты изменилась! – восхитилась кошка Дуся.

Оля посмотрелась в зеркальце и охнула. Чудеса, да и только! Она и прежде была хорошенькой, но теперь из зеркальца на неё глядела настоящая красавица из цикла ни в сказке сказать, ни пером описать. Даже Куклавана вынужден был это признать.

– Совсем неплохо! Вот уж от кого не ожидал! – проворчал он.

– Это родник живой воды! Мне о нём рассказывал дедушка! – крикнул дракончик.

Пыхалка разогнался и влетел в струю. И сразу его чешуя засверкала и заискрилась так, что слепило глаза.

– Ну что же вы? Идите сюда!

Дракончик плеснул хвостом и обрызгал друзей водой из родника. Через минуту все уже плескались в струе живой воды, толкались, брызгались, резвились. Только кошка Дуся мялась на берегу, не решаясь войти в воду. Дусе, конечно, очень хотелось похорошеть, но она терпеть не могла купаться. Но под конец и Дуся не выдержала. Она зажмурилась, закрыла лапой нос и прыгнула в воду. Окунувшись, Дуся быстро выскочила и посмотрелась в зеркальце. В зеркальце отразилась мокрая кошка с тоненькими лапками и отяжелевшим от воды хвостом. Сложно было определить наверняка, похорошела она или нет. Однако Дуся явно что-то заметила.

– Мяу! Мало! – она подпрыгнула и опять кинулась в родник. Куклаваня, Оля, Пыхалка и Маша уже вволю накупались, набрызгались и вышли на берег сушиться, а Дуся всё ещё не вылезала из воды и мелко-мелко дрожала.

– Вылезай – простудишься! – крикнула ей Маша.

– Н-не п-простужусь! – деревянными губами произнесла Дуся.

– Бедная мокрая кошка! Не жизнь у тебя, а сплошное мученье. Помнишь, как ты красилась перекисью в блондинку? – посочувствовал Куклаваня.

– К-красота требует жертв, – страдальчески промяукала Дуся.

– Только не человеческих! – уточнил пупс. К кошке это, впрочем, не особо и относилось.

Пыхалка посмотрел на солнце.

– Вот что: если мы хотим попасть в крепость Злыдней до заката, то нам пора выходить, – сказал он озабоченно.

Друзья засобирались. Они извлекли царапающуюся Дусю из ручья, вытерли её скатертью-самобранкой, напоили горячим чаем и продолжили путь.

Они шли по узкой тропе, петлявшей между скалами. Местами из трещин в камнях пробивался чертополох и несколько желтоватых травинок. Солнце пекло вовсю, и если бы не купание в источнике живой воды, то у путешественников легко мог случиться солнечный удар.

– Интересно, куда прячутся летучие мыши днём? – спросил Куклаваня.

– Куда-нибудь в тёмное влажное место. В пещеру, например, – сказал Пыхалка.

– Так неинтересно. Ты не должен был подсказывать. Я бы сам догадался, – расстроился пупс.

Тропинка в очередной раз круто свернула, и... путешественники вышли на поляну, которую со всех сторон окружали острые зубцы гор. В центре поляны, мрачная и замшелая, грозно возвышалась крепость, та самая, которую показало волшебное блюдечко Бабы-Яги.

– Вот она, крепость Злыдней! Отсюда ещё никто не возвращался, – тихо проговорил Пыхалка.

Пупс так и рвался в бой.

– Чего же мы ждём? Вперёд! Бросим Злыдням вызов! Я прогнал летучих мышей, прогоню и Злыдней! Где наша мокрая кошка-освободительница? Что-то я не вижу воодушевления в её глазах!

Куклавания хотел шагнуть с тропинки на поляну, но дракончик удержал его зубами за рукав куртки:

– Подожди! Здесь везде капканы, а под каждым камнем – волчья яма с кольями.

– Ишь ты! Просто как мои противогостевые ловушечки! – умилился Куклавания.

Маша обвела взглядом поляну.

– Сами же Злыдни как-то проходят, – сказала она.

– У меня идея, – предложила кукла Оля. – Пусть Пыхалка посмотрит на лужайку сверху. В том месте, где часто ходят, трава должна быть примята!

Дракончик заработал крылышками и поднялся над поляной.

– Я нашёл тропинку. Идите за мной, но не отступайте в сторону ни на шаг, – крикнул он.

– Молодец, Пыхалка! Ты чудо! Любая красавица, даже первая в мире, будет счастлива поцеловать тебя, – кошка Дуся подбежала к Пыхалке.

Куклавания вклинился между кошкой и дракончиком.

– Уж лучше он поцелуется с носорогом. Правда же, Пыхалка, ты лучше поцелуешься с носорогом, чем с Дусей? – спросил он.

– Мне, в общем-то, всё равно, – ответил засмутившийся Пыхалка.

Вытянувшись цепочкой, друзья осторожно двинулись вслед за дракончиком по едва приметной тропинке. Кое-где земля осыпалась. Видны были острые колья волчьих ям. Маша неосторожно заглянула в тёмное нутро одной такой ямы, и внезапно нога у неё поехала на мокрой траве.

– Ой, держите меня! – закричала она.

Глава восьмая УКРОЩЕНИЕ ВРЕДНОГО МАЛЬЧИШКИ

ихрютка отбросила одеяло так, что оно закачалось на люстре, и вскочила с кровати. Хорошо ещё, что мама, зашедшая к ней утром, не заметила главного: Михрютка лежала под одеялом в джинсах и кроссовках.

– Ну, пора! Главное, не забыть: я маленькая девочка! – сказала себе Михрютка и отправилась на кухню.

– Доброе утро, Маша! Хорошо выспалась? – сказали мама и папа.

– Это я и сама знаю. Чем ещё похвастаемся? – буркнула Михрютка.

Папа и мама с удивлением посмотрели на неё и рассмеялись:

– Хорошо, что ты уже не хандришь! Мы хотим тебя обрадовать: сегодня приезжает Петя, твой двоюродный брат.

– Я рада. А когда он уезжает? Скоро?

От Пыхалки Михрютка слышала о противном мальчике Пете, который досаждал Маше и обижал кошку.

– Не ссорься с Петей! Помни, что он у тебя в гостях, – сказала мама.

– Я-то не забуду. Интересно, а Петя будет помнить, что он у меня в гостях? – проворчала Михрютка.

К счастью, родители торопились и слушали дочь не слишком внимательно. Иначе они заметили бы значительные перемены в характере своей дочери.

Папа заехал на вокзал и привёз Петю. В поезде Петя ехал один. Родители отправили его одного при условии, что в Москве Петню встретят. Пете было десять лет. Это был тощий узкоплечий мальчик, раздражительный и задиристый. На Михрютку, или, как он думал, на Машу, Петя смотрел как на пустое место. Ещё бы! Младше его на целых три года и к тому же девчонка!

– Привет, мелюзга! Где моя комната? – бросил Петя, едва переступив порог.

С минуту Михрютка молча разглядывала его. На лице у неё было написано крайнее любопытство.

– Так ты и есть Петя? Ну-ну!.. Скажи, Петя, ты когда-нибудь моешь голову? Можешь не отвечать. Я и так вижу, что нет.

Петя вытаращил глаза. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали.

– Ах ты мелочь с косичкой! Скажи спасибо, что я сегодня добрый!

Михрютка очень удивилась.

– Вот как! Так, значит, ты ещё бываешь и злым? Кто бы мог поверить! У тебя такой невинный младенческий вид!

Глаза Пети округлились. Как, какая-то восьмилетняя мелюзга смеет называть его, десятилетнего Петю, младенцем! Ну сейчас он её научит себя вести!

– Ну как? Рады встрече? Вдвоём вам будет веселее!

Папа заглянул в комнату. В его присутствии лицо у Пети моментально стало заискивающим. Он всегда был хитрым мальчиком. Но стоило родителям отвернуться, как Петя начал щипаться, выкручивать руки или толкаться. А потом стоял с таким невинным видом, что невозможно было представить, что он на такое способен.

Вот и сейчас Петя подождал, пока взрослые уйдут на работу, и решил проучить Машу. Петя придумал запереть её в кладовке: «Пускай посидит там до вечера! Научится себя вести!»

Чтобы заманить Михрютку в кладовку, Петя пошёл на хитрость:

– Маша! Прости, что я тебя дразнил. Давай мириться!

– Давай! Хотя мы, в общем, и не ссорились, – легко согласилась Михрютка.

Она была отходчивым драконёнком и легко прощала обиды. «Может, Петя не такой уж и плохой? С прошлого раза он вполне мог исправиться», – решила она.

– Ты мне не покажешь квартиру? Где у вас кладовка? – продолжал осуществлять свой коварный план Петя.

Михрютка всегда была рада помочь. Она привела Петю к кладовке.

– А что там внутри? Только ты первая заходи. А то я ещё споткнусь обо что-нибудь, – Петя пропустил Михрютку вперёд.

– Пожалуйста!

Едва Михрютка сделала шаг, как Петя навалился на дверь и запер её на задвижку.

– Ха-ха! Вот и торчи там до вечера! Неужели ты думала, я на самом деле собрался с тобой дружить, козьявка? – пакостно засмеялся он.

Из кладовки не донеслось ни звука. Пете это не понравилось.

– Ты слышишь, Машка? Я тебя не выпущу! А сам набезобразничаю в твоей комнате, всё порву и скажу – это ты! – повысил голос Петя.

И снова ему никто не ответил. Похоже было, что он разговаривает сам с собой и сам себе угрожает. Пете стало досадно, и он заглянул в кладовку, чтобы посмотреть, чем занимается эта козявка и почему она молчит. То, что он увидел, поразило его. Кладовка была пуста.

– Куда она делась? И спрятаться некуда! – поразился Петя.

Он вошёл в кладовку, обшарил все углы, но не нашёл ничего, даже отдалённо напоминающего маленькую девочку. Ещё больше Петя изумился, когда дверь кладовки вдруг захлопнулась перед его носом. Он толкнул её раз-другой: ничего не выходит – заперто. Петя понял, что его одурачили. «Но как Машке это удалось? Куда она спряталась?»

Конечно, вы уже догадались, что Михрютка сделалась невидимой и тихо прошмыгнула мимо Пети, пока он искал её.

– Выпусти меня немедленно! Я тебя вздую! – требовал Петя и стучал кулаками в дверь.

– Тогда какой смысл мне тебя выпускать, если ты меня вздуешь? – хладнокровно спрашивала Михрютка.

– Открой сейчас же! Или пожалеешь!

– Уже жалею!

– Открой!

– Как бы не так!

– Открой, кому говорят!!!

– Обещай, что не станешь пакостничать!

– Я тебе все косы оторву! – кричал Петя.

– У тебя есть время до вечера, чтобы передумать, – спокойно сказала Михрютка, поворачиваясь, чтобы уйти.

Тут Петя опомнился и схитрил.

– Обещаю, обещаю! Не стану пакостничать! – торопливо крикнул он.

Когда Михрютка открыла дверь, Петя выскочил из кладовки красный и злой. Он схватил с подоконника домик куклы Оли и принялся отковыривать у него трубу. Петя хотел довести Машу до слёз, а ничто так не обижало девочку, как попытки испортить её игрушки. Обычно Маша пыталась остановить Петю, а он бегал по комнате и дразнил её.

Но сейчас Маша, с точки зрения Пети, повела себя необычно. Она не стала вырывать кукольный домик у Пети из рук или хныкать. Ни слова не говоря, Михрютка подошла к Пете, подняла его за пояс и посадила на шкаф. Всё было проделано чётко и быстро. Петя даже удивиться не успел. Он решил, будто оказался на шкафу случайно, может быть, даже сам влез на него незаметно для себя. Он спрыгнул со шкафа и ринулся на Михрютку. Со своими ровесниками-мальчишками и тем более с теми, кто постарше, Петя никогда не дрался, опасаясь получить сдачи, но младших всегда обижал с преогромным удовольствием.

– Сейчас ты у меня схлопочешь!

Петя подбежал к Михрютке и хотел схватить её, но вдруг... Петя глазам своим не поверил. На месте Михрютки оказался дракон в серебристой чешуе. Петя замер с открытым ртом и едва не упал в обморок.

– Мамашки! Спасите! – закричал он и бросился наутёк, но зацепился ногой за порог и растянулся во весь рост.

Со страхом Петя смотрел, как дракон приблизился к нему и выпустил струю пламени.

– М-маша, эт-то т-ты? – едва выговорил Петя.

– А то кто же! Обещай, что никогда не будешь обижать девочек! Помни, что любая может превратиться в дракона, как и я!

– Н-не верю! – упрямылся Петя.

– Тогда я откушу тебе голову! – Дракончик открыл пасть с треугольными зубами. Его острые, как ножи, клыки клацнули около Петиного уха.

– Теперь верю, верю! Теперь верю! Никогда больше не стану обижать девочек! – закричал Петя.

– Клянёшься?

– Клянусь!

– Ну смотри у меня!!!

И Петя в самом деле больше не обидел ни одной девочки. Бывало, ему очень хотелось это сделать, но он вспоминал огнедышащего дракона и вместо того, чтобы стукнуть девочку, заискивающе бормотал:

– Давай я понесу твои учебники!

Глава девятая ЛАБИРИНТЫ

Маша поскользнулась на мокрой траве и едва не упала в чёрную пасть волчьей ямы с острыми кольями на дне. По счастью, дракончик успел ухватить её зубами за платье.

– Пыхалка, ты меня спас! – Маша обняла Пыхалку за шею.

Дракончик сиял от гордости.

– Пустяки! Я готов спасать тебя хоть каждый день!

Маша задумалась.

– Нет, лучше не каждый, – сказала она.

Путешественники приблизились к воротам крепости, но тут дорогу им преградил ров. Посреди рва квакала лягушка.

– Царевна, а царевна! Можно вас на минуточку? Не могли бы вы подсказать, как перебраться на другую сторону? – окликнула Дуся.

Лягушка посмотрела на Дусю выпуклыми глазами и нырнула в тину. Кошка поняла, что обозналась.

– Фу! Я думала, все лягушки – заколдованные царевны, – разочарованно протянула Дуся.

Друзья не знали, как переправиться через болото к крепости и опустить на ржавой цепи подъёмный мост. Поперёк рва лежало сухое дерево. Чтобы решиться ступить на него и пройти над болотом, требовалось немалое мужество.

Дуся дотронулась до ствола лапой, проверяя, насколько он надёжен. Потом аккуратно перешла ров, прыгнула на старое зубчатое колесо подъёмного моста и повисла на нём всей тяжестью. У кошки было довольно отваги, но силёнок, чтобы сдвинуть колесо с места, ей явно не доставало. Дусе на помощь пришёл Пыхалка. Он перелетел через ров и встал рядом с Дусей.

- А раньше нельзя было догадаться? – язвительно спросила кошка.
- Меня учили пропускать даму вперед, – ответил дракончик.
- А если бы я свалилась в болото?
- Не беспокойся, я уверен, что вытащил бы тебя, – успокоил её Пыхалка.

Дуся и дракончик навалились на колесо подъемного моста. Ржавая цепь скрипнула, мост начал опускаться.

Друзья подошли к воротам крепости. Куклаваня пристроился на руках у Маши и оттуда оглядывал местность. Кукла Оля восседала на спине у дракончика и с любопытством крутила головой:

- Вот она, крепость Злыдней!
- Ты это в сотый раз повторяешь. Можно подумать, мы считаем, что пришли в музыкальную школу, – сказал Куклаваня.

Шутка не задалась. Никто не рассмеялся, и пупс назло всем стал смеяться сам и смеялся около минуты с крайне сердитым видом.

Решившись, Маша ступила за ворота. Внутренний двор крепости выглядел необитаемым. Пахло сыростью и чем-то затхлым, как в старых подвалах. Похоже, город был покинут в большой спешке. Во дворе крепости валялись в беспорядке полусгнившие остовы телег, лошадиные кости и ржавые рыцарские доспехи. Друзья с трепетом смотрели на остатки былого величия.

– А з-здесь з-забавненько! – Куклавания потеснее прижался к Маше.

Неожиданно раздался скрежет. Ворота захлопнулись, путь назад был отрезан.

– Мне страшно! – задрожала кукла Оля.

Пыхалка оглядел замшелые крепостные стены.

– Всем страшно. Мы должны найти вход в подземные лабиринты. Наверное, там Злыдни прячут Ученичкина, кота Мяуна и Алёнушку.

– Какую Алёнушку? – спросила Дуся.

– Алёнушку Прекрасную, сестру Иванушки, племянницу Василисы Прекрасной! Ты что, забыла?

– Прекрасную! – завистливо повторила Дуся. – Неужели её так все и называют Прекрасной? Какая у неё нескромная фамилия! Я бы, например, не хотела, чтобы меня называли Евдокией Прекрасной! И не уговаривайте! Нет, нет и ещё раз нет! – И Дуся огляделась, проверяя, не собирается ли кто-нибудь её уговаривать.

– Постой, Пыхалка, почему ты думаешь, что чудовища живут в лабиринтах, а не в крепости? – удивилась Маша.

– Злыдни не переносят дневного света! Здесь же, под землёй, целый каменный город. Мне дедушка рассказывал. Потайные дороги пронизывают не только Мёртвые горы, но и почти весь остров Буян. Как иначе удавалось бы Злыдням незамеченными проникать по ночам в Сказочную страну? – пояснил Пыхалка.

Путешественники двинулись вдоль крепостной стены. Они продирались сквозь колючий кустарник, которым зарос покинутый город. Неожиданно Маша увидела в стене дубовую дверь. К ней вела едва заметная тропинка. Не успела Маша прикоснуться к двери, как она распахнулась, словно приглашая войти.

– Фигушки! Мы и двух шагов не пройдем, а дверь – хлоп! – и мы в западне! – заявил Куклавания.

Но любопытство оказалось сильнее. Друзья поддались искушению узнать, что скрывается во тьме. Ступенек было так много, что лестница казалась бесконечной. Свет еле пробивался сквозь крошечные оконца. С каменных сводов капала вода.

– Как мне надоели эти ступеньки! У меня уже весь лак с коготков слез! – пожаловалась кошка Дуся.

Но вот друзья оказались в начале мрачного, многократно ветвящегося коридора. Влажные стены заливал странный зеленоватый свет. Присмотревшись, Маша увидела множество крошечных светлячков, копошившихся в щелях между камнями.

Путешественники сделали с десяток шагов и в нерешительности остановились, не зная, куда идти дальше. Коридоры пересекались, путались, и многие из них явно заканчивались тупиками.

– Отсюда и за тысячу лет не выберешься! Вот ужас! – жалобно промяукала Дуся.

Маша успокаивающе погладила кошку.

– Я как-то читала книжку про лабиринты. Там автор рассказывает, что делать, если вы попали в такую ситуацию.

– И что же? – с надеждой спросила Дуся.

– Автор пишет что-то типа того: «Дорогой читатель! Выбраться из лабиринта невозможно, поэтому лучше туда не забираться», – вспомнила Маша.

Куклавания хлопнул в ладоши:

– Ерунда! Доверьтесь мне! Раз, два, три, четыре, пять, мы идём во тьме плутать! Главный закон лабиринтников: если хочешь попасть туда, куда тебе нужно, иди совсем в другое место.

– Ты ещё объявление напиши: «Смертельные прогулки по лабиринтам. Экскурсовод Куклавания Сусанин». Я с тобой не пойду, пупсина! Лучше я здесь посижу, а пока приготовлю обед, – кукла Оля расстелила скатерть-самобранку.

– Ну и не надо! Нам же лучше! На нашу долю подвигов больше достанется!

Куклавания махнул ручкой и решительно шагнул в первый же коридор. Дуся, Пыхалка и Маша двинулись за пупсом, смутно надеясь, что он в самом деле что-то смыслит в лабиринтах. Оля примостилась на крошечной табуретке, которую всюду носила с собой, и стала ждать. Примерно через час она услышала приближающиеся шаги. Из дальнего коридорчика вышел Куклавания и протопал вперёд, не замечая Олю. За Куклаванией доверчиво следовали Маша, Дуся и Пыхалка.

– Эй! Куда это вы собрались? – крикнула Оля.

Маша обернулась и увидела куклу Олю, которая, подперев голову руками, спокойно сидела на табуретке и ела пирожок.

– Как ты сюда забрела? Ты же не пошла с нами? – удивилась Маша.

– Никуда я не забредала. Я вас здесь ждала. Я слишком хорошо знаю вашего вожака, чтобы допустить, что он вас хоть куда-нибудь выведет, – Оля ткнула пальцем в сторону пупса.

– В мои расчёты вкралась ошибочка! – запротестовал Куклавания. – Мы должны были повернуть в седьмой тоннель после девятого поворота, а повернули в девятый тоннель после четырнадцатого поворота. Ура! Вперёд! На штурм лабиринта!

Он побежал по коридорчику, но, обернувшись, увидел, что остался в одиночестве. Куклавания накуксился, затопал, но всё же вернулся к друзьям.

– Эй ты, подвинься! – Пупс толкнул Олю и уселся на край её табуретки.

Дракончик Пыхалка разочарованно оглядел коридоры лабиринта и сдул с лапы не в меру шустрого светлячка:

– Что будем делать? Нам обязательно нужно найти Злыдней, пока не наступила ночь.

– Почему? – удивилась Маша.

– Потому что ночью Злыдни нас сами найдут, – объяснил Пыхалка.

Маше стало жутко.

– Ты, Пыхалка, умеешь успокоить! – сказала она.

Дуся брезгливо мяукнула и почесала лапкой живот.

– Чего чешешься? Блохи? – оживился Куклавяня.

– Почему блохи? Светлячки! – обиделась Дуся.

– А... – разочаровался пупс. – Ну да ничего! Сперва сами обживутся, а потом и блох в гости пригласят.

Куклавяне стало зябко. Он спрятал руки в карманы и неожиданно нашарил небольшую картонную коробку.

– Спички! Кто бы мог подумать! А я думал: потерял! Давненько я не забредал в этот кармашек!

Куклавяня чиркнул спичкой, и в подземелье замка Злыдней вспыхнул маленький огонёк. Маша, Пыхалка и кукла Оля как зачарованные смотрели на крошечное живое пламя. Они заметили, что огонёк всё время отклоняется в сторону одного из коридоров, самого невзрачного на вид. Сюда они свернули бы в последнюю очередь.

Пыхалка торопливо замахал крыльями.

– Я понял! Сквозняк! Он укажет нам выход из лабиринта. Нужно идти, куда отклоняется пламя! – крикнул он.

Пупс отбросил догоревшую спичку.

– Опять хорошая идея пришла в голову не мне! Что-то у меня сегодня с головой не ладится! – пожаловался он.

– Только сегодня? Ха-ха! Наверное, вата отсырела! – предположила Оля.

Глава десятая МИХРЮТКА У АВДОХИНОЙ

После того как его укротили, Петя сильно переменялся. Это был уже не прежний пакостный и драчливый мальчишка, а мальчишка хорошо выдрессированный.

Поначалу Петя попытался пожаловаться родителям на Машу. Он рассказал, что она посадила его на шкаф, а потом превратилась в огнедышащего дракона. Папа и мама выслушали Петю сочувственно.

– Никогда не думал, что Петя – такой... э-э... впечатлительный мальчик. Среди родственников с твоей стороны попадаются порой довольно странные, – сказал папа, когда они с мамой остались одни.

Мама кивнула.

– Это возрастное. Пете нужно чаще бывать на свежем воздухе. Тогда ему перестанут мерещиться дракончики.

Погостив несколько дней в Москве, Петя уехал в Тулу. Причём на сей раз он отправился домой с большим удовольствием. Михрютка проводила его до дверей.

– Всего хорошего, Петя! Приезжай ещё! – сказала она.

– Не дождётся! – сказал Петя мрачно.

Он кисло посмотрел на Михрютку и вслед за папой полез в лифт.

После его отъезда Михрютка смогла продолжить ночные прогулки по Москве, а днём не без успеха разыгрывала роль Маши. Но как-то вечером родители пришли с работы обеспокоенные.

– Знаешь, доченька, мы с папой должны поехать на конференцию в Петербург. Через пару дней мы вернёмся и привезём подарки, – сказала мама.

– А я с кем останусь? Бабушка же в Крыму, в санатории! – Михрютка достаточно вошла в роль маленькой девочки и знала, что нужно спрашивать в таких случаях.

Мама прижала её к себе и поцеловала:

– Мы попросили Авдохину присмотреть за тобой. Антонина Петровна – славная женщина. Он не отказала.

– А она меня не растерзает? – спросила Михрютка.

Она вспомнила, что ей рассказывал об Авдохиной Пыхалка.

– Не думаю, что растерзает, – успокоил Михрютку папа. Абсолютной уверенности в его голосе, однако, не было.

Тут раздался звонок в дверь. Это пришла Авдохина. На лице у неё было написано столько рвения, что Михрютка даже испугалась. В руках у Авдохиной была сумка с биокефиром, сыром, творогом, майонезом и яйцами, которых хватило бы, чтобы накормить десяток голодных культуристов.

– Дитю надо хорошо питаться! Что-то оно у вас больно тощее!.. Ну ничего, мы это исправим! – Авдохина ущипнула Михрютку за щёку сухими жилистыми пальцами. Михрютка показала Авдохиной язык.

– Это ещё что за фокусы? – рассердилась Авдохина.

Мама умоляюще взяла дочь за руку.

– Простите её! Маша к вам ещё не привыкла, Антонина Петровна! Она послушная девочка и не доставит вам хлопот. Мы постараемся вернуться поскорее. Большое спасибо, что вы согласились остаться с ребёнком.

Михрютка нахмурилась и дёрнула маму за руку.

– Не обзывай меня ребёнком! Я же не обзываю тебя взрослой тёткой! – сказала она.

Мама с папой собрались в рекордные сроки. Они опасались, что, увидев, какая у них вежливая дочь, Авдохина передумает с ней оставаться.

– Обещай мне быть послушной! – попросил папа, когда они с мамой стояли уже на пороге.

– Я буду послушной до жути! – многозначительно пообещала Михрютка. И надо признать, она выполнила своё обещание.

Едва за родителями захлопнулась дверь, как усердная Авдохина приступила к выполнению добровольно принятых обязанностей по воспитанию ребёнка. Авдохина никогда не была замужем и не имела детей, но зато у неё были свои взгляды на то, что можно ребёнку и чего нельзя. Более того: Авдохину прямо-таки распирало от ответственности.

Она усадила Михрютку на стул, дала ей по пакету кефира в каждую руку и строго-настрого наказала:

– К окну не подходить – вывалишься! Со спичками не играть – сгоришь! Из незнакомых пузырьков не пить – отравишься! В ванной не нырять – утонешь!

– Ну прямо ничего нельзя! А что можно? – спросила Михрютка.

– Можно сидеть на стуле и пить биокефир! – сказала Авдохина.

– А я не захлебнусь? – с тревогой спросила Михрютка.

– Захлебнёшься – откачаем!

Успокоив таким образом Михрютку, Авдохина вздохнула и с чувством выполненного долга отправилась на кухню хлопотать дверцами холодильника.

– Ай-ай-ай! – донёсся её возмущённый голос. – Бедные вы мои! Никаких молочных продуктов! И зачем вам столько горчицы? Хоть вы меня расстреляйте, а я эту дрянь выброшу!

Михрютка вздохнула. Она подумала, что Авдохина скорее сама всех расстреляет. После кухонной ревизии Авдохина обошла комнаты и нашла, что они захламлены.

– Как можно воспитывать ребёнка в таких условиях! Родители, называется! А если этот старый телевизор со шкафа упадёт дитю на голову?

– Это монитор. Вы не беспокойтесь, он почти даже и не разбился! – отмахнулась Михрютка.

Авдохина всплеснула руками:

– Нет, нет и нет! Мы не можем оставаться в этой квартире! Поживёшь у меня. Хоть три дня проведёшь в нормальных условиях! У вас совершенно антипедагогическая обстановка.

– Какая-какая обстановка? – переспросила Михрютка, любившая узнавать новые слова.

– Самый настоящий бедлам!

Чем дальше, тем непонятнее. Михрютка не стала переспрашивать, боясь запутаться ещё больше.

– У вас, кажется, была кошка. Как там её? Дуся? Буся, Гуся? Где она? Её тоже нужно взять, – Авдохина заглянула под кровать.

Михрютка озадачилась. Ей с большим трудом удавалось скрывать от родителей Маши отсутствие Дуси, и то благодаря замечательной способности драконов превращаться. Она и не предполагала, что Авдохина вспомнит о кошке.

– Тося, Пуся! Кыс-кыс-кыс! – загудела басом Авдохина, заглядывая под кровать. – Кыс-кыс! Иди сюда, Люся!

– Она в соседней комнате. Я её сейчас найду, – Михрютка выскочила в коридор, а через секунду в комнату вошла кошка.

– Мяу! Мяу!

– А, вот ты где! Иди сюда, домашнее животное! – Авдохина нагнулась, схватила кошку и сунула её под мышку.

– Животное я поймала! Теперь остался ребёнок. Где ты, ребёнок? – позвала она.

Кошка озабоченно замыкала и стала вырываться. Ведь Михрютка не могла одновременно быть и Дусей, и девочкой. Не отпуская кошку, Авдохина отправилась по комнатам в поисках Маши.

– Куда запропастилась эта девчонка? В прятки играть вздумала? В наше время дети были совсем другими. Послушными, порядочными, ответственными! – ворчала она.

И Авдохина с удовольствием вспомнила своё детство. Как она и шесть её сестричек смирененько сидели на табуреточках, а мама читала им вслух кулинарную книгу. То-то было время! Авдохина ностальгически высморкалась.

– Где ты, Маша? Уж не выпала ли ты в окно, непослушная девчонка? – предположила Авдохина и испуганно подбежала к окну.

Михрютка поняла, что ей нужно срочно что-то предпринять. Пока Авдохина будет держать кошку, никакой Маши она не найдёт.

– Мяу!!! Мяу!!! – взвыла кошка и, оцарапав соседку, вырвалась из рук.

– Безобразия! Непослушные кошки! Непослушные девочки! – всплеснула руками Авдохина. Она кинулась было за кошкой, но тут дверь открылась и вошла Михрютка.

– Вы меня звали?

– Где ты была? Я тебя обыскала! – набросилась на девочку Авдохина.

– На кухне.

– Неправда, я на кухне смотрела. Не смей мне врать!

Михрютка хихикнула.

– Ну хорошо, я была в туалете. Не могла же я кричать оттуда. Это было бы нарушением приличий.

Авдохина успокоилась.

– А где кошка? Спряталась? – спросила она.

– Теперь её не поймаешь. Может, оставим её здесь? – предложила Михрютка, виновато разглядывая царапины на руке Авдохиной.

– Ладно, налей ей молока. Всё равно за вами двоими мне не уследить, – уступила соседка.

Она твёрдо взяла Машу за руку и потянула за собой. В однокомнатной квартире Авдохиной всё сияло и блестело. На спинках стульев ничего не висело. На кухонном столе не было ни крошки, раковина сверкала. Всё носило отпечаток прижизненной музейности. Каждая вещь была на своём месте и словно кричала: «Не трогай меня! Не пачкай меня!»

Михрютка оцепенела, боясь сделать хотя бы шаг и нарушить устоявшийся окаменевший порядок. Потом она всё-таки пришла в себя и попыталась присесть на диван, застеленный красным покрывалом с золотыми рыбками.

– Не вздумай! Помнѣшь! – испугалась Авдохина. – Неужели нельзя посидеть на стуле? Пошли лучше, я тебя накормлю!

– Я же уже пила кефир!

– Это не считается!

На кухне Авдохина нацепила на Михрютку фартук и поставила перед ней глубокую тарелку с молочным супом. Сделав это, Авдохина уселась напротив, подперла голову руками и стала неотрывно смотреть на девочку. Она явно собралась ждать, пока Михрютка закончит есть.

– Так и знай! Пока всё не съешь – не встанешь из-за стола, – предупредила она.

– Но почему?

– Потому что! Тебе нужно расти!

– А что, от молочного супа растут? – удивилась Михрютка. – Вот уж не подумала бы.

Он такой противный!

– Ешь и не рассуждай! – строго сказала Авдохина. – Помни, когда я ем, я глух и нем!

Будешь много кушать – вырастешь! А то смотреть противно: тощая и зелёная.

– Хорошо! – послушно сказала Михрютка.

Она отправила в рот ложку супа, потом другую и... вдруг принялась расти. Вначале она выросла на пять сантиметров, потом на десять и, наконец, на полметра. Но и это был не предел. Михрютка увеличивалась на глазах, и вскоре заполнила всю кухню. Авдохина изумлённо смотрела на великаншу, которая упиралась головой в потолок и сосредоточенно уписывала суп.

– Вы были правы! Кажется, я чуточку подросла. А добавки можно? Тогда я смогу вырасти во весь дом! – наивно сказала Михрютка.

В глазах Авдохиной отразился ужас, и она начала медленно сползать под стол.

– Это ужасно. Я знала, что молочные продукты полезны детям, но не до такой же степени. Это всё акселерация! Или мне всё это снится? – бормотала она.

Желая убедиться, что она не спит, Авдохина потрясла головой и окунула палец в кипящий чайник.

– А-а-ай! – крикнула она и побежала в ванную держать палец под холодной водой.

Когда она вернулась, великанша исчезла. За столом сидела худенькая девочка и с унылым видом болтала ложкой в тарелке с супом.

– Кажется, вы задремали, несчастенькая Антонина Петровна! Нелегко вам даётся воспитание детей, – сказала Михрютка сочувственно.

Глава одиннадцатая ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА

Следуя за дрожащим огоньком спички, Маша, Пыхалка, Куклаваня и Оля выбирали коридоры лабиринта. По влажным стенам плясали шаткие тени. Тускло мерцали в трещинах копошащиеся светлячки. Пол, выложенный каменными плитами, гулко отзывался на каждый, даже самый осторожный, шаг. Ощущение было такое, будто путешественники идут по льду, а под ними – метры и метры затягивающей пучины.

Спичек в коробке у Куклавани осталось немного, и друзья наделали лучинок из карандаша, который пупс нашёл у себя в кармане.

– Стойте! Здесь провал! – воскликнула вдруг Дуся.

Куклаваня высветил большой пролом в каменном полу. Если бы не предупреждение видящей в темноте Дуси, друзья один за одним, не успев даже вскрикнуть, сорвались бы в эту трещину.

– Ого-го! Интересно, яма глубокая? Глубоко было бы падать? – заинтересовался Пыхалка.

– Сейчас узнаем!

Кукла Оля нашарила камешек и бросила его в провал. Напрасно ждали они хоть какого-то звука.

– А на ту сторону нам всё-таки надо! – после некоторого молчания сказал Пыхалка.

Пупс зажгёт ещё одну лучину, чтобы получше рассмотреть препятствие. Провал в полу был не слишком широким: метр, не больше. В школе на уроках физкультуры Маша прыгала и дальше. Но когда под тобой раскинулась бездонная пропасть, условия сложно назвать обычными. К тому же прыгать приходилось не в освещённом зале, а в зловещей тьме лабиринта.

– Каждый сможет стать героем! Кто при жизни, а кто и посмертно. Я ещё никогда не был героем посмертно! Любопытное, должно быть, ощущение, – приободрил всех Куклаваня.

– Я убеждён, что перелечу на ту сторону с Олей и Куклаваней. А вот тебя, Маша, мне не поднять. Ты слишком тяжёлая, – виновато сказал дракончик.

– Сама перепрыгну! Во всяком случае, попробую, – не очень твёрдо заявила Маша.

– Попробуй-попробуй! Кто знает, может, и получится. Не с первой попытки, так с третьей, – обнадежил её пупс.

– Не запугивай меня, пупс! Мне и так страшно! – попросила Маша.

– Я прыгаю! – кошка Дуся, мякнув, перелетела на другую сторону провала.

– Всё в порядке! Я уже здесь! – донёсся из темноты её голос.

Пыхалка посмотрел на Машу, ободряюще ткнулся ей в шею холодным носом и подставил спину кукле Оле и пупсу. Маша видела, как мерцающий огонёк отделился от края, на секунду подвис в воздухе, описал дугу и погас уже на том краю провала.

– Я буду светить тебе! Прыгай на огонёк! – крикнул пупс, зажигая лучину.

Маша разбежалась и, стараясь не думать ни о чём страшном, сильно оттолкнулась от пола. Девочка сшибла с ног пупса и расцарапала колено, приземлившись на другой стороне провала. Но теперь пропасть уже не казалась ей ужасной.

Отдохнув, они продолжили блуждать по лабиринту. Лучины закончились. Оставшиеся спички зажигали лишь при раздвоении коридоров, чтобы правильно определить путь. В остальное время идти приходилось в темноте, ощупывая руками влажные стены. Впрочем, нашёлся и ещё один способ, как не затеряться в лабиринте. Обнаружила его кукла Оля.

– Если Куклавания говорит вправо, нужно идти влево. Если говорит прямо, нужно поворачивать. Если говорит «идём вперёд» – нужно идти назад. Он ни разу ещё не угадал правильно, – сказала она.

– Ты ничего не понимаешь, глупая и неблагодарная завистница! – сказал он.

При вспышке спички в проёме стены высветился жёлтый череп и кости. Скелет был прикован к потолку железной цепью.

– А, мама! – взвизгнула Дуся. Как все кошки, маму свою она помнила плохо и вспоминала её лишь в самых крайних случаях.

Маша зажмурилась. Куклавания уронил спичку, и она потухла. Всё погрузилось во тьму.

– Что это было? Давайте взглянем ещё раз! – испуганно спросил Пыхалка.

– Лучше не надо, – попросила Оля.

– И я думаю: не надо! – едва ли не впервые согласился с ней Куклавания.

Ещё несколько минут блуждания в потёмках – и впереди блеснул свет.

– Мы выбрались! – обрадовалась Оля.

– На твоём месте я бы не радовался. Помни, мы в крепости Злыдней! – предостерег её дракончик.

Но друзья уже бежали на свет. Они очутились в гроте, сверкавшем тысячами изумрудов и бриллиантов. Их было такое множество, что стен не увидишь. В центре грота сверкал правильными гранями громадный сапфир, на котором горела одна-единственная восковая свеча. Это её многократно отражённый свет заливал пещеру.

При виде стольких драгоценностей у Куклавании разгорелись глаза, и он кинулся набивать карманы камнями.

– Какие из них дороже? За что больше дадут? – беспокойно спрашивал он.

– Зачем тебе столько? Что ты собираешься покупать? – удивилась Маша.

– Океан варенья и гору печенья! А тебе, Маша, я, так и быть, подарю игрушечные электронные часики, если ты меня очень попросишь, – заявил пупс.

– А мне что подаришь? – любопытствовала кукла Оля.

Куклавания с подозрением уставился на неё:

– ТЕБЕ?! Фигушки! На чужой каравай рот не разевай! Ты меня не обанкрутишь!

Маша и Пыхалка не удержались от смеха. Уж очень потешен был жадничавший пупс.

Неожиданно друзья услышали громкое «ах!» и испуганно обернулись. Дверь в углу сокровищницы, на которую они прежде не обратили внимание, открылась. Оттуда вышла красивая девушка с русской косой до пояса.

– Что вы тут делаете? Уходите немедленно! Злыдни вот-вот придут! – крикнула она в тревоге.

Пыхалка, узнав, подбежал к девушке:

– Алёнушка! Это ты? А мы тебя искали!

Чешуя Пыхалки сверкала, будто драгоценная.

Алёнушка обняла дракончика.

– Я по тебе соскучилась, Пыхалка! Но как ты сюда попал? Или тебя тоже утащили Злыдни?

– Нет! Мы пришли сюда, чтобы с ними сразиться!

Алёнушка грустно покачала головой.

– Вам одним не справиться. И думать забудьте! Злыдни очень сильны и обладают волшебными чарами. Скажите скорее, как там мой братец Иванушка?

Пыхалка замялся. Тогда Алёнушка посмотрела на куклу Олю, у которой был очень ответственный вид.

– Неважно, – честно сказала Оля. – В избушке такой беспорядок, что просто жуть! В скворечнике ворона поселилась, а сам Иванушка целыми днями на дудочке играет.

Алёнушка пригорюнилась. По щеке у неё скатилась большая слеза. В том месте, где она капнула на пол, пол задымился. Слезка прожгла в камне глубокий след. Куклаваня в тревоге отдёрнул ногу.

– Те ещё слёзки! Не хотел бы я, чтобы меня так обрыдали!

– Ты что, пупсина, не слышал, что слёзы – главное оружие женщин? – удивилась кошка Дуся.

– Слышать-то я слышал, но не думал, что всё так серьёзно, – сказал пупс.

Алёнушка перестала плакать и деловито вытерла лицо передником.

– Скорее прячьтесь, малыши! Если Злыдни вас почуют – не оставят ни косточки!

– А тебя почему не съели? – с подозрением спросил Куклавяня.

Алёнушка и сама толком не знала почему.

– Я им стряпаю и занимаюсь русским языком с их безграмотной дочкой, – сказала она.

– Работаешь, значит, на армию врага? Нехорошо! Родина таких не прощает! – Куклавяня погрозил ей пальцем.

– Помолчи, пупс! А как же кот Мяун? И Ученичкин? – с беспокойством спросила Дуся.

– Их тоже пока не съели. Злыдни хотят заставить Мяуна рассказывать сказки, а он не соглашается. А Ученичкин такой маленький, что из него и бульона не сварить.

Куклавяня закончил расталкивать по карманам драгоценные камни. Он и так от их тяжести едва стоял на ногах.

– А как выглядят Злыдни? – спросил он у Алёнушки.

– Отвратительно! Громадные, грубые. Особенно опасайтесь их глаз! Они обладают колдовской силой. Ни в коем случае нельзя поддаваться искушению посмотреть Злыдням в глаза! Сразу теряешь волю. Даже медведи из Говорящего леса шли, как послушные овечки, прямо в кипящий котёл, замороженные красным взглядом Злыдней.

Дуся от удивления присела на задние лапки.

– У них красные глаза? Вот ужас! Голубоглазый брюнет – это красиво, сероглазый – ещё куда ни шло, но красноглазый... Фу!

– Почему ты думаешь, что они брюнеты? Может, они блондины? – заинтересовалась кукла Оля.

– Блондины? Фу! – сказала Дуся. – Фу, и ещё раз фу!

– Мы надеялись, что Злыдни смертельно боятся света... А тут эта свеча! – сказала Маша.

Алёнушка невесело улыбнулась.

– Нет. Злыдни боятся живого солнечного света. А блеск изумрудов от единственной свечи они переносят как раз неплохо, – сказала она.

– А как победить Злыдней? Должно же у них быть уязвимое место? – заволновался Пыхалка.

Не успела Алёнушка ответить, как все алмазы и изумруды в сокровищнице замерцали кровавым светом.

– Злыдни идут! Прячьтесь! Может, они вас не почуют! – Алёнушка поспешно провела друзей в чулан за сокровищницей и велела запереться изнутри.

Камни ещё раз кроваво вспыхнули. В сокровищницу вошли Злыдни. Маша посмотрела в щель и вздрогнула. Злыдней было трое. Злыдень, Злыдня и их дочка. Гигантские, с острыми, как ножи, кривыми клыками, с длинными когтистыми лапами. Лохматые на спине, но с голыми животами. Ночной кошмар в сравнении с ними показался бы дневной дремой.

Злыдень-отец повёл носом, и его красные глаза зажглись.

– Чу-чу! Русским духом пахнет! Не было ли здесь кого? – подозрительно спросил он у Алёнушки.

Алёнушка задрожала. Спасло её то, что дочка Злыдня расхохоталась:

– Ты, папик, сказок начитался. Это там всегда говорят: «Чу-чу! Русским духом пахнет! Не было ли здесь кого?» От Алёнки это воняет, от Алёнки!

– Чего ты на папулю накинулась? Уж он и постращать не может! Во всём ты его ограничиваешь! На то он и Злыдень, чтобы стращать, – накинулась на дочку мама-Злыдня.

Чудовища вытащили откуда-то деревянный стол и стулья. Они явно не перегружали себя лишней мебелью.

– Алёнка, обед! Живо! Не понравится твоя стряпня – сама станешь обедом! Хы-хы-хы! – потребовал Злыдень.

Алёнушка принесла обед. Это был целый кабан, зажаренный на вертеле. Алёнушка едва его дотасила. Никто из Злыдней и пальцем не пошевелил, чтобы помочь. Они знай только поторапливали.

Маша и Пыхалка сменяли друг друга у щёлки. Они увидели, как, умяв полкабана, Злыдень поковырялся в клыках зубочисткой размером со столовую ложку, откинулся на спинку

стула и захрапел. Но поспать ему не удалось, потому что дочка треснула папочку кулаком по уху:

– А сказку? Ты обещал мне после обеда сказку! Хочу ска-а-азку!!!

Злыдень проснулся, ошалело покрутил головой и опять захрапел. Возмущённая дочка собралась огреть его недоеденной кабаньей ногой, но Злыдня вовремя поймала её за руку:

– Перестань буянить! Не видишь: папочка устал?! Вот я тебе подзатыльников надаю!

– Ничего он не устал! Это я устала, – раскапризничалась дочка. – Думаете, просто было тащить этого противного котикшу? Он всю дорогу царапался, а теперь обиделся и не желает рассказывать сказки. Вот возьму и отрежу ему хвост!

Подошла Алёнушка с заплаканными глазами и поставила на стол ведро с киселём. Злыдни накинулись на кисель. После кабана у них появилась страшная жажда. Злыдень проснулся и прямо-таки засопел от наслаждения, наливаясь киселём.

У Куклавани даже слюнки потекли. Вот уже два дня скатерть-самобранка поила его одним только квасом, а тут кисель! Да ещё яблочный! Самый любимый! Пупс порылся в котомке, которую собрала в дорогу Баба-яга, и извлёк шапку-невидимку. Раз! Куклавания нахлобучил её на голову и сразу исчез.

– Остановись, пупс! Не делай этого! – запоздало прошептала Маша.

Шапка-невидимка оказалась Куклаване велика. Она немедленно сползла ему на нос, и передвигаться пупсу пришлось на ощупь. Натыкаясь на стены, он выскочил из чулана. Маша и Пыхалка успели лишь затворить за ним дверь.

– Сколько геройства, а всё из-за чего? Из-за киселя! Это так похоже на пупса! – вздохнула кукла Оля.

Куклавания побежал по сокровищнице. Злыдни с беспокойством следили за тем, как вспыхивают, предупреждая их, изумруды. Злыдень-отец привстал, сделал несколько шагов и растянулся на полу, будто зацепился за что-то.

Полупустое ведро с киселём накренилось. Заметно было, как кисель выливается, однако ни капельки не пролилось на стол. Чудеса, да и только!

– Там кто-то есть! Я об кого-то споткнулся! – взревел Злыдень.

Злыдня и её дочка, оправившись от страха, схватились за скатерть и разом дёрнули её, надеясь поймать невидимку.

Глава двенадцатая КНЯЗЬ ПИРОЖЕВСКИЙ, МИХРЮТКА И АВДОХИНА

Утром того дня, когда Авдохина взялась присматривать за Михрюткой, Пирожков возвращался с расширенного заседания Общества Неравнодушных Жильцов, или ОНЖ, которое сам же и учредил. Это благодаря Пирожкову все скамейки возле дома были перекрашены в бледно-оранжевый цвет и пронумерованы латинскими цифрами от I до X. Причём на некоторых скамеечках красовались аккуратные надписи: «Места для женщин с детьми и пенсионеров».

Прежде чем вызвать лифт, Пирожков по привычке открыл почтовый ящик, и из газеты неожиданно выпал странный конверт с оттиснутым гербом в виде золотой короны. Пирожков даже присел от любопытства, разглядывая его. Желая продлить удовольствие, он не стал распечатывать письмо тотчас же, а поднялся в квартиру, надел тапочки, вымыл руки с мылом, поставил чайник и только после этого занялся конвертом. Он был из плотной серой бумаги, продолговатый, с маркой, с которой величественно смотрел царь Николай I. С обратной стороны помещалась печать с двуглавым орлом.

– Фу ты ну ты – баранки гнуты! – прошептал Пирожков и осторожно разрезал конверт ножом. В конверте лежал толстый, из дорогой бумаги лист:

«Князю Пирожевскому

Милостивый государь, в связи с разборкой старых архивов вы обнаружены потомком старинного рода князей Пирожевских. Покорнейше просим вас принять участие в дворянском собрании, которое состоится в нашей районной библиотеке двадцать седьмого июня.

Ещё раз поздравляем, ваше сиятельство!

С дворянским приветом,

граф Сидорчукский».

Пирожков перечитал письмо трижды. Вначале у него мелькнула мысль, что это розыгрыш, но потом он что-то стал смутно припоминать. Вспомнил, к примеру, что в буфете у него лежит старинная ложечка с гербом. И что его бабушка любила иногда вставить колкую, как трёхдневная щетина, французскую фразу, когда сам Пирожков, будучи ещё дитём, отбарабанивал на сиденье стула пионерские марши. Вспомнил Пирожков и дедушку-полковника с неестественно прямой осанкой и седыми усами. М-да, тут волей-неволей задумаешься!

Пирожков забеспокоился и забегал по квартире. На дне старого бабушкиного чемодана после продолжительных поисков он отыскал пару фотографий незапамятной давности и пожелтевшее письмо к княгине Матильде Пирожевской.

Весь день Пирожков ходил как потерянный, держась руками за голову. Постепенно он свыкся с мыслью о своём дворянстве, и его согнутая спина мелкого служащего выпрямилась в восклицательный знак.

Михрютке не стоило особого труда убедить Авдохину, что быстрорастущая девочка той просто приснилась. Авдохина так стремилась в это поверить, что поставила себе на лоб холодный компресс.

– Ох-ох-ох! – вздыхала она. – С детьми столько возни! В другой раз ни за какие деньги не возьмусь! Легче работать в буфете на вокзале, чем смотреть за одним-единственным ребёнком.

Михрютка хлопотала возле Авдохиной, держа в руках миску с водой для холодных компрессов. Неожиданно раздался звонок в дверь. Продолжая охать, Авдохина потащилась открывать. Неожиданно охи сменились ахами.

– Ох-ох-ох! Ах-ах-ах!

Михрютке стало любопытно. Она выскочила в коридор и выглянула из-за авдохинской юбки. Она увидела в дверях Пирожкова. Сосед был в чёрном пиджаке и белой морской фуражке. На рукаве пиджака алела повязка «Добровольный дружинник». В руках он держал букет искусственных гвоздик, которые с галантным видом совал Авдохиной. В довершение всего Пирожков распространял пьянящий запах одеколона «Тройка».

Засмущавшаяся Авдохина понюхала гвоздики и сказала:

– Оч-ч-чень мило. Спасибо. Я поставлю в воду!

Пирожков щёлкнул комнатными тапочками, поклонился и проговорил, чуть картавя:

– Газгешите отгекомендоваться! Моё высокоблагородие князь Пирожевский!

Авдохина прижала мокрый платок ко лбу. Вот уж денёк выдался! Вначале девочки растут как на дрожжах, а потом сосед по площадке оказывается князем. Не соскучишься! Однако надо отдать Авдохиной должное, она быстро освоилась.

– Князь Пирожевский? Это что: «Розовые слоны. Часть вторая»? – спросила Михрютка, пролезая вперёд.

Пирожков не удостоил Михрютку ответом и лишь произнёс нечто среднее между «фу» и «фи».

– Если вы князь, то где ваша карета? Карета для князя – всё равно как документы, – продолжала неугомонная Михрютка.

Прежний Пирожков стал бы ругаться и топтать ногами, но теперешний Пирожевский лишь высокомерно сдвинул брови и гламурно произнёс:

– Ты ещё не доросла до взрослой беседы, дитя! Ступай проветрись!

Пирожков согнул руку и предложил её Авдохиной:

– Вы не угостите меня чаем, пхгелестнейшая Антонина Петровна?

– Ну конечно, пхгелеснейший дуг! – в тон ему отвечала Авдохина.

Авдохина и Пирожков пропутешествовали на кухню. Изумлённая Михрютка увязалась за ними, но не тут-то было.

– Там в комнате есть старые журнальчики. Иди посмотри картинки! – сказал Авдохина, мягко закрывая дверь перед носом у Михрютки.

Михрютка прыгнула на диван и поджала под себя ноги.

– Ни за какие коврижки не буду с ними больше водиться!

Минут десять она, скучая, просидела на диване, но вдруг просияла. Михрютка осторожно выглянула в коридор, а затем подскочила к окну и распахнула его настежь.

Пирожков в это время сидел на кухне с Авдохиной и пил чай, держа чашку рукой с оттопыренным мизинцем.

– И тут меня осенило! Князь Пирожевский – это я! И бабушка у меня была княгиня, и прабабушка, и прапрадедушка – все сплошные князья, – рассказывал он.

Авдохина кивала и подливала соседу чаю.

– Право, неудобно как-то... – стеснялся Пирожков. – Пожалуйста, мне четыре кусочка сахара и шоколадную конфету, если вам, конечно, не жалко.

– Ну, конечно, не жалко! Для такого человека! – льстиво заверяла его Авдохина.

В этот момент в кухне неожиданно потемнело. Авдохина и Пирожков разом выглянули в окно и остолбенели. На уровне восьмого этажа в воздухе болталась карета с дворянским гербом на позолоченной дверце.

– Карету его светлости князю Пирожевскому! – раздался звучный голос.

– Я эт-то не заказывал!.. Вы эт-то уберите! Мы эт-то не позволим! Над нами юмор шутить не положено! – закричал Пирожков дребезжащим тенорком, показывая пальцем на карету.

– Как прикажете, князь!

Дверца захлопнулась. Колёса закрутились, и карета унеслась так же стремительно, как появилась. Уже после того, как карета исчезла, Авдохина обнаружила, что сидит на коленях у Пирожкова и льёт из заварного чайника ему за шиворот. Пирожков же теребит повязку почётного дружинника и безостановочно повторяет: «Дождик, дождик, лей, лей, лей!»

Пирожков и Авдохина не видели, как в соседней комнате Михрютка осторожно закрыла за собой окно.

Авдохина соскочила с колен у Пирожкова и принялась обтирать соседа кухонным полотенцем. Пирожков страдальчески моргал длинными загнутыми ресницами (представьте, у него оказались красивые ресницы!) и с благодарностью смотрел на Авдохину. Потом он произнёс фразу, которая после показалась его соседке ужасно умной и многозначительной, а именно: «Всё не случайно! Всё очень даже не случайно! И всё к лучшему!»

– Как там девочка? Она, конечно, жутко перепугалась! – всполошилась вдруг Авдохина.

Пирожков и Авдохина прибежали в соседнюю комнату и обнаружили, что Михрютка сидит на диване и мирно листает журнал.

– Ты ничего не видела... э-э... необычного? Карету, которая висела за окнами? – спросили её Пирожков и Авдохина.

Михрютка подняла глаза.

– Карету? Это вроде розовых слонов или быстрорастущих девочек? – спросила она.

Пирожков и Авдохина смутились.

– Ты только никому об этом не говори, деточка! Ни папе, ни маме, никому. Мало ли что привидится двум немолодым людям, которые засиделись за чашечкой чаю? Не правда ли, Антонина Петровна? – сказал Пирожков.

– Немолодым людям? Говорите лучше за себя, Пётр Петрович! Я бы сказала: одному зрелому мужчине и одной моложавой, хорошо выглядящей даме! – с обидой в голосе повторила Авдохина, услышавшая из всей речи Пирожкова только это.

– Так ты согласна, Маша? Никому не скажешь? – настойчиво повторил Пирожков.

Михрютка прищурилась:

– Хорошо! Я никому ничего не скажу. Ни слова, ни полслова... но только если вы сводите меня в кафе и накормите мороженым!

Во время своих прогулок по Москве Михрютка успела приохотиться к мороженому ничуть не меньше, чем, скажем, к горчице или перцу.

Пирожков и Авдохина вздохнули и согласились. Ничего не поделаешь. Если маленькая девочка чего-нибудь хочет, она всегда найдёт верное средство, как вынудить вас захотеть того же.

Через полчаса Михрютка уже шла между Пирожковым и Авдохиной, цепко, чтобы они не сбежали, держа их за руки. Время от времени Михрютка поджимала ноги, повисала на руках у Пирожкова и Авдохиной, и те от неожиданности сталкивались лбами.

– Бум! Вам не больно? – спрашивала Михрютка.

Авдохина надела лучшее своё платье – шерстяное, с отложным воротничком – и сильно надеялась, что Пирожков это оценит. Прежний Пирожков и не заметил бы, но галантный князь Пирожевский воспользовался случаем сказать комплимент:

– Какое у вас платье, Антонина Петровна! Ни за что бы не догадался, что оно старое, если бы моль не проела воротничок.

Авдохина промычала что-то невнятное и без особой причины дёрнула Михрютку за руку:

– Не балуйся!

До кафе оставалось совсем недалеко, когда Михрютка увидела двух рабочих, которые пилили тополь.

– Что они делают? Если тут у вас деревья молчат, это не значит, что им не больно! – крикнула Михрютка.

– Пилят – значит, так положено, – резонно отвечал Пирожков и хотел пойти дальше.

– Кем положено? Нужно быть последним идиотом, чтобы ополчиться против деревьев! Они же совсем беззащитные! Вели им перестать, ты же князь!

Пирожкову стало совестно. Тем более что и Авдохина стояла рядом. Кровь князя-общественника взыграла. Он подошёл к рабочим и сказал:

– Не пилили бы вы дерево, ребята! Неудобно как-то. Города нужно озеленять, а не выкорчёвывать растительность.

Рабочие покосились на Пирожкова, сплюнули и продолжали терзать тополь. Подбежала недовольная Михрютка с взъерошенными волосами:

– Эй вы там! Немедленно перестаньте! Как вы смели ослушаться князя Пирожевского? Оставьте дерево в покое, или оно само за себя постоит!

– Как это оно за себя постоит? У него же рук-ног нет! – прогнусавил один из рабочих.

– Жалкие тру`сы! Выходит, вы пилите дерево только потому, что у него нет рук и ног! Так вот вам!

Михрютка прошептала заклинание. «Жить в Волшебной стране и не научиться колдовать – для этого нужно быть ослом», – иногда говаривал дед Горыныч. Михрютка же не была ослицей.

Спиленные ветви дерева оторвались от земли и стали грозно надвигаться на рабочих.

– Помогите! Спасите! – закричали рабочие и кинулись бежать, забыв про топоры и пилы.

– О, новый глюк! Вас солнышко не напекло, Антонина Петровна? – сказал Пирожков жизнерадостно.

– Меня нет, а вас?

– Мне уже совсем хорошо, – заверил её Пирожков.

Кафе называлось «Капля» и, по правде говоря, больше смахивало на распивочную. Михрютка, Авдохина и Пирожков попали в него сразу после перерыва. Других посетителей ещё не было, и только уборщица вытирала грязной тряпкой чистые столики. Михрютка подбежала к стойке и притянула к себе папку с меню. Князь Пирожевский вздохнул, искоса взглянул на Авдохину и достал кошелёк.

– Значится так! Пятнадцать порций шоколадного мороженого с глазурью, двенадцать сливочных и семь «Пингвинов». А моим спутникам – ведро кофе, – заказала Михрютка. Она не привыкла мелочиться.

Барменша с изумлением привстала на цыпочки и заглянула за стойку, ожидая, вероятно, увидеть там штук двадцать детей дошкольного возраста, но никого не обнаружила и была слегка разочарована.

– Постойте! – Пирожков отстранил Михрютку. – Девочка напутала. Нам, пожалуйста, пятьдесят граммов самого дешёвого мороженого и кофе без сахара даме. А мне ничего не надо. Я дома обедал.

Михрютка, Авдохина и барменша разом уставились на Пирожкова. Пирожков покраснел, вспомнил, что он князь, собрал остатки благородства и произнёс:

– Хорошо... Так и быть, в кофе можете положить сахар!

Михрютка скрестила руки перед грудью и, толкнув Пирожкова плечом, поинтересовалась у барменши:

– Вопрос задать можно? Вам никогда не встречались розовые слоны? А кареты у вас под окнами не болтались?

Пирожков pokrылся испариной. Но неожиданно лицо его стало хитрым.

– Уговорила. Я куплю тебе столько мороженого, сколько ты съешь, но не больше, – сказал он.

Пирожков надеялся, что одной-двух порций будет достаточно. В самом деле, сколько мороженого может съесть восьмилетняя девочка?

– Договорились! – кивнула Михрютка.

Она взяла сливочный пломбир в вафельном стаканчике, медленно поднесла его ко рту и несколько раз вяло лизнула. Пирожков заулыбался. Ещё бы! И одного мороженого не осилила, а заказывала двадцать! Но потом лицо князя вдруг вытянулось. Мороженое в руках у Михрютки таяло буквально на глазах. Через минуту от него остался только вафельный стаканчик. Ещё мгновение – пропал и он.

– Ничего себе... А теперь розовое с клубникой, – потребовала Михрютка. После розового с клубникой Михрютка облизнулась:

– Хочу с апельсиновым наполнителем!

– А ты не простудишься? – робко спросил Пирожков.

– После двух-то порций? Шутить изволите, князь? – засмеялась Михрютка.

После пятой порции побледневший Пирожков махнул рукой: «Кутить так кутить!» Княжеская кровь взыграла, и Пирожков купил бутылку газированной воды.

В течение следующего часа Михрютка съела двадцать порций мороженого и выпила четыре литра газированной воды. Авдохина смотрела на неё с умилением и повторяла:

– Какой хороший аппетит у девочки! Помнится, мы в молодости по полведра молока выпивали у себя в магазине. Тогда молоко ещё было в разлив.

Наконец Михрютка насытилась.

– Ты не безнадежен! Что-то княжеское в тебе, несомненно, есть, – похвалила она Пирожкова.

Расплатившись, они вышли из кафе. Город был залит жизнерадостным закатным солнцем. В невысоком кустарнике у дороги копошились воробьи. Сладкая вечерняя грусть тронула сердца. Михрютка повисла на руках Пирожкова и Авдохиной.

– Какие вы всё-таки забавные! Хотите стать моими дедушкой и бабушкой? Делаю вам официальное предложение!

Увидев выражение лиц Авдохиной и Пирожкова, Михрютка расхохоталась.

– Ну так и быть! Можете подумать до завтра! Я не тороплю! – сказала она.

Глава тринадцатая УГРЮМАЯ СЕМЕЙКА

Когда Злыдни подбросили Куклаваню на скатерти, Маша вскрикнула, едва успев зажать рот ладонью. Она знала, что мягкий пупс не ушибётся, но шапку-невидимку наверняка потеряет. Если это произойдёт, Злыдни схватят Куклаваню и выпотрошат из него всю вату.

Она не ошиблась. Шапка-невидимка в самом деле соскочила с головы пупса, когда он, кувыркаясь, взлетел под потолок. Она упала на пол, но сам Куклаваня как сквозь землю провалился. Злыдни в поисках незваного гостя обшарили всю сокровищницу. И под стол заглядывали, и под стулья, и в кастрюли, и даже в чайные чашки. Но ничего не нашли. Как вдруг их дочка заметила на полу облезшую меховую шапку.

– Смотри, мама, что я нашла! – удивилась она и моментально напялила шапку на свою котлообразную голову. Не успела дочка это сделать, как немедленно пропала.

– Где ты, дурёха? Куда ты подевалась? – испугались Злыдни.

– Здесь я! Здоровская шапочка, да? – радостно завопила дочка, появляясь в противоположном конце пещеры.

Злыдень кинулся к дочери. Ему самому хотелось примерить чудо-шапку.

– Отдай шапулю папуле! Не смей трогать!

Но прежде чем Злыдень добежал до дочки, она успела нахлобучить шапку-невидимку и растворилась в воздухе. Руки Злыдня сомкнулись на пустом месте. Он взвыл от бешенства.

– Ага! – закричала его невидимая дочка, бегая по пещере. – Какая чудная шапочка! Я её теперь всю жизнь не сниму! Никто не заставит меня учиться колдовству, и ложиться спать рано, и пить этот скверный кисель, и слушаться вас! Я буду мучить всех подряд, а котикше Мяуну оторву хвост, а он даже не узнает, кто это сделал! Да и вам задам хорошенько!

Злыдни гонялись за дочкой, но поймать невидимку в просторной сокровищнице было сложно. Дочка только резвилась и подставляла любимым родителям ножку. Когда ей надоело носиться по сокровищнице, она выбежала и помчалась по лабиринту, который знала как свои пять пальцев. Взрослые Злыдни наугад бежали за ней, бранясь на ходу. Им хотелось поймать дочку и надавать ей воспитательных тумаков, а шапку-невидимку отобрать.

Маша, Пыхалка, кошка Дуся и Оля вышли из кладовки.

– Ну, что я вам говорила? Та ещё семейка. Ни любви, ни уважения... Между собой они ещё кое-как. Ворон ворону глаз не выклюет. А с другими – настоящие звери! – сказала Алёнушка.

– А где Куклаваня? Куда он запропастился? – с тревогой спросила Маша.

– Да куда он не денется! Он такой репей, его захочешь – не потеряешь, – заявила кукла Оля.

– Так-то ты меня любишь! Не ожидал от тебя такого ехидства! – прозвучал тоненький голосок откуда-то сверху.

Маша подняла голову и рассмеялась. На потолке, зацепившись поясом штанишек за выступ, висел Куклаваня и шевелил в воздухе толстенькими ножками. Ему крупно повезло. Вместо того чтобы шлёпнуться на пол и быть разорванным Злыднями, он всё время, пока его искали, болтался под потолком в полной безопасности.

– Прыгай, пупс! Мы тебя поймаем! – крикнула Маша.

– Я бы спрыгнул, да штанишки не пускают! – И Куклаваня стал напевать:

*Тили-лим, тили-лим,
Под потолочком мы висим,*

Вниз спускаться не хотим!

Неожиданно штанишки пупса затрещали, и Куклаваня упал на руки Алёнушке.

– Надо же! Не уронила! Вот не ожидал! – удивился он.

Алёнушка заторопилась:

– Нужно освободить кота Мяуна и Ученичкина, пока не вернулись Злыдни! Я покажу вам, где их прячут!

Она подвела Машу и Пыхалку к огромному драгоценному камню в центре сокровищницы:

– Нужно сдвинуть эту глыбу с места! Вход в темницу – под ней!

Маша, Пыхалка, Алёнушка, Оля приналегли на камень изо всех сил, но не смогли даже немного пошевелить его.

– Куклаваня, ты не хочешь нам помочь? – прохрипела красная от натуги кукла Оля.

– И хотел бы, да не могу! У меня в штанишках резинка лопнула, – объяснил пупс.

– Вспомнила! – воскликнула Алёнушка. – Как я сразу не догадалась! Есть секретный механизм, заставляющий бриллиант перемещаться. Злыдни заперли меня в кладовке, чтобы я не подглядела, где он находится.

Маша, Алёнушка и кукла Оля стали ощупывать грани алмаза в поисках секретного замка. Они дотрагивались до каждого выступа на сверкающей поверхности камня. Но всё было тщетно. Камень и не думал приходить в движение.

– Неужели мы так ничего и не придумаем? Они здесь, совсем близко, только бы открыть этот отвратительный замок! – кукла Оля едва не расплакалась.

Пока остальные размышляли, что делать, Куклаваня подвязал штанишки верёвочкой и стал отковыривать от стены изумруд в форме кленового листа. Случайно пупс привёл в действие секретный механизм. Камень сразу отъехал в сторону, открыв проход в темницу.

– Ну что я говорил! – воодушевился пупс. – Что бы вы без меня делали! Минута поиска, и я нашёл то, что вы искали целый час!

Из темницы выскочили кот Мяун и гном Ученичкин. Они давно слышали голоса и не могли дожидаться, когда их выпустят наружу. Ученичкин кинулся к друзьям и крепко их обнял:

– Я знал, что вы меня спасёте! Я верил, надеялся! Как я вас люблю!

Маша, Пыхалка и кукла Оля растрогались. Куклавания похлопал Ученичкина по плечу:

– Мы тоже по тебе соскучились, Ученичкин!

Кот Мяун, отвыкнув от света, был ослеплён блеском драгоценных камней. Дусю он увидел не сразу, потому что она, застеснявшись, отошла в угол сокровищницы и притворилась, будто рассматривает узоры на полу.

– Пр-ривет! Это ты открыла замок? – Мяун потёрся о колени Алёнушки.

– Ей скажи спасибо, лентяй! Она тебя спасла! – Алёнушка подтолкнула Мяуна к Дусе.

Кот выгнул спину и промурлыкал:

– Благодар-рю вас, милейшая Евдокия! Очень вам признателен! Как вы похорошели с момента нашей последней встречи! Щёрстка стала мягче, и глазки заблестели. Это вас геройство приукрасило?

«Недаром Дуся дрожала в роднике!» – подумала Маша.

Дуся застенчиво прикрыла сияющую мордочку кончиком пушистого хвоста.

– Тихо! Слышите? – прошептала вдруг Алёнушка.

По коридорам лабиринта раскатилось эхо тяжёлых шагов. Злыдни возвращались. Куклавания не растерялся, и, нажав на изумруд в форме кленового листа, вернул камень на прежнее место. Теперь пройдёт какое-то время, прежде чем Злыдни сообразят, что пленники ускользнули, и пустятся в погоню. Шаги Злыдней становились всё громче. Алёнушка поспешно открыла дверь в углу сокровищницы.

– Сюда!

Едва они скользнули в открывшуюся нишу, как в сокровищницу влетели Злыдни. Они поймали свою непослушную дочку и теперь шлёпали её так громко, что можно было решить, что где-то неподалёку выбивают ковёр.

Глава четырнадцатая ПОГОНЯ, ПОГОНЯ...

Злыдни отшлёпали дочку и стали звать Алёнушку, чтобы та приготовила им мягкие перины. Днём они обычно спали, а ночью совершали набеги на Сказочную страну.

– Эй, Алёнка! Поторопись! Или тебе жить надоело?

Но сколько Злыдни ни кричали, Алёнушка не появлялась. У чудовищ зародилось подозрение. Они заглянули в темницу и обнаружили, что она пуста. Поняв, что Мяун, Ученичкин и Алёнушка сбежали, Злыдни издали вопль ярости. Стены пещеры дрогнули, и могучее эхо раскатило их рёв по всему лабиринту.

– Алёнка не могла уйти далеко! Схватим её и разорвём!

– Мне страшно! – прошептала Маша, когда эхо донесло до неё вопль Злыдней.

– Побежали! Просто молчи и беги! – Алёнушка сжала руку Маши.

Несмотря на внешнюю медлительность, Злыдни неслись громадными тяжеловесными скачками. В сумеречном коридоре их глаза горели, как раскалённые головешки.

Пыхалка, самый быстрый и ловкий из всех, бежал последним, подгоняя остальных. Маша держала в руках Куклаваню и Олю. Впереди, указывая дорогу, спешила Алёнушка, за ней – Ученичкин, Дуся и Мяун. Вскоре беглецы уже услышали за спиной прерывистое дыхание Злыдней.

– Обернитесь! Обернитесь и посмотрите нам в глаза! Мы не сделаем вам ничего плохого! – голоса Злыдней звучали неожиданно ласково.

Маше даже захотелось им поверить и остановиться, чтобы обрести покой и прекратить эту изматывающую гонку. Но она понимала, что этого делать нельзя.

Свешиваясь с рук у Маши, Куклаваня хладнокровно рылся в карманах, прикидывая, нельзя ли выбросить что-нибудь лишнее и тяжёлое. Пупс и сам толком не помнил, что у него в карманах. Пружинка от часов, катушка, перочинный ножик, чайная ложка, изумруды из сокровищницы, крошечные шарики от маленького бильярда, пистоны... Шарики от бильярда! У Куклавани появилась прекрасная мысль. Он набрал в горсть шариков и крикнул дракончику, бежавшему следом за Машей:

– Когда я досчитаю до трёх, подпрыгни! Понял? Подпрыгни!

У Пыхалки не было времени выяснять, что задумал пупс, и он просто кивнул. Он надеялся, что Куклаване пришла какая-нибудь ступаящая идея.

– Считаю: раз – три! – У пупса были нелады с математикой, и он нечаянно пропустил число два. Удивлённый Пыхалка заработал крылышками и оторвался от пола. В ту же секунду Куклаваня высыпал горстку бильярдных шариков.

Злыдень-отец уже протянул громадные мохнатые лапы, чтобы схватить Пыхалку, но наступил на бильярдные шарики... А-а-а-ах!!! Злыдень врезался в стену и покатился по полу. На него налетела Злыдниха. Клубок из барахтающихся чудовищ покатился по плитам потайного хода. Не разобравшись в темноте, Злыдни кусали и царапали друг друга, и прошло немало времени, прежде чем они сообразили, что те, кого они догоняли, ускользнули.

– Какой я молодец! Только бильярдных шариков жаль. Хорошенькие были шарики, железенькие... – похвалил сам себя Куклаваня, когда друзья остановились на минуту, чтобы перевести дух.

Маша схватила пупса и поцеловала его в ухо.

– Что ты наделала? Ты меня оглушила! Неужели нельзя обойтись без телячьих нежностей? – возмутился Куклаваня.

Но тут до беглецов донёсся топот Злыдней. Чудовища вновь настигали. Неожиданно коридор разветвился. В одной из стен обнаружился узкий лаз. Ученичкин взял у Алёнушки

платок и бросил его возле лаза. Оставалось только надеяться, что Злыдни поддадутся на эту нехитрую уловку.

Друзья прокрались чуть дальше по основному коридору и притаились за поворотом. От успеха замысла Ученичкина зависела их жизнь. Маше казалось, что сердце выскакивает у неё из груди и бьётся так громко, что Злыдни могут его услышать.

Гул шагов нарастал. Чудовища неслись, выставив чёрные лапы с острыми когтями. Схватить! Разорвать! Неожиданно топот оборвался где-то совсем рядом. Всего один прыжок отделял Злыдней от беглецов, вжавшихся в холодную скалу.

– Смотри! Платок Алёнки! Оттуда нет выхода! Попались!

Маша услышала грозный рык совсем близко. Если Злыдни сделают ещё несколько шагов по основному коридору, то всё пропало! Но, к счастью, этого не произошло. Хитрость удалась. Кряхтя, Злыдни полезли в узкий проход.

– Вылезай сама, Алёнка! Хуже уже, конечно, не будет, но всё равно вылезай! – шипели они.

Немного погодя папа Злыдень застрял в узком проходе и, как пробка, закупорил остальных. Немало времени потребовалось чудовищам, чтобы освободиться. Лаз, по которому они ползли, заканчивался тупиком. Когда Злыдни поняли, что их обманули, из недр пещеры донесся вопль, такой жуткий, что едва не вызвал обвал.

– Алёнушка, помнишь, ты говорила, что знаешь, как победить Злыдней? – спросила Маша.

– Я не говорила, что знаю, как их победить. Я сказала только, что и у Злыдней есть уязвимое место, – поправила Алёнушка.

– Какое? Рассказывай! – заторопил Куклавая.

Путешественники быстро шли по расширяющемуся коридору. Откуда-то сверху пробивался свет, и чёрный ход не казался уже таким мрачным. Хотя, конечно, ни Маша, ни Пыхалка, ни Алёнушка, ни даже легкомысленный Куклавая ни на секунду не забывали, что вскоре им вновь придётся столкнуться со Злыднями.

– Некогда на Буяне жил могучий богатырь Святозар, охранявший Сказочную страну и её жителей... – начала рассказывать Алёнушка.

Глава пятнадцатая ПЕЩЕРА ВОЛШЕБНЫХ ЗЕРКАЛ

Святозар был добрый и терпеливый богатырь. Однажды птичка свила гнездо у него в волосах, приняв их за разросшийся куст. Пришлось Святозару месяц просидеть на месте, пока птенцы не вылупились, – продолжала Алёнушка.

– Типичный рекламный трюк. Птичка была подставная, а птенцы небось надувные! – заявил Куклаваня.

– Помолчи, пупс! – одёрнула Оля.

– А он был сильный, этот Святозар? Сильнее Злыдней? – гном Ученичкин нашарил записную книжку в сафьяновом переплёте – подарок Бабы-Яги.

– Очень сильный. Сильнее богатыря на свете не сыскать. Святозар одной рукой вытаскивал с корнями самый большой дуб в Говорящем лесу. А палицей мог стереть в порошок громадную каменную глыбу.

– А почему он не прогонит чудовищ? – спросила кукла Оля.

Алёнушка вздохнула:

– Святозар спит. Злыдни напоили его волшебным зельем и заточили в подземной пещере. Как ни могуч был богатырь, но нашлись и у него слабые струнки.

– Какие? – широко открыла глаза Маша.

Алёнушка потупилась и ничего не сказала.

– Святозар любил хлебнуть лишнего. Пил всё, что под руку попадётся, – промурлыкал кот Мяун.

Алёнушка покраснела от стыда за богатыря.

– Да, правда. Когда Злыдни появились в Сказочной стране, они на первых порах вели себя тихо и даже на глаза никому не показывались: всё высматривали и вынюхивали, что и как. Увидели Злыдни, что силой Святозара не взять, и решили хитростью. Оставили прямо посреди леса бочонок с хмельным вином, а в вино подмешали сонного зелья. Святозар и выпил...

– Как? Разве он не знал, что нельзя пить из неизвестных бочек? – не поверила кукла Оля.

– Знать-то он знал, да не удержался. Вот и уснул... До сих пор спит! Злыдни б и убили его, да не могут.

– Нужно разбудить Святозара – без него Злыдней нам не одолеть. Алёнушка, ты знаешь, где прячут богатыря? – спросил дракончик.

Алёнушка поднесла палец ко лбу и стала вспоминать:

– Кажется, Злыдни говорили что-то про Соляную пещеру. Она находится на Семиструйной реке, под водопадом. Но Злыдни хвастались, что если даже у кого и хватит смелости добраться туда, то разбудить богатыря он всё равно не сможет.

– Так что же делать? – забеспокоилась Дуся.

Куклаваня дёрнул Алёнушку за руку:

– Пошли туда, а там видно будет! Дайте мне только добраться до богатыря, я его мигом разбужу! Может, его надо пощекотать или водой облить.

Алёнушка улыбнулась и спутала пупсу рыжие вихры:

– Не торопись! До Семиструйной реки путь неблизкий. Вначале мы должны попасть в Пещеру Зеркал, там дорога выходит к Семиструйной реке. Мы найдём плот и спустимся по течению до водопада. А там уж видно будет, что дальше.

Вытянувшись в цепочку, друзья двигались по потайному ходу. Вначале на коротеньких ножках семенил пупс, за ним шли Маша, кукла Оля, Ученичкин, Алёнушка и Пыхалка. В

утробе горы они чувствовали себя неудобно. Им хотелось поскорее оказаться на открытом месте. Дуся и кот Мянун перешёптывались. Дуся была совершенно очарована мягким обхождением кота и каждую секунду, сама не зная зачем, повторяла: «Мне сто раз предлагали выйти замуж, но я отказывалась! Я принципиальная противница замужества!»

– Это ничего... Это бывает... – терпеливо соглашался Мянун.

Друзья всё шли и шли, а Пещеры Зеркал всё не было и не было. Маша начинала беспокоиться, что они кружат на одном месте. У куклы Оли устали ножки. Она тихонько захныкала и успокоилась только тогда, когда дракончик усадил её к себе на спину.

– А дома сейчас хорошо! Наверное, сидят и ужинают! – мечтательно проговорил Пыхалка. В эту минуту он вспомнил маму, деда Горыныча, Михрютку и горчичные пирожки.

– Сюда! – раздался совсем близко радостный вопль Куклавани.

Пупс стоял у поворота и показывал на что-то пальцем.

– Пещера Волшебных Зеркал! – воскликнула Алёнушка.

Стены подземной пещеры были выложены разной величины и формы зеркалами. Зеркала шли от пола и поднимались на непостижимую высоту. В центре пещеры располагалось возвышение с перилами, напоминающее карусель. Там тусклым огоньком горела единственная свеча, такая же, как в сокровищнице Злыдней.

– Ух ты! А мне тут нравится! – восхитился Ученичкин.

Едва гномик ступил на карусель, как волшебные зеркала вспыхнули. В каждом появился Ученичкин. Отражений было великое множество, и все разные.

Одно шаловливое зеркало схватило отражение Ученичкина и вертело его с сумасшедшей скоростью. Другое – одело гномика в королевскую мантию и дало ему в руки скипетр. Третье – одарило Ученичкина длинной седой бородой. Ощущалось, что зеркала соскучились и рады новой забаве.

– Ого-го-го! И я хочу! – обрадовался пупс, забираясь на карусель.

Тотчас зеркала занялись и Куклаваней. Одно подхалимское зеркало сузило его в бёдрах, расширило в плечах, превратило рыжую спутанную шевелюру в русые кудри и вообще сделало красавцем с рекламного плаката. Куклаваня залюбовался своим отражением.

– Гляньте вон туда! Не правда ли, я очень милый? Хотя, конечно, не такой милый, как в жизни!

Кукла Оля взглянула и сказала:

– Вон в том крайнем зеркале ты больше похож!

Зеркало, о котором говорила Оля, отражало лопухую физиономию с обезьяньей челюстью, веснушками и почему-то с бантиком.

Куклаваня обиделся было, а после пригляделся повнимательнее и расхохотался.

– Ха-ха! Да это же не я, а ты, Олька!

– Я?

– А то кто? Ты же тоже поднялась на карусель!

Теперь на карусели стояли уже все, кроме осторожной Алёнушки. Зеркала заиграли бликами, заискрились. Отражения чередовались, двоились, менялись местами... Сотни Дусь, Мяунов, Маш, Пыхалок, Оль и Куклавань перепутались и разбежались по тысячам зеркал волшебной пещеры. Заиграла музыка, и карусель стала медленно вращаться. Путешественники едва не лопались от смеха, глядя на свои изображения в чудесных зеркалах. Они начисто забыли о близости Злыдней и об опасности, грозящей Сказочной стране и острову Буяну.

– Ни за что бы не узнал! Пупсина-то, пупсина! Маш, а там ты! А Дуся! А Мяун! А там кто? Неужели я! Совсем непохоже!

Алёнушка держалась в стороне от веселящихся друзей и что-то вспоминала.

– Злыдни говорили, что отражения обретут жизнь вне зеркал, если будет произнесено волшебное слово. Тогда завертится заколдованное колесо и... – сказала она.

Маша и Пыхалка замерли. Они представили, что произойдёт, если отражения оживут. Невозможно будет разобраться, где настоящее, а где поддельное! Где ты, а где твоя тень.

Куклаваня рассмеялся:

– Чепуха чепух и всяческая чепуха! Не верю ни одному слову! Стекляшки это! Всего лишь стекляшки!

– Что ты наделал! Это и есть волшебное слово! Молчи! – испугалась Алёнушка.

– Чепуха и ещё раз чепуха! – заупрямился Куклаваня.

В ту же секунду зеркала замерцали и помутнели. Музыка оборвалась. Повисла зловещая тишина. Стёкла стали едва слышно позванивать. Свеча погасла. Друзья стояли в темноте и слушали, как усиливается стеклянный звон. Воздух в пещере завибрировал. У всех перехватило дыхание от предчувствия чего-то ужасного. А потом свеча вдруг вспыхнула сама собой, и музыка заиграла с умопомрачительной скоростью. Карусель стремительно завертелась, и путешественники увидели, что в пещере они больше не одни. Вокруг сцены носились сотни оживших отражений. Тут были и Куклавания-красавчик, и Куклавания-страшилка, и сверхпушистая Дуся, и многоголовый и многолапый дракончик, и пара дюжин очень похожих котов Мяунов, и многочисленные Маши, и куклы Оли с голубыми, красными, оранжевыми и зелёными бантами...

Карусель тряхнуло, путешественники слетели с неё и моментально смешались с отражениями. Теперь Маша не знала, какой из сотен окруживших её дракончиков настоящий Пыхалка. «Я Пыхалка! Нет, не ты, а я! Я! Я!» – повторяли все они хором, кружась в бешеном танце.

Кот Мяун совершенно окосел, выбирая из множества Дусь самую хорошенькую. В одной Дусе ему больше нравились глаза, в другой – шерстка, в третьей – лапки...

Куклавания разнимал десяток Ученичкиных, подравшихся из-за записной книжки. Ученичкиных было много, а записная книжка одна, и её, понятно, никак не хватало на всех.

Лишь среди кукол Оль царили мир и взаимопонимание. Они здоровались, улыбались, поправляли друг другу волосы и о чём-то перешёптывались. Некоторые уже показывали отражениям Куклавани кулак.

Неожиданно в пещеру ворвались Злыдни. Увидев, что пещера полна оживших отражений, чудовища на мгновение замерли, а потом стали хватать отражения за плечи и швырять об пол. Зеркальные отражения заливались стеклянным смехом и разлетались вдребезги. Друзья сгрудились в дальнем углу пещеры и со страхом наблюдали за Злыднями.

– За одним из зеркал должен быть проход, но за каким? Я никогда прежде здесь не была, – испуганно прошептала Алёнушка.

– Нужно перебить все зеркала, и трудности отпадут сами собой! – предложил Куклавания.

– Что ты! Разбить зеркало – дурная примета! К тому же Злыдни тут же нас схватят. Вместе с зеркалами исчезнут и двойники!

Гонясь за отражениями, Злыдни нечаянно оказались на карусели, и сразу же в зеркальной пещере появилось множество отвратительных чудовищ. Их ожившие копии были такими же уродливыми и злобными, как сами Злыдни. На глазах у куклы Оли один из двойников разбил вдребезги о плиты пола её маленькую зеркальную подружку, которой она недавно поправила бантик. Оля в ужасе закрыла лицо руками.

Глава шестнадцатая ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ СЕМИСТРУЙНОЙ РЕКИ

Опасливо оглядываясь на Злыдней, беглецы пробирались вдоль зеркальной стены. Это было почти невозможно – найти среди тысяч зеркал единственное, скрывающее выход к Семиструйной реке. Если они не выскользнут из Пещеры Зеркал раньше, чем Злыдни расправятся с последним ожившим отражением, им конец. В центре пещеры бушевали чудовища, раскалывая зеркальных двойников. Прежде чем рассыпаться и исчезнуть, отражения заливались лёгким стеклянным смехом. Они не умирали – они просто возвращались в свои зеркала.

– Где же выход? Все стёкла такие одинаковые! – волновалась Маша.

Слышно было, как река гудит где-то совсем рядом и волны плещутся о камни. В воздухе стоял зыбкий влажный туман. Но как попасть к реке? За каким из зеркал скрыта потайная дверь?

Куклаваня толкнул кошку Дусю:

– Дусь, а Дусь, прими героическое решение! Или с появлением этого болтливого котика у тебя теперь все мысли в одном направлении?

– Я знаю, как найти нужное зеркало! – перебил Куклаваню Ученичкин.

– Ну и как?

– На нём должны быть капли воды! И оно самое тусклое, потому что ближе всех к реке. Зеркала не переносят сырости!

– Это ещё почему? Протестую! Требую веских доказательств! – заспорил пупс, но его никто не слушал. Все кинулись искать самое тусклое зеркало.

В это мгновение посреди пещеры со стеклянным звоном рассыпалось предпоследнее отражение. Только один из двойников дракончика всё ещё отбивался от своих преследователей, носясь с бешеной скоростью вокруг волшебной карусели. Злыдень нетерпеливо сверкнул красным взглядом, и бедный дракончик разлетелся вдребезги.

Злыдни бросились к беглецам. Теперь, когда с отражениями было покончено, ничто не мешало им разорвать малышей в клочья.

– Скорее, скорее! Ищите выход, или мы погибли! – заторопила кукла Оля.

И тут в одном из углов пещеры Маша увидела потрескавшееся мутное зеркало. Близость воды давала о себе знать: зеркало потемнело настолько, что уже ничего не отражало. Алёнушка прикоснулась к нему, и оно медленно повернулось. Открылось начало узкой лестницы. Беглецы заспешили по сырým и скользким ступеням.

Зеркальная дверь закрылась перед самым носом у Злыдней. Злыдень хотел было разбить её вдребезги своим тяжеленным кулаком, но Злыдниха внезапно его остановила.

– погоди! У меня есть идея получше! – сказала она с усмешкой.

Друзья выбежали из пещеры Зеркал.

– Вот она – река Семиструйная! – обрадовалась Алёнушка.

Маше достаточно было одного взгляда, чтобы понять, почему река так называлась. Вода в реке была как плывущая радуга. Семь разноцветных струй текли рядом, бок о бок, не смешивая своих вод.

У самого берега струя была КРАСНОЙ.

Следующая струя – ОРАНЖЕВАЯ.

За оранжевой – ЖЁЛТАЯ.

За жёлтой – ЗЕЛЁНАЯ.

В центре реки, на стремнине, бурлила ГОЛУБАЯ струя.

Рядом с ней пенилась СИНЯЯ.

О противоположный берег плескались ФИОЛЕТОВЫЕ волны.

Подземная река была неширокой, зато быстрой и стремительной. Вода в ней бурлила и клокотала, всплескивая яркими цветными фонтанчиками.

Ученичкин почесал карандашом лоб.

– Вода в реке разноцветная! Ты заметил, Куклаваня? Чем это обосновать с научной точки зрения?

– Всё проще простого. Здесь поблизости наверняка есть заводик акварельных красок. Ну или нефтебаза. Всякому чуду можно найти правдоподобное объяснение, – заявил Куклаваня.

– Что ты говоришь! Это волшебная река! Никаких заводов на ней нет! – возмутился Мяун.

Алёнушка и Пыхалка напряжённо всматривались в очертания берега.

– А где плот? Неужели его смыло? – забеспокоилась Алёнушка.

Пока дракончик и Алёнушка искали плот, Маша окунула в воду разгорячённое лицо:

– Ух ты! Здесь радуга! А какая рыбка только что проплыла: сине-малиново-зелёная в бурую крапинку!

– Ужас какой! А я всегда предпочитала одноцветных. Бр-р! – поморщилась Дуся.

– Не хочешь искупаться? – предложил ей пупс.

– В цветной воде?! Ни за что! – запротестовала кошка.

– Хм... Ты, Дуська, упускаешь замечательную возможность переокрасить шерстку в рыжий или даже синий цвет. Мяуну бы это понравилось, – принялся подзуживать её пупс.

– Смотрите! Что это там, в камышах? – кукла Оля увидела в тростнике у берега что-то массивное, из брёвен. Конечно же, это был плот.

– Держи их! Держи! – раздался вдруг грозный рёв.

С трёх сторон к беглецам кинулись Злыдни. Это и был план Злыднихи – окружить путешественников и отрезать им все пути к отступлению. Однако чудовища не учли, что друзья могут успеть найти плот.

– Прыгайте на плот! Пыхалка, отчаливай! – заторопилась Алёнушка.

Беглецы вскочили на скользкие брёвна. Пыхалка спешно выдохнул пламя и пережёт верёвку. Быстрое течение подхватило плот и понесло.

Злыдни бежали вдоль берега вслед за плотом. Они были в ярости, что беглецам удалось ускользнуть, однако их голоса звучали нежно, заманивающе. Алёнушке показалось, что она различает голос братца Иванушки:

– Сестрица, я здесь! Погляди-ка на меня! Милая, милая Алёнушка! Неужели ты совсем не любишь своего братца!

Маша услышала голос мамы:

– Где ты, Маша? Не огорчай нас, иди сюда!

Маша, почти поверившая, что это мама зовёт её с берега, едва не оглянулась. Первым опомнился Ученичкин, которому Злыдни кричали, что он уронил свою записную книжку.

– Немедленно зажмурьтесь и заткните уши! Иначе мы пропали! – велел Ученичкин.

Все, кто был на плоту, так и поступили, только кошка Дуся не удержалась и глянула на Злыдней одним глазком.

– Дуся! Хорошенькая пушистенькая Дуся! Никто тебя не ценит, никто не знает всех твоих достоинств так хорошо, как мы их знаем! Все твои желания исполнятся! Посмотри на нас! Хорошенькая пушистенькая Дуся, наш взгляд полон восхищения! – звали её Злыдни.

«Хм... Эти Злыдни не совсем чурбаны. В отличие от некоторых, они сразу заметили, сколько у меня достоинств!» – удивилась кошка и быстро оглянулась на Злыдней.

Это было роковой ошибкой. Мерцающие зрачки Злыдней впились в кошку, едва она повернула голову. Тело Дуси напряглось. Лапки задергались. Красные зрачки Злыдней, казалось, проникли в самые глубины её сознания и лишили власти над собой.

– Что со мной? Нет... нет... Я не хочу... Я утону! – бормотала Дуся.

Она, шатаясь, привстала и попыталась спрыгнуть в воду. Алёнушка прижала царапающуюся Дусю к плоту и ладонью закрыла ей глаза. Дуся мяукала и царапалась, пытаясь броситься в реку, и лишь спустя минуту затихла. Плот быстро уносило течением. Воя от злости, Злыдни стали отставать.

Но тут случилось непредвиденное. Плот попал в водоворот. Это произошло так стремительно, что Маша не удержалась на скользких брёвнах и свалилась в воду. Вместе с ней в реку оказался и Куклавяня, как обычно примостившийся у Маши на коленях.

Никто на плоту не заметил, что Маша и пупс в воде. Глаза и уши у всех были закрыты, чтобы не поддаваться сладким речам и чарующему взгляду Злыдней. Маша и Куклавяня кричали, но их голоса заглушались шумом реки и кровожадными воплями Злыдней с берега.

Плот исчез за поворотом реки, а Маша и Куклавания остались в воде. Злыдни бросили верёвку с петлёй и вытащили их на берег. Маша и Куклавания промокли и дрожали. Злыдень схватил Машу и поднял её до уровня клыкастой морды.

– Попалась! Разорву тебя на части! – Злыдень разинул громадную смрадную пасть.

Он откусил бы Маше голову, не останови его Злыдниха.

– Постой! Эта девчонка как-то странно выглядит! Откуда ты взялась? Отвечай!

– Из Москвы! – ответила Маша, едва не разрыдавшись.

– Из какой такой морквы? Нет тут никакой морквы!.. Говори правду! Ты ведь не с острова Буяна? Отвечай! – зарычал Злыдень.

– Нет!

На отвратительных мордах отразилось нечто вроде беспокойства.

– Девчонка из человеческого мира? На Буяне существует глупое предсказание, что нас, Злыдней, одолеет какая-то девчонка. Уж не эта ли? Она жалкая и слабая. Я могу перекусить её пополам, – сказала Злыдниха.

– Всё равно от девчонки лучше избавиться. Давай бросим её в Пещеру Ужасов! Она сойдёт с ума и уже не будет нам опасна. Ни один человечиска не выдержит того, что там увидит, – предложил Злыдень.

Он подтащил Машу к одному из зеркал. За зеркалом оказалась дубовая дверь. Злыдень открыл её и швырнул Машу в тесную пещеру.

– Сиди там, девчонка из человеческого мира, и сходи с ума от страха! А если твои друзья попытаются освободить тебя, мы их схватим. У меня руки чешутся пересчитать Алёнке все кости. Ишь ты, какая хитрая! Так отблагодарить меня за мою доброту! За все корки хлеба, которые я специально держала в сырости, чтобы они покрылись плесенью! – прорычала Злыдниха.

– А с этим что делать? – Злыдень покосился на Куклаванию, которого крутила в своих лапищах его дочка. Она подняла пупса за ножки и, хихикая, его разглядывала.

– Ну уж нет, папуля, даже и не мечтай! Я тебе его не отдам! Кот Мяунишка сбежал, и я осталась без игрушек, – заявила дочка.

– Не хочу быть твоей игрушкой! – возмутился пупс, болтаясь головой вниз.

– Не хочешь – и не надо. Это я буду играть, а не ты. Можно придумать массу интересных забав: швырять в тебя камнями, вытаскивать вату, отрывать руки и ноги. Ещё ни одна игрушка не продержалась у меня больше трёх дней.

Тем временем взрослые Злыдни совещались в зале волшебных зеркал. Присмирившие зеркала отражали их злобные морды.

– Ты не боишься, что козявки, которых мы упустили, разбудят богатыря Святозара? – спросила Злыдниха.

– Исключено. Они не сумеют снять чары, – успокоил её Злыдень.

Вскоре после того, как Маша и Куклаваня упали в реку, их друзья на плоту открыли глаза.

– А где Маша? – спросила Алёнушка, заметив, что девочка исчезла.

– И Куклаваня пропал! – заволновалась кошка Дуся.

Кукла Оля всплеснула руками:

– О нет! Помните, плот завертело? Наверное, они свалились!

Пыхалка поспешно взлетел и сделал круг над Семиструйной рекой.

– Их нигде нет! – прокричал он с высоты.

– Злыдни набросили на них верёвку и вытащили на берег. Они кричали, а вы не слышали! – проскрипел вдруг чей-то голос.

– А с кем мы говорим? – спросил Ученичкин.

– Это я, плот. Я сделан из деревьев Говорящего леса. Я пытался подплыть к Маше и Куклаване, но меня отнесло течением! Клянусь корой, я старался, но не сумел! – пояснил тот же голос.

Оля пришла в страшное волнение и ухватила Алёнушку за рукав.

– Как помочь Маше и Куклаване? Придумай что-нибудь! Умоляю, придумай! – Оля заплакала.

– Сейчас не время для слёз! Сейчас нужно разработать план, как им помочь, – деловито сказал Ученичкин.

– Так разработай его!

– Я бы разработал, но я привык расписывать всё по пунктам. А мне неудобно писать в записной книжке. Плот трясёт, – пожаловался гном.

– Не надо ничего писать. Только богатырь Святозар спасёт наших друзей. Плотик, скажи, скоро мы будем у Соляной пещеры? – спросила Алёнушка.

– Соляная пещера находится под водопадом. До водопада я вас довезу, а дальше придётся добираться самим. Брёвен не приложу, как вы спуститесь по отвесной скале! – отвечал плот.

– А когда мы подплывём к водопаду?

– Не раньше чем через час. Я и так плыву быстро, клянусь своими сучьями! – стал оправдываться плот.

Алёнушка вздохнула. Она понимала, что каждая минута уменьшает шансы Маши и Куклавани на спасение. И смогут ли они разрушить колдовство и разбудить Святозара? Но Алёнушка ничего не сказала кукле Оле, Ученичкину, Мяуну и Дусе. Ей не хотелось заранее их огорчать.

«Если Маша уцелеет, это будет настоящим чудом», – подумала про себя Алёнушка. Однако она слишком хорошо знала Злыдней, чтобы верить в чудеса.

Тем временем Маша, брошенная в Пещеру Ужасов, увидела над головой потолок с острыми шипами. Потолок медленно опускался. Пройдёт всего несколько часов, и шипы пронзят её. Девочка заплакала. Если бы хоть кто-то был рядом. Но никого не было. Только тишина и надвигающаяся громада скалы над головой...

Глава семнадцатая ПЕЩЕРА ПОД ВОДОПАДОМ

Пыхалка ухватился зубами за верёвку и летел впереди плота, стараясь заставить его плыть быстрее.

– Слушайте и запоминайте! Водопад, к которому мы подплываем, опасный. Если мы сорвёмся, то погибнем. По обе стороны – голые скалы. Но в одном месте есть высеченная из камня площадка. Вы должны успеть перебраться на неё и привязать меня к крюку, – предупредил плот.

– А если нет? – спросил Ученичкин.

– На «нет» и суда нет. Уже нет, – слегка подправив поговорку, заметил плот.

Гул водопада становился всё громче. Вода в Семиструйной реке бурлила и готовилась к прыжку. В воздухе повисло радужное сияние из миллионов разноцветных брызг. Плот относилось к водопаду. Показался обрыв, за которым зияла бездна.

Все жадно высматривали площадку, о которой говорил плот. Ступеньки начинались от воды и упирались в отвесную скалу. Краем ступеньки выходили к водопаду. В скале торчал крюк. За несколько секунд до того, как плот должно было сбросить с водопада, Пыхалка взлетел и накинул верёвку на крюк. Верёвка натянулась. Дракончик торопливо подтянул плот поближе к берегу и крепко привязал. Путешественники перебрались с плота на ступени и оказались над грохочущим водопадом.

Дуся глянула вниз. У неё сразу закружилась голова. И это у неё, которая в Москве ходила по перилам балкона, не боясь высоты!

– Не смотрите вниз! К этому нужно привыкнуть! – крикнула Дуся.

– Как Злыдням удалось спуститься по отвесной скале самим и стащить тяжеленного богатыря? – спросила кукла Оля.

– Сами Злыдни не спускались. Богатыря отнесли в Соляную пещеру летучие мыши. Они собрались все, сколько их есть, чтобы его поднять, – пояснила Алёнушка.

– Постой-постой! Раз летучие мыши перелетели водопад, значит, и я смогу! – обрадовался Пыхалка.

– Богатыря должна поцеловать красавица с доброй и самоотверженной душой. Только тогда чары рассеются и Святозар проснётся, – сказала Алёнушка.

– Может быть, я подойду? Это прямо про меня! – скромно предложила Дуся.

Мяун окинул кошку оценивающим взглядом с головы до кончика хвоста.

– Ты не подходишь. Ты, может, и красавица, но не человек! – ревниво промяукал он.

– Тогда я превращусь в красавицу и поцелую богатыря. Чего не сделаешь ради Маши! – вздохнул Пыхалка.

– Не сработает! Красавица должна быть настоящей! – покачала головой Алёнушка.

– Алёнушка, тогда расколдуй его сама! – предложил Ученичкин.

Алёнушка зарделась.

– Я бы с радостью, но как я попаду в пещеру? – спросила она.

– Мне с тобой не взлететь. Ты слишком тяжёлая, – дракончик виновато посмотрел на друзей.

– Кукла Оля! Вот кто нам нужен! – воскликнула Алёнушка.

Оля покраснела и стала мять в руках подол платья.

– Не знаю, подойду ли я. Это так... ответственно.

Пришлось долго уговаривать Олю полететь с дракончиком в Соляную пещеру и поцеловать богатыря Святозара. Лететь в пещеру Оля была готова, а вот целовать богатыря не соглашалась ни в какую.

– Разве так можно? Мы с ним совсем незнакомы! Да и как-то неприлично первой целовать мужчину, который настолько выше тебя ростом! – упрямылась кукла.

Но всё же Оля дала себя убедить. Она понимала, что Маша и Куклаваня в опасности и нужно выручать их, а это мог сделать только богатырь.

Пыхалка подставил Оле спину и велел обнять его за шею как можно крепче. Дракончик тяжело оторвался от края водопада и полетел среди разноцветных брызг. Это было удиви-

тельно красиво: серебристый дракончик и водопад, переливающийся всеми цветами – красным, зелёным, голубым, оранжевым, синим, жёлтым, фиолетовым.

Пыхалка спускался кругами, держась подальше от струи, чтобы его не подхватило вихрем водопада. Кошка Дуся и Мяун, подойдя к краю площадки, следили за полётом дракончика.

– Ну и где пещера? Ты видишь? – крикнул дракончик, поворачиваясь к Оле. Вода так грохотала, что Пыхалке приходилось кричать.

Оля, у которой голос не был таким сильным, наклонилась к самому уху дракончика:

– Вон там! Прямо под струёй!

– Ага! Приготовься!

Пыхалка разогнался и врезался в бурлящий поток. Это длилось всего мгновение, но Оля успела вымокнуть до нитки. Дракончик и его спутница влетели в каменную нишу под водопадом и кувырком покатались по полу. Они оказались в Соляной пещере.

Соляная пещера была небольшой. Она представляла собой нишу в скале, вход в которую скрывал отвесный поток воды. Посреди пещеры, подложив руки под голову и похрапывая, спал богатырь Святозар в блестящей кольчуге и красных сафьяновых сапогах. Рядом с богатырём лежали шлем и дубовая палица.

От дыхания спящего богатыря платье на кукле Оле моментально высохло.

– Не жди! Расколдовывай его скорее! – подтолкнул её дракончик.

Оля разглядывала богатыря, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. По сравнению со Святозаром она была такой крошечной, что спокойно могла поместиться в его ладони.

– Целуй скорее! У нас нет времени! – торопил Пыхалка.

– Ты не мог бы отвернуться! Я стесняюсь! – попросила Оля.

Дракончик отвернулся. Кукла Оля нерешительно подошла к спящему богатырю, потопталась, набралась духу и, закрыв глаза, чмокнула его в щёку.

Глава восемнадцатая ПРОБУЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ СВЯТОЗАРА

Поцеловав Святозара, Оля пугливо отскочила и прижалась к дракончику. Богатырь по-прежнему храпел, подложив руки под голову, и не думал просыпаться. Оля и Пыхалка озадаченно посмотрели друг на друга.

– Может, ты его как-нибудь неправильно поцеловала? – спросил Пыхалка.

– Как неправильно? – огорчилась Оля.

– Ну не знаю как. Я же не специалист. Вдруг не в щёку, а в нос надо было? Может, ещё раз попробуешь? – предложил дракончик.

В этот момент Святозар чихнул так оглушительно, что струя водопада заметно отклонилась. Олю и Пыхалку едва не выбросило из пещеры. Хорошо, что они вжались в трещину в стене. Святозар заворочался. Зевнул.

Оля и Пыхалка с замиранием смотрели на богатыря. Святозар постепенно просыпался. Он привстал и спросонья стукнулся головой о потолок Соляной пещеры. Во все стороны полетели осколки соли. Но богатырь этого даже не заметил.

– О-хо-хо-хо-хо! Хорошо же я выспался! – сказал он громовым голосом.

Только сейчас Святозар заметил куклу и дракончика, зажавшихся в угол пещеры.

– Привет, детвора! Где это я? – пробасил Святозар.

– Здравствуйте, дядя Святозар! Вы в Соляной пещере. Злыдни подмешали вам сонного порошка в вино и перенесли сюда, а мы вас разбудили, – радостно сказал дракончик.

Оля была благодарна Пыхалке, что тот не стал вдаваться в подробности, как именно был разбужен богатырь.

Богатырь покачал головой:

– И долго я спал?

– Очень-очень долго! Когда вы заснули, я был ещё совсем маленьким, а теперь я большой! Злыдни держат в страхе всю Сказочную страну. Они съели почти всех зверей в Говорящем лесу. А теперь схватили наших друзей, Машу и Кукланю, и могут их убить.

Богатырь помрачнел. Он так сжал попавшийся ему под руку камень, что раскрошил его в порошок.

– Где сейчас эти Злыдни? Скорее к ним!

Святозар схватил палицу и несколькими ударами расширил выход из Соляной пещеры. Алёнушка и Ученичкин, стоя на краю водопада, слышали грохот и увидели осколки разбитого камня, смешавшиеся с потоком.

– Святозар проснулся! Похоже, он сильно разгневан! – сказала Алёнушка.

Среди водяных брызг возник дракончик Пыхалка с Олей на спине.

– Богатырь карабкается по водопаду! Он такой сильный, что воде его не остановить! У нас всё получилось! – радостно закричал Пыхалка.

Над срезом обрыва появилась голова богатыря в шлеме. Святозар подтянулся, и вот он уже стоит рядом с Алёнушкой. Гном Ученичкин немедленно подсунулся к нему с записной книжкой, прося оставить автограф.

– Вот тут, пожалуйста! Если росписи у вас нет, можете поставить крестик! – подсказал он.

– Ну как? Тебя, я вижу, можно поздравить? Разбудила Святозара? Он, должно быть, изрядный мужлан, – промурлыкала Дуся на ухо Оле.

Святозар низко поклонился своим спасителям. Его золотая кольчуга, с которой водопад смыл всю пыль, сияла и искрилась.

– Спасибо, что выручили!

– Это не мы. Это Оля тебе помогла, богатырь! Она тебя поцеловала, – сказала Алёнушка.

Кукла сердито посмотрела на Алёнушку. Ну вот, проболталась! Она чуть в обморок не упала от стыда, когда Святозар поднял её на ладони к своему лицу и попросил:

– Освободительница, прошу: будь моей женой!

– Это исключено. Вы такой неумеренно большой. И потом, вы меня намного старше... – пролепетала кукла Оля, даже в смущении не утрачивая обычной практичности.

Богатырь кивнул.

– Будь по слову твоему, спасительница! Я понял: нам не быть вместе. Но я всё равно не перестану тебя любить!

Затем Святозар посуровел лицом и спросил:

– Где Злыдни? Как мне их найти?

– Их и искать не надо. Они в пещерах! Готовятся к бою, – сказал Ученичкин, пряча записную книжку в карман.

Богатырь сжал в руке палицу.

– Что ж! Они готовятся, а я уже готов! Посмотрим, кто кого.

Друзья сели на плот, который под тяжестью Святозара глубоко осел в воде. Богатырь упёрся палицей в дно реки и оттолкнулся, используя палицу как шест. Медленно и тяжело говорящий плот двинулся против течения.

– Какой вы сильный! Сразу видно: спортсмен, – восхитилась кошка Дуся и потёрлась о ногу Святозара.

– Брысь! Не болтай под руку! – пробурчал раскрасневшийся от напряжения богатырь.

Прошло немало времени, прежде чем Семиструйная река стала шире и сила течения ослабла. Теперь плот плыл быстрее. Но всё равно всем казалось, что они возвращаются очень, очень медленно. С тех пор как Злыдни схватили Машу и Куклавану, прошло уже около двух часов. За это время с ними могло произойти что угодно.

– Расскажите мне о Злыднях! Я должен знать, с кем мне предстоит сражаться, – Святозар повернулся к своим спутникам.

– Ну... Злыдни очень сильные и большие! – сказала Алёнушка.

– Они коварные и хитрые. Вместо сторожевых собак у них летучие мыши, – добавила Дуся.

– И ещё у них завораживающий взгляд! – вспомнила Оля.

Богатырь взмахнул палицей.

– Я не побоюсь посмотреть опасности в глаза!

– Только не в этом случае, – заметил Ученичкин. – Взгляд Злыдней завораживает и лишает воли. Впрочем, у меня есть идея!

Гномик достал из кармана тёмные очки с зеркальными стёклами. Он всегда надевал их в солнечную погоду и дорожил ими ничуть не меньше, чем записной книжкой и карандашом.

– Взгляд чудовищ можно выдержать, если надеть тёмные очки! Тогда злое волшебство будет отражаться от стёкол и потеряет силу.

– Ты хочешь, чтобы я надел на нос твои кругляшки? Они же совсем крошечные! – удивился богатырь.

Действительно, тёмные очки были маленькие и для Святозара явно не подходили. Ученичкин надулся. Как он сам об этом не подумал?

– Вот что бывает, когда нет возможности произвести все расчёты! – сказал гном с досадой.

– Не беда! Я знаю увеличительное заклинание. Меня научила Василиса, – утешила его Алёнушка.

Она наклонилась к очкам и что-то тихо прошептала. Тотчас очки стали расти – и вот они уже в самый раз Святозару. Богатырь примерил их.

– Ну как? – спросила Алёнушка.

– Вроде ничего, но всё равно нелепо. Где это видано – богатырь-очкарик? – усомнился Святозар.

– Очки нужны тебе теперь не меньше, чем палица. Запомни это! – сказала Алёнушка.

Внезапно послышался всплеск. Громадный камень врезался в воду недалеко от плота. Кто-то захохотал.

Глава девятнадцатая МАША И КУКЛАВАНЯ В ПЛЕНУ У ЗЛЫДНЕЙ

Маша увидела потолок с острыми шипами и поняла, какую смерть приготовили ей Злыдни. С каждым часом потолок будет нависать всё ниже, пока не раздавит её. На полу она разглядела белые, истолчённые почти в порошок кости. Никому из тех, кто попадал сюда прежде, не удалось выбраться. Всем был уготован страшный конец.

Маша вспомнила маму и папу и подумала, что, останься она в Москве, ничего подобного бы не случилось. Вместо того чтобы дрожать в мрачной пещере, она сидела бы сейчас в кресле перед телевизором и смотрела мультики.

«А вдруг это всё сон? Вдруг, погибнув здесь, я спокойно проснусь у себя дома, только-то и делов?» – подумала Маша. Однако она слишком хорошо понимала, что это не сон.

Нельзя сказать, чтобы положение Куклавани было намного лучше. Дочка Злыдней вытащила откуда-то клетку с двумя голодными крысами, открыла её и натравила крыс на пупса.

– Взять его! Сражайся, малютка, или тебя раздерут на части! – приказала она.

Крысы загнали Куклаваню в угол пещеры. Отступить пупсу было уже некуда. Когда одна из крыс бросилась на него, Куклаваня присел, и крыса врезалась в зеркало. Стекло треснуло и осыпалось, заставив крысу отскочить. За зеркалом Куклаваня увидел древнюю потайную дверцу, о которой, похоже, не знали и сами Злыдни. Она была маленькой и низкой. Дочка Злыдней, натравливая на пупса крыс, ничего не заметила.

Вслед за первой крысой на Куклаваню ринулась вторая. Она готова была разорвать его в клочья, но в последнюю секунду дочка Злыдней схватила крысу за хвост и бросила в клетку.

– Эта игра мне надоела! Что толку лишаться игрушки так быстро? – сказала она.

Дочка Злыдней схватила Куклаваню, привязала его к воткнутой в землю палке и принялась раскладывать вокруг дрова:

– Давай поиграем в повара и цыплёнок! Угадай с восьми попыток, кто будет цыплёнком?

Но Куклаване повезло. Когда мучительница уже собиралась поджечь дрова, её позвали старшие Злыдни:

– После доиграешь, доченька! Нужно разделаться с богатырём и теми козявками. Им удалось разбудить Святозара. Летучие мыши принесли нам эту скверную весть. Ну ничего, Святозару недолго жить!

Дочка Злыдней оставила Куклаваню привязанным к палке и ушла. Куклаваня подёргал верёвки. Не поддаются! Дочка Злыдней связала его крепко.

«Как бы мне распутаться? А то я похож на катушку с нитками», – подумал пупс.

Внезапно пупс вспомнил, что в одном из его карманов припрятан перочинный ножик. Куклаваня ощущал обнадеживающую тяжесть ножика через ткань, но не мог достать его связанными руками. Мог только дотянуться до самого кармана, так как мягкие ватные руки пупса гнулись во все стороны. Куклаваня попытался оторвать карман, но у него ничего не получилось. Карман был очень добросовестно пришит Олей.

«От этой куклы один вред! Раз в жизни не могла схалтурить! Погибай теперь из-за неё», – огорчился пупс.

К счастью, Куклаваня нащупал в ткани небольшую дырочку. Он вспомнил, что несколько дней назад, ещё в Москве, задел за гвоздь и поленился зашить.

– И хорошо сделал, что поленился! – обрадовался Куклаваня. – Если бы не эта дырочка, я бы погиб. И виновата во всём была бы Олька, которая слишком усердно пришивает карманы толстенными нитками!

Куклаваня расширил дырочку, достал перочинный ножик и перерезал верёвку. Освободившись, он поспешил в Пещеру Ужасов. Дубовая дверь была закрыта на засов. С немалыми трудами пупс отодвинул его.

– Скорее, Маша! Выходи! – крикнул Куклаваня.

Ему никто не ответил. Тишина. Потолок нависал над полом, почти упираясь длинными ржавыми шипами.

– Маша, где ты? – в ужасе прошептал Куклаваня.

А с Машей было вот что:

– Я не верю, что в Сказочной стране можно погибнуть! – повторяла Маша, а потолок с шипами опускался всё ниже.

Приглядевшись, Маша заметила, что шипы расположены на потолке неравномерно. Они были рассчитаны на взрослого человека или крупное животное. Между отдельными остриями встречались широкие просветы. В один из таких просветов и забились Маша. Только так ей удалось избежать верной гибели.

Услышав голос, который звал её, Маша решила, что это Злыдни проверяют, уцелела ли она, и промолчала. Но случайно она увидела маленькие ножки Куклавани и, протиснувшись между остриями, выползла из Пещеры Ужасов. Едва она это сделала, как скала гулко ударилась об пол, дробя в порошок старые кости и ломая шипы. Лишившись добычи, пещера с досады уничтожила себя.

– Куклаваня! Ты меня спас! – Маша схватила своего маленького избавителя и осыпала его поцелуями.

– Только не в ухо! Мне щекотно! – отбивался наш герой. – Здесь потайных коридоров больше, чем дырок в сите. Вон там за разбитым зеркалом есть одна странная дверца. Я её нашёл, когда воевал с крысами.

– А ты воевал с крысами? – ужаснулась Маша.

Пупс небрежно кивнул.

– Было такое дело. На меня напали тридцать, нет, сорок крыс. Разумеется, я их всех победил. Живой не ушла ни одна.

– Пупс, ты герой!

– Ну что ты, крошка! Не стоит благодарности! Я только делал свою работу! – подтвердил Куклаваня, сияя от гордости.

Маша задумалась, из какого мультика пупс утащил эту героическую фразу.

Маша и Куклаваня осторожно перешагнули через острые края разбитого зеркала и подошли к двери. Она была покрыта неизвестными письменами.

– Ого! Смотри, какая старая! Можно подумать, что она старше, чем эти горы, – удивилась Маша.

Дверь поддавалась неожиданно легко, даже не заскрипела. Друзья вышли в тёмный коридор. Узенькая лесенка без перил вела наверх. Маша и Куклаваня стали подниматься.

Глава двадцатая БИТВА

Они сбросят нас в воду! – воскликнула кукла Оля.

Ещё одна глыба врезалась в волны реки и окатила путешественников потоком разноцветной воды.

– Смотрите, это летучие мыши! – закричал Ученичкин.

Тёмные стремительные тени проносились над рекой и сбрасывали камни, которые несли в когтях. Вода пенилась от ударов. Летучие мыши издавали резкие торжествующие крики, когда камни попадали в плот. Несколько сотен мышей тащили в когтях большой валун, подобный тому, что едва не опрокинул плот минуту назад. Рассекая воздух, он полетел точно в середину плота, грозя перевернуть его. Богатырь Святозар изо всей силы ударил по глыбе палицей и отбил её. Но от удара камень разлетелся на осколки. Один из таких осколков оцарапал Алёнушке щёку.

– Ах! – воскликнула она и прижала к лицу руку, а когда отняла, на ладони алела капля крови.

Летучие мыши кружили над рекой, сбрасывая всё новые и новые камни.

– Ну держитесь! – дракончик Пыхалка взлетел и, выпуская длинные языки пламени, врезался в стаю летучих мышей. Мыши с ненавистью шипели, но напасть не решались.

Несколько струй огня – и стая летучих мышей заметно поредела. Обожжённые и ослеплённые, мыши прятались в чёрных щелях скал. Вожак летучих мышей с железными когтями подкрался к Пыхалке со спины и попытался вцепиться ему в шею, но дракончик повернул на лету голову и опалил его. Мышь заверещала и кинулась наутёк, натываясь на своды пещеры.

– Пыхалка! Ты победил! – закричала с плота Дуся.

Дракончик не услышал её. Разгорячённый, он погнался за вожаком мышей и исчез из виду.

Оказалось, что радовались друзья рано. Неожиданно на берегу возникло мохнатое чудовище с кривыми клыками. Оно замерцало красными глазами и уставилось на богатыря Святозара и отважных путешественников.

– Шутки кончились! Теперь я вас уничтожу! – прорычал Злыдень.

Злыдень уставился на Святозара. Но что это? К удивлению чудовища, богатырь, защищённый стеклами очков, выдержал его злобный, завораживающий взгляд.

Святозар сгоряча прыгнул на Злыдня с палицей в руке, но упал в воду. Плот был слишком далеко от берега. Пока богатырь боролся с течением, Злыдень произнёс страшное заклинание:

*Бука, Бяка и Бабай,
Просыпайся и вставай!
Бука, Бяка и Бабай,
Сундуки все открывай!
И оттуда, Бука, Бяка,
Выпускайте Раскоряку,
Чтобы этот Раскоряка
Вместе с Букою и Бякой
Воду квасил и мутил,
А Бабай бы кипятил.*

Едва Злыдень закончил ворожить, поднялся сильный ветер. Волны стали захлёстывать плот. На реке разыгралась буря. Все семь разноцветных потоков слились в один, грозный и стремительный. Вода вскипала, бурлила. Говорящий плот каждое мгновение мог перевернуться. Кукла Оля, Ученичкин, Мянун и Дуся прижались друг к другу и в ужасе дрожали. Казалось, ничто уже их не спасёт. Плот затягивало в огромный водоворот.

– Неужели я, такая юная, пушистая и красивая, могу погибнуть? – недоверчиво спрашивала Дуся кота Мянун.

– В теории, да, – важно, точно покусанный гномом Ученичкиным, отвечал Мянун.

– Раз мы всё равно погибнем, признайся: ты любил меня когда-нибудь?

– Когда-нибудь, – осторожно отвечал Мянун.

– Но хотя бы больше, чем жареную рыбу?

– И сравнивать вас нечего! – заверил её Мянун. И опять неясно было, что он, собственно, имеет в виду.

– Плотик! Вся надежда на тебя. Плыви к берегу! – прошептала Алёнушка.

Она наклонилась к самой воде и прошептала простенький добрый заговор:

Победить нам надо страх.

Силы зла, рассытись в прах!

И чудо свершилось. Скрипя, старый плот выровнялся и, захлёстываемый волнами, стал причаливать. Святозар ухватился за него и не дал реке снести себя в водоворот. Пока плот подплывал к берегу, Злыдень схватил с земли обломок скалы и хотел обрушить его на богатыря. Но Семиструйная река, пожалев Святозара, подхватила плот и выбросила его на берег. Брошенный чудовищем валун лишь окатил богатыря тучей брызг.

Поднять с земли новый камень Злыдень не успел. Богатырь ринулся на него с занесённой над головой палицей. Злыдень схватил двуручный чёрный меч, который прятал в камышах, и началось сражение. Алёнушка, Оля, Ученичкин, кошка Дуся и Мяун с тревогой следили за битвой, от которой зависела их жизнь.

Святозар ловко отбивал палицей удары Злыдня. Однако всякий раз меч чудовища отсекал от палицы богатыря всё новые и новые щепки. Вскоре палица Святозара была совершенно изрублена и не годилась для сражения.

Отбросив ставшее бесполезным оружие, богатырь прыгнул на Злыдня, и они покатились по земле, сжав друг друга в объятиях, от которых трещали рёбра и рвалась кольчуга. Из Пещеры Зеркал выбежали Злыдня и её дочка и бросились на помощь Злыдню. Они хотели сорвать со Святозара очки, чтобы сделать его уязвимым для их огненных взглядов.

Ученичкин, кукла Оля, Дуся, Алёнушка и Мяун тоже приняли участие в схватке, хотя и не обладали силой Святозара. Ученичкин размахивал портфельчиком, колотя Злыдня по лбу, чего тот, впрочем, и не замечал, сжимая в своих стальных объятиях богатыря. Кукла Оля действовала, как всегда, расчётливо. Она подкралась к дочке Злыдней и с застенчивым видом вонзила ей в ногу булавку.

– У! – завопила дочка Злыдней и попыталась укунить куклу Олю, но промахнулась и вместо этого ухватила зубами свою маму за палец. Злыдня, не оглядываясь, лягнула дочку так сильно, что та отлетела на середину реки и возмущённо стала пускать пузыри.

Злыдень оттолкнул богатыря и протянул свои страшные когтистые лапы к Алёнушке. Алёнушка использовала единственное оружие, которым наделила её природа.

– А-а-а-а! – завизжала Алёнушка так пронзительно, что чудовище зажало уши и отскочило подальше.

Тем временем Злыдня уже отдираала кошку Дусю от своей причёски, однако Дуся вцепилась крепко и никак не хотела отдираться. Мяун шипел на дочку Злыдней, пытавшуюся выбраться на берег, и царапался всеми четырьмя лапами.

Успех в битве постепенно начал клониться на сторону друзей. Святозар в гневе так сдавил Злыдня, что у того перехватило дыхание.

– Ты побеждён! Сдавайся!

Но тут раздался хриплый торжествующий смех Злыднихи:

– Ты ошибся, Святозар! Это тебе конец. Посмотри, какую птичку я поймала!

Злыдня схватила Алёнушку и поднесла к её шее острый нож. Едва заметив это, Святозар сразу отпустил Злыдня. Он ни на секунду не сомневался, что Злыдня убьёт девушку, если он этого не сделает.

– Ты принял правильное решение! А теперь свяжи себя этой волшебной верёвкой!

Злыдня пощекотала Алёнушку ножом и бросила Святозару верёвку. Едва богатырь дотронулся до неё, как верёвка обвила его с головы до ног. Другой её конец захлестнул Дусю, куклу Олю, Ученичкина и Мяуна.

Злыдень толкнул Святозара ногой.

– Глупое благородство! Ты уже почти победил, но не захотел пожертвовать этой дурёхой. Неужели думал, что мы сохраним ей жизнь? Ха-ха! Мы уже покончили с девчонкой из человеческого мира, а теперь наступила ваша очередь.

Святозар рванулся, пытаясь освободиться, но порвать волшебную верёвку было не по силам даже богатырю. Кукла Оля заплакала, а на Дусе шерсть от гнева встала дыбом:

– Ах вы страшилища! Гадкие и злобные! Никто вас не любит, а вашу дочку никогда не возьмут замуж! Такая она уродина!

В устах Дуси это звучало как самое большое оскорбление. Дочка Злыдней дёрнула Дусю за хвост.

– Не возьмут, и не надо! Ты мне нравишься, кошка! Я сделаю из тебя чучело или, может быть, шарфик.

Тем временем Злыдня зажгла небольшую свечку.

– Видите эту свечу? Когда она догорит, вы все умрёте. А я пока пойду, поставлю на огонь котёл. Отгадайте, чьё мясо будет у нас сегодня на обед?

Тем временем Маша и Куклавяня пробирались по потайному ходу за разбитым зеркалом. Вырубленные в камне ступени спиралью поднимались вверх.

– Где мы? Ты что-нибудь понимаешь, Куклавяня? – прошептала Маша.

– Ничего не понимаю. Апчхи! Сколько же здесь пыли! Апчхи! Впервые в жизни я становлюсь сторонником чистоты!

Куклаване и Маше преградила дорогу древняя паутина с высохшим пауком. Они рассыпались от одного прикосновения.

– Похоже, Злыдни и не подозревали, что в Пещере Зеркал есть потайная дверь. Интересно, сколько лет здесь не ходили? – сказала Маша.

– Лет пятьсот или... апчхи!.. всю тысячу! – Куклавания никак не мог остановиться и чихал, чихал.

Маша и Куклавания надеялись, что найдут выход к реке. Но лестница вывела в небольшую пещеру, высеченную в скале. Хотя никаких видимых источников света поблизости не наблюдалось, в комнатке было намного светлее, чем на лестнице. Её обстановка выглядела необыкновенно просто. Стол, дубовое кресло и огромная книга в истёртом кожаном переплёте. На всём лежал отпечаток времени. Дубовое кресло потрескалось и казалось таким дряхлым, что садиться на него никто бы не рискнул – оно могло рассыпаться.

Рядом с книгой лежала небольшая деревянная палочка, отполированная до блеска прикосновением чьих-то ладоней. Больше в комнате не было ничего. Только стол, кресло, книга, палочка и неровные своды потолка.

– Как ты думаешь, где мы? – шёпотом спросила Маша у Куклавани.

Девочка и пупс замерли у самого входа. Ничто не мешало им войти, но они испытывали странную робость.

– Тебе не кажется, что здесь... – Маша неуверенно посмотрела на пупса.

– ...жил Одинокий Волшебник, когда ушёл в горы, – закончил за девочку Куклавания.

– А где Волшебник сейчас? Не мог же он оставить здесь свою книгу и палочку? – спросила Маша.

Но её вопрос так и остался без ответа. Судьба Одинокого Волшебника навсегда осталась загадкой.

Маша подошла к столу Одинокого Волшебника и, стирая пыль, провела рукой по переплёту книги. Ей показалось, что кожа переплёта под её ладонью нагрелась. Маша испуганно отёрнула руку. Куклавания и Маша неотрывно смотрели на книгу. Неожиданно книга раскрылась. На её страницы время не оказало никакого воздействия. Заглавные буквы были красными и фигурными, как в старинных рукописях. Слова в строчках не разделялись. Страницы переворачивались сами собой и тихо шелестели.

– Внемлите мудрости времён! – вдруг прозвучал в пещере мерный и спокойный голос.

Маша испуганно оглянулась. Ей почудилось, что кто-то стоит за её спиной. Однако там никого не было. Звук доносился из стены пещеры.

– Это я, Одинокий Волшебник, говорю с вами из прошлого! Теперь, в мой последний час, будущее открылось мне. Я вижу всю жизнь на Земле с первых времён до последних. Я знаю, что наступит трудный час в истории острова Буяна и его жители будут запираются в своих домах, страшась ночи. Но на драконьей спине на остров Буян прилетит девочка и победит Злыдней. Девочка из большого мира! Прочти заклинание на последней странице книги. И утихнет буря, и уйдут Злыдни! Сделай это, и ты спасёшь своих друзей от грозящей им гибели. Но знай: у тебя всего одна попытка. Если ты запнёшься хотя бы раз или ошибёшься хотя бы в одной букве – всё пропало. Твои друзья погибнут, а остров Буян навсегда останется под властью Злыдней...

Голос Одинокого Волшебника смолк. Книга открылась на последней странице, и Маша увидела заклинание. Оно было написано слитно, и прочесть его было совсем непросто. Маша замерла. Она должна была собраться с силами и успокоиться. Слова Одинокого Волшебника всё ещё звучали у неё в ушах: «Если ты запнёшься хотя бы раз или ошибёшься хотя бы в одной букве – всё пропало».

«Ветертучабуряночьнесумеютейпомочь...» – зацепила Маша взглядом одну из строк и испугалась. О нет! Разве можно это прочесть без ошибки? Однако времени бояться не было.

Маша стала медленно читать заклинание. Ей пришлось сосредоточить всё внимание, чтобы разобрать слитные слова и не ошибиться:

*Силе зла не вечно быть,
Её можно победить.
Ветер, туча, буря, ночь не сумеют ей помочь.
Будет отовсюду гнать её доброй силы рать.
Золотым мечом огня
Воссияет искра дня!*

Едва Маша произнесла заклинание, буквы в волшебной книге стали расплываться. Но Маша не была уверена, что нигде не ошиблась, ничего не перепутала и не пропустила.

Хотя буквы заклинания пропали, больше ничего не происходило. Все вещи в пещере остались на своих местах. Ничего не выдавало присутствия волшебной силы.

– Может быть, мы что-нибудь неправильно сделали? – робко предположила Маша.

– Смотри! – Куклавая показал на скалу напротив стола Одинокого Волшебника.

В скале медленно открывался проход. Сплошной камень трескался. Неожиданно в трещину пробился яркий свет. В тесной скальной нише лежал золотой меч.

– Ух ты! Какая славная сабелька! – Пупс подбежал к мечу и попытался ухватить его за рукоять, но обжёгся и подул на пальцы.

– Тут есть ножны! Давай попробуем их взять! – сказала Маша, приглядевшись.

Едва она коснулась ножен, как золотой меч сам запрыгнул в них и зазвенел от нетерпения. Маша и Куклавая ещё раз взглянули с порога на жилище Одинокого Волшебника и стали спускаться по лестнице...

Когда Злыдни схватили Святозара, Ученичкина, Алёнушку, куклу Олю, Мяуна и Дусю, Пыхалка гнался за летучими мышами. Дракончик вернулся, только когда понял, что трусливые мыши не собираются больше нападать. Издалека он увидел на берегу бушующей реки своих связанных друзей.

Злыдень караулил пленников. Злыдня в пещере заканчивала приготовления к обеду. Она готовила острые ножи и крючья, чтобы свежевать мясо. Её дочка разводила костёр. Понимая, что в одиночку со всеми Злыднями ему не справиться, Пыхалка спрятался и стал думать, как помочь друзьям.

Подождав, пока чудовище отойдёт подальше, дракончик сделался невидимым, подкрался к связанным спутникам и шепнул:

– Не бойтесь, это я, Пыхалка! Я вам помогу!

Кукла Оля от неожиданности вскрикнула:

– Ты пришёл!

Злыдень услышал шум.

– Кто ещё пришёл? – спросил он подозрительно.

– Совесть твоя пришла! – сказал Мяун.

– Со-о-овесть? – протянул Злыдень. – И не надейтесь!

Когда Злыдень отвернулся, Пыхалка попытался развязать зубами верёвку, но у него ничего не вышло. Дракончик даже превратился в ножницы, но всё равно не одолел волшебных пут. Верёвка Злыдней была заколдована. Узел никак не желал поддаваться.

– Я обязательно придумаю, как вам помочь! Потерпите! – пообещал Пыхалка.

Свеча догорала. Злыдень поднял с земли меч и деловито потрогал пальцем лезвие.

– Чик – и готово! Можете понемногу решать, кто умрёт первым! – чудовище оскалило клыки.

– Убей меня, а их пожалей. Они же дети! – попросил Святозар.

Злыдень уставился на него маленькими глазками.

– Я тронут! Любовь к детям всегда была моим слабым местом. Так и быть: ты умрёшь первым! Прощай, богатырь!

Злыдень размахнулся мечом и...

– А ну стой! У нас ещё не всё готово! Мясо лучше варить свежим! Иди сюда, помоги с костром! – крикнул Пыхалка голосом Злыднихи.

Злыдень опустил меч.

– Твоё счастье, что я примерный семьянин! Если я не послушаю жену, она – ха-ха! – меня самого сварит!

Злыдень ушёл, а Пыхалка попытался пережечь верёвку. Бесплезно. Огонь её тоже не брал, как раньше не брали зубы.

– Мьяун! Ты ничего не хочешь мне сказать? Очень может быть, что мы скоро умрём, – промурлыкала Дуся.

– Посмотри на это с другой стороны! Допустим, я скажу тебе то, что ты хочешь, а мы возьмём и не умрём! Тогда я пожалею, что вякнул что-то лишнее! – ответил ей кот Мьяун.

– Нет, мы умрём! Говори! – настаивала Дуся.

– Не скажу! Мряяу!

– А я говорю: говори! Мьяяяя!

– Размяукались тут, как весной под окнами! Тише! Злыдни услышат! Лучше перекатитесь за камни! Спрячьтесь! – рассердился Пыхалка.

Золотой меч указал Маше и Куклаване кратчайший путь к друзьям. Он выскочил из ножен и разрезал скалы легко, будто сливочное масло. Умный меч повёл Машу и пупса в обход Пещеры Зеркал, где хозяйничали Злыдни. Вскоре они были уже у реки.

– Пыхалка! Оля! Алёнушка! Где вы? – позвала Маша.

Из-за ближайшего валуна высунулась голова дракончика.

– Маша! Куклаваня! Вы живы? А Злыдни хвалились, что не оставили от вас даже мокрого места.

– Эти Злыдни просто младенцы. Ничего не доводят до конца, – заявил Куклаваня.

Он заглянул за валун и увидел Святозара, Олю и кошек.

– Что делаем? В прятки играем? – поинтересовался пупс.

Золотой меч одним лёгким прикосновением перерезал заколдованную верёвку Злыдней и прыгнул в руку к богатырю Святозару.

– Меч Одинокого Волшебника! Откуда он у вас? – воскликнул обрадованный богатырь.

– Мы нашли убежище Одинокого Волшебника в горах! И его книгу с заклинаниями! Потом всё расскажем, а теперь нужно торопиться! Колдовство Злыдней должно быть разрушено! – торопливо проговорила Маша.

Святозар поднял меч над головой и повернулся лицом к водам бурлящей реки. В то же мгновение буря стихла. Ветер перестал рвать в клочья разноцветную пену. Река, как прежде, разделилась на семь потоков. Её взбаламученные воды обрели прозрачность. Наступила необыкновенная тишина.

Заподозрив неладное, чудища выскочили из пещеры. У Злыдня в руках был чёрный меч, у Злыднихи – пылающий сук, у их дочери – несколько крупных камней. Увидев, что богатырь освободился, а Маша жива, Злыдень заскрежетал зубами. Его красные глаза замерцали. Он произнёс грозное заклинание. Но его колдовство утратило силу. Сколько Злыдень ни старался, всё было бесполезно. Скальные своды не обрушивались на головы друзей, река не выходила из берегов, а земля не разверзалась у них под ногами. Даже взгляды Злыдней, прежде смертельно опасные, теперь никому не могли повредить. Чары Одинокого Волшебника, жившего тысячу лет назад, и сейчас были сильнее ворожбы чудищ.

Увидев золотой меч, Злыдни на секунду отступили. На их злобных мордах отразился страх.

– Почему я не прикончил тебя раньше? Но ещё не поздно сделать это сейчас! – взвыл Злыдень, бросаясь на Святозара.

Золотой меч и меч чёрный скрестились. Во все стороны полетели искры. Злыдень и богатырь рубились, вкладывая в удары всю силу. Исход битвы долгое время не был ясен. Но вот чёрный меч Злыдня переломился у рукояти. Крак! Богатырь приставил лезвие золотого меча к горлу Злыдня.

– Не убивай меня! Я сдаюсь! Мы все сдаёмся! – прорычало чудовище.

Святозар связал Злыдней их же собственной верёвкой, которая тотчас срослась, едва ей указали новую добычу. Чудовища скрежетали зубами. Красные глаза горели ненавистью.

Святозар поднял шлем, обронённый во время битвы, и, зачерпнув воды из реки, напился.

– Уф! Нелегко далась нам эта победа! Без золотого меча я бы погиб... Спасибо вам! Вы дважды спасли меня: от бесконечного сна под водопадом и теперь, когда принесли золотой меч, – сказал он друзьям.

Куклаваня подтянул штанишки:

– Пустяки! Можете не благодарить! Нам к подвигам не привыкать. Мы, пупсы, ужасно героические!

Алёнушка с тревогой посмотрела на Злыдней:

– Как с ними поступим? Оставлять их в Сказочной стране нельзя. Они опять возьмутся за старое. А заточить в темницу – слишком жестоко. Проявив однажды мстительность, мы сами станем ничуть не лучше Злыдней. Да они и убежать могут...

– погоди! На золотом мече что-то написано! Я увидела это ещё в пещере, но не успела прочесть. – Маша взглянула на лезвие меча, блестевшего в руках у Святозара.

– Ага! – просияла Алёнушка, едва взглянув на надпись. – Одинокий Волшебник знал всё наперёд. Здесь заклинание, позволяющее послать Злыдней в прошлое на много миллионов лет. Оно открывает двери времени!

– Замечательная идея! Из прошлого они не смогут вредить Сказочной стране, – одобрил Святозар.

Алёнушка мечом очертила вокруг Злыдней круг и, глядя на клинок, прочитала:

*Эй, метель, метель, метель,
Ледяная карусель!
Ты ветри, кружи, пуржи,
Злыдней ты в кольце держи!
Знаешь только ты одна
Ход без стен и ход без дна,
Ход в иные времена!
Злыдни там, мы же тут.
В прошлом пусть они живут.
А теперь, метель, метель,
Навсегда захлопни дверь!*

Едва Алёнушка договорила, в пещере возникло яркое сияние и внутри круга, в котором были Злыдни, стали происходить странные вещи. Появлялись и исчезали расплывчатые образы. То проступало дерево, то море, то зелёный луг, то скала, то глинистые овраги. Время отступало вспять, и проявлялись картины давно минувшего, зримые и отчётливые. Потом Злыдни исчезли. Мерцающий круг погас.

– Всё! Они в прошлом. Нас разделяют миллионы лет! – с облегчением выдохнула Алёнушка.

– А там, в прошлом, они никому не навредят? Не получится, что мы подложили своим прабабушкам и прадедушкам свинью? – забеспокоилась вдруг Маша.

Ученичкин пролистал записную книжечку.

– Не думаю. Миллионы лет назад на Земле жили динозавры. А они такие громадины, что сумеют за себя постоять.

Неожиданно Куклавания расхохотался.

– Ты что? – спросил озадаченно Ученичкин.

– Я вдруг вспомнил, что... что динозавры вымерли. И я, кажется, знаю почему.

Глава двадцать первая ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВОЛШЕБНУЮ ДОЛИНУ

Победив Злыдней, друзья сели на плот и по реке отправились в Волшебную долину. Туда вело два пути. Первый через лабиринт и горы, второй – рекой.

– По реке безопаснее. Хватит с меня гор и лабиринтов, – заявила кукла Оля.

– Ты забыла про водопад! Как мы через него переберёмся? – забеспокоилась Алёнушка.

– Я кое-что придумал! – Ученичкин показал рисунок в своей записной книжечке.

– Что это за колдовские значки? – удивился Святозар.

– Чертёж парашюта. Мы возьмём скатерть-самобранку, сошьём из неё парашют, привяжем к плоту и спустимся с водопада, – объяснил Ученичкин.

– А ты уверен, что получится? – встревожилась кошка Дуся. Она вспомнила огромную высоту водопада и острые скалы внизу.

– Теоретически должно получиться. Хотя, конечно, всякий эксперимент сопряжён с определённым риском, – успокоил её гномик.

Пока они плыли, Алёнушка и Ученичкин расправили скатерть-самобранку и прочитали увеличительное заклинание, чтобы она стала больше. Ученичкин достал из портфельчика ножницы и, прежде чем кто-нибудь успел его остановить, быстренько перекроил самобранку, придав ей необходимую для парашюта форму.

– Что мы скажем Бабе-яге? Испортить её лучшую скатерть! – испугался кот Мяун.

– Если мой эксперимент потерпит неудачу, мы ей уже ничего не скажем! И вообще: мелочи! Наука требует жертв! – отмахнулся гном.

– Но не человеческих! Я согласна идти через лабиринт! – замахала ручками кукла Оля.

Но было уже поздно что-то менять. Плот несло к краю водопада. Прежде чем ухнуть в бездну, плот на мгновение замер на краю и понёсся вниз с чудовищной высоты. Все, даже Святозар, закрыли глаза.

– Начинаем отсчёт! Три, два... Или нет, не так. Три на волосочке, три на ниточке, ниточка обрывается, два. Два на волосочке, два на ниточке, ниточка обрывается... – забубнил Ученичкин.

Острые скалы внизу становились всё ближе и ближе.

– Скорее, гномик, скорее! – кричали Алёнушка и Маша.

– Я не могу работать, когда меня торопят! Вот сбился из-за вас! Придётся начинать заново! Два на волосочке, два на ниточке... – рассердился Ученичкин.

Ветер свистел в ушах. Сердца путешественников замирали от ужаса. Ученичкин любовно возился с парашютом, напевая что-то себе под нос. Неожиданно Маша почувствовала сильный толчок, и над плотом раскрылся матерчатый купол. Плот сильно дёрнуло. Скорость падения замедлилась, но всё равно камни приближались слишком быстро.

– Неужели я ошибся в расчётах? Быть не может! – забеспокоился Ученичкин.

В последний момент плот успел снизить скорость и мягко спланировать на воду. Пока он падал, ветром его отнесло от скал. Водопад остался позади. Путешественники открыли глаза:

– Ученичкин, ты сумасшедший!

– Ничего подобного! Я гений, хотя это одно и то же! – запротестовал гномик.

После того как водопад был пройден, основные трудности были позади. Хотя ещё не раз Семиструйная река меняла направление, огибала горы и скалистые берега, и тогда плоту чудом удавалось удержаться на середине реки. Вода бурлила и обдавала путешественников брызгами, жёлтыми, красными, синими, голубыми.

– Моё платье стало совсем разноцветное! Как я его теперь отстираю? Не ходить же мне в крапинку, как замарашке! – пожаловалась кукла Оля.

– Смотри на вещи проще! Керосинчиком как-нибудь ототрём. Правда, пахнуть будет ого-го, но это не самое страшное! – утешил её пупс.

Представив, как будет вонять её платье, если Куклавания ототрёт его керосинчиком, Оля едва не расплакалась.

– Не волнуйся! – рассмеялась Алёнушка. – Когда вода высохнет, пятна сами исчезнут. Это же волшебная река, а не загрязнённая. Вода здесь лечебная. Когда у нас кто-нибудь заболевает, мы поим его этой водой! Синяя – от простуды, красная – от насморка, жёлтая – от ангины, оранжевая – от ломоты в костях.

– А от ОРЗ какая вода? – спросила Маша.

Каждую зиму она обязательно подхватывала это дурацкое ОРЗ и неделями сидела дома.

– Не знаю. Я о такой болезни в первый раз слышу, – развела руками Алёнушка.

– То-то и оно, – снисходительно заявил пупс. – Ваша сказочная медицина даже ОРЗ ещё не придумала. Что уж тут говорить о такой серьёзной болезни, как КИС?

– Что ещё за КИС? На что ты намекаешь? – кошка Дуся подозрительно уставилась на пупса.

Куклаваня всплеснул ручками.

– Глупая ты, ой, глупая! И про КИС не знаешь! КИС – это Кашель И Сопли. Страшно неприятное заболевание! Только я им не заражаюсь!

– Где уж тебе, дурачку ватному! – сказала Оля.

Маша достала из сумки бутылку и наполнила её водой из реки, чтобы выпить зимой, если простудится. Она была предусмотрительная девочка и любила, чтобы в нужную минуту всё всегда оказывалась под рукой.

Плыть по реке было приятно. Вокруг плота сверкала и искрилась разноцветная вода. Она мягко покачивала плот, убаюкивала. Стены подземной пещеры расширялись, сужались, расходились то ввысь, то вширь. В воде играли жёлтые и красные рыбы. Они были умные и не подплывали близко к Дусе и коту Мяуну, хотя те и приглашали их поболтать о том о сём.

Плыть пришлось долго. Говорящий плот не торопился, а иногда даже причаливал, чтобы показать путникам что-нибудь интересное. Например, наскальные рисунки.

– «Смотрите туда! Не смотрите сюда!» Не хватало, чтобы нам устроили занудную экскурсию! – ворчал Куклаваня, который однажды съездил с Машей на автобусную экскурсию по улицам Москвы и едва не лопнул от скуки.

И в самом деле, только Куклаваня успел это сказать, как плот, давно крепившийся, заговорил бойким деревянным голосом:

– Уважаемые путешественники! Посмотрите налево по ходу движения! Мы проплываем так называемую Большую пещеру, расположенную в центральной части скальной гряды Мёртвых гор. Её протяжённость на юг более десяти километров. Высота потолков местами достигает тридцати двух метров. Глубина реки колеблется от трёх до четырёх метров. Скорость течения – пять километров в час.

Глаза Ученичкина вспыхнули, и он ухватился за записную книжку. Маша, Пыхалка и Куклаваня поочерёдно зевнули. Так почему-то всегда случается: если зевнёт один, следом за ним зевают и остальные.

– Дорогой плот! Мы ужасно устали и хотим спать, – сказала Маша.

– Что же вы раньше молчали? Я спою вам колыбельную! – обрадовался плот и заскрипел:

– Баю-баюшки-баю!

Делать нечего, пришлось терпеть. Не ругаться же с плотом, который их везёт? Путешественники устроились поудобнее, подложили под головы пострадавшую от активности Ученичкина скатерть-самобранку и уснули под скрип плота и плеск реки.

Всю ночь Семиструйная река несла плот, а утром вынесла его на равнину. Утром Маша проснулась и увидела в воде расплывающееся пятно солнца и кроны деревьев.

– Мы в Волшебной долине! Пыхалка, Оля, вставайте скорее! – закричала Маша, расталкивая друзей.

– Я нарочно плыл медленно! Вы так сладко спали, – сказал плот, причаливая к берегу.

– Спасибо тебе, милый плотик! – сказала Маша.

Солнце стояло уже высоко. В ветвях склонившегося к воде дерева разрабатывал неокрепший голос молодой соловей. «Опять сфальшивил. Выше бери! Выводи рулады! Вот так: „Фьють-тьох-тьох-тьох!“ Сколько можно тебя учить?» – учило его дерево.

Кошка Дуся потянулась, умылась, привела в порядок шёрстку и, лишь закончив с делами, залюбовалась Волшебной долиной.

– Как это поэтично! Вчера мы были там, а сегодня уже здесь! Вопрос, где мы будем завтра? – глубокомысленно произнесла она. Потом Дуся словно что-то припомнила и, озираясь, затрусила по направлению к Говорящему лесу.

– Ты куда, Дуська? – любопытствовал Мяун.

– Есть вопросы, на которые женщина не отвечает! – крикнула Дуся, исчезая в кустах.

Кукла Оля, проснувшись, первым делом проверила, исчезли ли разноцветные пятна на её платье. Увидев, что пятен нет, Оля облегчённо вздохнула:

– Мне снилось, что моё платье так и осталось пёстрым. Просто ночной кошмар!.. Доброе утро, Маша! Доброе утро, Алёнушка! Доброе утро, пупс!

– Доброе, доброе! – передразнил Куклаваня, приглаживая ладонью рыжие вихры. – Это и дураку понятно, что не злое. Не надо говорить обо всём, что думаешь, глупая кукла!

– А ты думай, что говоришь! – оскорбилась Оля.

Пыхалка полез купаться. Он фыркал, плескался, нырял и один раз так долго не выныривал, что перепугал Машу. Потом оказалось, что Пыхалка спрятался в камышах. Алёнушка же, едва проснувшись, заторопилась к Иванушке.

– Как он там без меня? Не зачах ли?

Алёнушка побежала через Говорящий лес к избушке, где её ждал братец Иванушка. Она хотела сделать братцу сюрприз, но болтливые деревья опередили её. Иванушка уже спешил по тропинке навстречу Алёнушке. Он крепко обнял сестрицу, чтобы никто больше её у него не отнял.

Богатырь Святозар тоже засобирался. В лесу у него было множество друзей.

– До свидания! Ещё увидимся! – крикнул он на прощание.

По пути к Драконьей горе друзья заглянули в избушку на курьих ножках. Баба-яга встала рано. С рассвета она копалась в огороде и гремела кастрюльками. Увидев кота Мяуна, Баба-яга проворчала:

– Вернулся, котина пошатущий! Проголодался небось?

Хотя Баба-яга и ворчала, ощущалось, что она рада возвращению кота. Мяун ласкался к Бабе-яге, а одним глазом уже косил в сторону своей миски.

Дуся кашлянула.

– Кгхм! Не хочешь со мной поделиться?

Хитрый Мяун сделал вид, что заинтересовался порхающей рядом бабочкой и не слышал.

– Не угостишь меня? – повторила Дуся совсем громко.

Видя, что не отвертеться, Мяун печально вздохнул:

– Только не съедай всё!

Маша, Пыхалка и кукла Оля подошли к Бабе-яге.

– Видела я все ваши похождения! Почитай, весь лес со мной в блюде глазел! Очень испереживались. Некоторые даже в обморок падали. Сегодня вечером у нас пир, песни, хоро-воды. Всю ночь будем гулять. Теперь что ночь, что день – не страшно! Гуляй – не хочу! – сказала старушка.

Пыхалка переминался с лапы на лапу. Ему не терпелось поскорее обрадовать маму и деда Горыныча. Не утерпев, дракончик посадил к себе на спину Ученичкина, куклу Олю и пупса и полетел к Драконьей пещере. Маша едва за ним успевала.

*Отворяй ворота
Ключиком-замочком,
Золотым платочком, —*

приказал Пыхалка, и гора отъехала в сторону. Дракончик быстро сбежал по ступенькам. Дед Горыныч дремал на диване в гостиной. Одна его голова похрапывала, а другая посапывала. Дракончик замер на пороге, глядя на дедушку. Дыхание у него перехватило, как от крепкого перца. Одна из голов Горыныча проснулась, увидела Пыхалку, ахнула и разбудила

другую голову. Драконы, большой и маленький, потёрлись друг о друга носами и принялись в восторге кружить по гостиной, да так стремительно, что едва не переломали всю мебель. Услышав шум, прибежала дракониха.

– Мамочка!

– Пыхалка!

Описать невозможно, что тут началось! Маша прижалась к стене, а Куклавяня и Оля спрятались под стол, потому что буквально вся комната была полна восторженными драконами, которые хлопали крыльями и свистели радостным драконьим свистом, от которого едва не рушились стены.

Наконец драконы несколько поутихли и успокоились. Вспомнив, что гости не завтракали, дракониха засуетилась и мигом накрыла огромный крылатый стол. Маша, Пыхалка и куклы оседлали летающие кресла и взмыли под потолок.

– Ого-го! Ого-го! Давненько я не угощался! – восторженно закричал Куклавяня, хватая тарелку со сладким пирогом.

– Перестань! Подожди, пока все усядутся за стол. Веди себя как приличный человек! – толкнула его Оля.

– Не обзывайся! Сама ты человек! И вообще, где ты видела, чтобы приличные люди обедали под потолком? – оскорбился Куклавяня.

Глава двадцать вторая МИХРЮТКА В ТЕАТРЕ

В тот день и час, когда после победы над Злыднями путешественники плыли по Семи-струйной реке, Пирожков пригласил Михрютку и Авдохину в Детский театр. Родители Маши ещё не вернулись из Петербурга, и Михрютка жила у соседки снизу.

Авдохина с утра успела побывать в парикмахерской. Она вела себя неестественно: то нервничала, то смеялась и не доставала Михрютку своим обычным занудством.

– И чего это она так рвётся в театр? Вот уж не думала, что Авдохина такая театралка! – удивлялась Михрютка.

Но при всём том Авдохина осталась прежней и, когда Михрютка из любопытства наредила губы помадой, которую нашла на туалетном столике, страшно рассердилась:

– Маленькая ещё, чтобы помадой мазаться. Возьми салфетку и сотри!

– А когда мне можно будет краситься? – спросила Михрютка.

– Когда большая будешь!

– А когда я буду большая? Когда мне будет столько же сотен лет, сколько и вам? – полюбопытствовала Михрютка.

Авдохина её не услышала. Она прикалывала к платью брошку.

«Хорошо быть взрослой! – мечтала Михрютка. – Красься хоть до ушей, и никто ничего не скажет. А ребёнку ничего нельзя. Цветочные горшки в окна кидать нельзя, обои разрисовывать фломастером нельзя, затапливать пол и пускать кораблики – нельзя. Не жизнь, а сплошное бесправие!»

Спектакль начинался в два часа дня. Ровно в половину первого за Авдохиной и Михрюткой зашёл сосед в белом летнем костюме. Пирожков уже давно отпуская для важности бородку, немного козлиную, но крайне благопристойную. Бородка выросла, окрепла и, вписавшись в образ князя Пирожевского, сделала его похожим на шкипера в отставке.

– Вы готовы к культпоходу, любезная Антонина Петровна? Тогда можно идти! – Пирожков пропустил Михрютку и Авдохину в подъехавший лифт.

– А как мы доберёмся до театра? – спросила Михрютка.

– На метро, как же ещё? Не на такси же! – искренно удивился Пирожков.

– На метро?

Михрютка забыла, что Маша, которую она заменяла, хорошо знала, что такое метро. По счастью, Пирожков и Авдохина не обратили внимания на странные слова девочки. Не имея собственных детей, оба искренне считали, что детям положено задавать глупые вопросы и совершать непредсказуемые поступки.

По дороге Пирожков и Авдохина завели скучный, очень взрослый разговор о пенсиях и ценах. Вначале Михрютка, по своей привычке влезать, попыталась принять в нём участие, но вскоре отвлеклась и запрыгала по плиткам тротуара.

Метро поразило Михрютку меньше, чем она ожидала. Пещера дракончиков тоже находилась под землёй, а в том, что поезда, громыхая, исчезали в тоннелях, не было ничего особенно захватывающего. На острове Буяне Михрютка встречала немало волшебства, в сравнении с которым метро казалось очень заурядным чудом. Больше всего драконёнку понравились движущиеся ступеньки.

– Как называется эта шустрая лесенка? – Михрютка дёрнула Пирожкова за рукав.

– Разве тебе родители не говорили? Эскалатор!

Пирожков принялся было занудно объяснять про электричество и про лошадей, которые сидят где-то в моторе, но Михрютка не дослушала. Она ловко спрыгнула с последней ступеньки и устала на стеклянную будку, в которой сидела дежурная по станции.

– А зачем женщина в будке? Она кто? Сторожевая бабка? Следит, чтобы никто не украл самодвижущуюся лестницу? А сколько килограммов золота она получает в день?

Михрютка не успела выяснить насчёт сторожевой бабки, потому что тотчас у неё возник другой вопрос:

– А почему открываются двери у поезда? Кто говорит: «Отворись ворота ключиком-замочком, золотым платочком»?

Пирожков совершенно захлебнулся в потоке детского любопытства и не знал, что отвечать, но тут Михрютка увидела нечто, что заинтересовало и отвлекло её.

На станции «Маяковская» в вагон вошли три старушки-близняшки. На руках у каждой старушки было по толстой белой болонке. «Ав! Ав!» – лаяли болонки. «Тише!» – успокаивали их старушки. Михрютка ошалело переводила взгляд с одной старушки на другую. На лице у неё отражалось крайнее недоумение. Наконец она не выдержала, подошла к ним и спросила:

– Простите, что я вас беспокою! Не могли бы вы сказать, которая из вас настоящая?

– Настоящая? Какая смешная девочка! – старушки так и покатались со смеху, а болонки затыкали. Михрютка хотела ещё пообщаться со старушками, но поезд остановился:

– Станция «Театральная», – объявил механический голос.

– Приехали! Нам выходить! – заторопились Пирожков и Авдохина.

Михрютка помахала старушкам-близняшкам. Болонки завивляли хвостиками.

– Какие милые пожилые женщины! Может, тоже княгини. Благородство, оно, знаете ли, ощущается, – сказал Авдохиной Пирожков.

Авдохина, которой тоже хотелось быть причисленной к аристократии, осторожно поддакнула. Едва они вышли из метро, Михрютка сразу потянулась к киоску с мороженым.

– Только не сейчас! Мы опаздываем! – быстро проговорил Пирожков.

Здесь, пожалуй, он несколько преувеличил. Детский театр был совсем близко от метро, а приехали они даже раньше, чем требовалось. Оставшиеся полчаса Пирожков водил Авдохину и Михрютку вокруг ЦУМа, чтобы держать их подальше от всяких соблазнов вроде театрального буфета и киосков с мороженым.

– А какой он, театр? – допытывалась у Авдохиной Михрютка.

– Театр? – рассеянно переспросила Авдохина. – Ты разве не знаешь? Театр – это сфера культуры. Магазин – это, так сказать, сфера искусства, а театр – сфера культуры.

– На театральной сцене демонстрируются спектакли с общественно полезной моралью, имеющие серьёзное образовательное значение, – важно добавил князь Пирожевский.

Михрютка прониклась.

– А что я должна буду делать в театре? – поинтересовалась она. Маленькому дракончику не хотелось совершить какую-нибудь оплошность во время спектакля.

– В театре? В театре... э-э... смотрят и делают правильные выводы. А потом поступают согласно этим выводам, – в лёгком замешательстве проговорил Пирожков.

Ближе к началу спектакля Михрютка, Авдохина и Пирожков вошли в театр и сели на свои места. Михрютка вертела головой во все стороны. Ей всё было интересно. Но вот наконец погас свет. Заиграла музыка. Занавес отъехал в сторону. Прожектора высветили сцену. Михрютка ахнула:

– Как красиво!

– Тшш! Не шуми! Восхищайся молча! Не мешай восхищаться окружающим! – одёрнула её Авдохина.

Спустя некоторое время на сцене появились три поросёнка, построили домики и запели песенку:

Нам не страшен серый волк,

*Серый волк, серый волк!
Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?*

Волк – пузатый актёр средних лет – не заставил себя ждать и спрятался на сцене так близко от поросят, что даже странно было, как те его не заметили. Наверное, у них были проблемы с мозгами.

– Нам не страшен серый волк! – пели поросята, незаметно подходя всё ближе к волку. Михрютка заволновалась. Похоже, дело затевалось нешуточное.

– В поросятах знаю толк! – Волк облизнулся и прыгнул на бедняжек.

Поросятки едва успели попрятаться по своим домикам. Но, конечно, домик из соломы не мог выдержать напора волка. На мордочке поросёнка застыл ужас.

– Спасите! Кто-нибудь, спасите! – закричал поросёнок, заливаясь слезами.

Услышав мольбу о помощи, Михрютка сделала вывод, окончательный и бесповоротный. Она сорвалась со своего места и крикнула:

– Держись, свинка! Я тебе помогу!

Авдохина не успела её удержать. Михрютка уже забралась на сцену. Волк с тревогой уставился на неё. Он воевал с поросятами не один десяток спектаклей, но никто никогда за них не заступался. Михрютка проскользнула в окно соломенного домика и крикнула удивлённому поросёнку: «Ну, чего ты ждёшь, глупая свинья? Чтобы тебя съели?»

Поросёнок попятился. Не теряя времени, Михрютка навалилась на дверь, чтобы не дать волку войти. Растерявшийся волк лепетал:

– Девочка, успокойся! Вернись в зал! Если я его и съем, то только понарошку!

– Ничего себе понарошку! Нашёл дуру! Думаешь, я не знаю, как понарошку едят! – отвечала Михрютка.

Зал, решив, что так всё и было задумано с самого начала, взорвался аплодисментами. Некоторые впечатлительные юные зрители тоже возжелали защищать поросёнка, а один мальчик даже швырнул в волка маминой сумочкой, которую потом так и не нашли.

Пирожков выбежал на сцену, чтобы утащить оттуда Михрютку, но она восприняла его поступок совсем по-другому. Она решила, что он собирается помочь ей справиться с волком.

– Молодец, князь! Вызови волка на дуэль! Выпусти ему кишки! Не бойся, малютка поросёнок, тебя сейчас спасут!

Но князь Пирожевский обманул надежды Михрютки. Вместо того чтобы вызвать волка на дуэль, он подскочил к Михрютке, сгрёб её в охапку и помчался к выходу из театра. Помните, Пирожков ещё удивился, какой тяжёлой может быть семилетняя девочка.

– Поросёнок, нас предали! Князь в сговоре с волком! Беги, поросёнок, беги! – кричала Михрютка.

На улице к Пирожкову и Михрютке присоединилась запыхавшаяся Авдохина.

– Ты с ума сошла! Кто тебя научил таким глупостям? – набросилась она на Михрютку. Михрютка молча и гневно ткнула указательным пальцем в грудь Пирожкову:

– Он!

– Как он? – растерялась Авдохина.

– А кто говорил: «Смотри спектакль, делай правильные выводы и поступай согласно этим выводам»? Вот я поступила. А вы? Как вы могли бросить в беде поросёнка, князь?

Михрютка надулась и отвернулась от Пирожкова. Тот схватился руками за голову:

– Всё, хватит! Ничего не понимаю! Сами воспитывайте своих детей! А я отказываюсь! Решительно отказываюсь!

– Перестаньте! – успокаивала Пирожкова Авдохина. – Она просто очень впечатлительный и нервный ребёнок. Ей не хватает витаминов. Почему бы нам не купить ей бананов или апельсинов?

Пирожков испуганно отшатнулся.

– Купить?! Ни за что на свете! Лучше убейте меня сразу!

Глава двадцать третья ПИР ГОРОЙ

Жители Сказочной страны! Букашки и таракашки, чистюли и замарашки, медведи и лоси – всех милости просим! Приглашаем на пир на весь мир! Сами приходите, друзей приводите, детей приносите! – повторяли деревья и кустарники Говорящего леса.

К вечеру в Волшебную долину стали сходитьсь, слетаться, сползаться все без исключения жители Сказочной страны. Разумеется, гости тоже были приглашены, да и как могло быть иначе, когда все они были настоящими героями, спасителями острова Буяна.

– Ой! У меня же нет ни одного приличного платья! – воскликнула Оля, узнав о приглашении.

– Полно врать-то! У тебя полный чемодан всякого тряпья! – одёрнул её Куклаваня.

– Ничего не понимаешь, пупсина, вот и молчи! Среди моих платьев ни одного подходящего!

Оля топнула ножкой и едва не расплакалась. Пупс озадачился. Он никогда прежде не видел Олю в таком состоянии, разве что однажды, когда кошка Дуся ненароком ободрала когтями занавески в её домике. Да и Маша, хотя не выражала открыто своих чувств, выглядела расстроенной.

Мама-дракониха хотя и не носила платьев, сумела понять причину страданий Оли и Маши и посоветовала обратиться к Стрекомарику.

– Стрекомарик – это кто? – удивилась Маша.

– Любимое дитя стрекозы и муравья, внук комара. Лучший портной Сказочной страны. Он одевает всех местных Золушек, и они выскакивают замуж за принцев. Стрекомарик из любой бочки сделает конфетку.

– Я не бочка! У меня красивая фигура! – почему-то обиделась кукла Оля, хотя дракониха не имела в виду её.

– Мне бы хотелось белое платьице! – засмушалась Маша.

– А мне новый красный колпак! – сказал Ученичкин.

– А нам непромокаемые штанишки! – робко попросили зайчики Синеус и Трувор.

Стрекомарик жил в уютной норке под корнями старого дуба.

– Рад вас видеть! Какую одежду вам сшить? – приветствовал он гостей.

Стрекомарик походил на стрекозу с громадными радужными глазами, вот только нос у него был длинный, как у комара, и напоминал иголку. Своим длинным острым носом он строчил вдвое быстрее и лучше любой швейной машинки. От муравья же он унаследовал трудолюбие и форму лапок, которыми удобно было перебирать ткань.

– Что желаете заказать? – переспросил Стрекомарик.

– А это будет не слишком дорого? – засомневалась кукла Оля.

– Для победителей Злыдней всё бесплатно! – заверил её Стрекомарик.

Услышав слово «бесплатно», Куклавания подбежал к Стрекомарику и поочерёдно пожал все восемь его ручек.

– Какое благородство! Право же, неудобно затруднять... Мне, пожалуйста, полный гардероб – весеннюю, летнюю, осеннюю, зимнюю одежду... Запишите или так запомните? И не забудьте, что мы победители Злыдней!

Стрекомарик терпеливо поклонился. Чтобы Куклавания, Ученичкин и зайчики не маялись от нетерпения и не мешали, Стрекомарик быстро сшил им всё, что они попросили. Ученичкину – несколько разноцветных колпаков, Куклаване – фрак и несколько рубашек, зайцам – непромокаемые штанишки, чехлы для ушей и рыдательные платки увеличенных размеров. Расправившись с этой рутинной работой, Стрекомарик выпроводил всех, оставив лишь Машу и куклу Олю.

– По-настоящему, я люблю заниматься только платьями для девочек! Мужская одежда это так, проза жизни... Я знаю, какие платья пойдут вам больше всего. Стойте и не шевелитесь, мне нужно снять мерку. – Стрекомарик в предвкушении потёр лапки.

До самого вечера он кроил, шил, примерял, подшивал, снова примерял, с сумасшедшей скоростью носясь вокруг Маши и Оли. Девочки даже стали волноваться, что они не успеют на бал. Но, наконец, Стрекомарик замер и посмотрел на произведение своих восьми ручек, лапок и хоботка.

– Я гений! Я превзошёл себя! Сказочная страна никогда не видела ничего подобного! – воскликнул Стрекомарик.

Он до поры до времени не разрешал Маше и Оле подойти к зеркалу. Он то подправлял оборку кружев, то прикалывал к платью яркий цветок. Маша и Оля изнывали от нетерпения, но зато потом, когда всё было готово...

– Ах! – они увидели в зеркале таких красавиц, что едва не задохнулись от восторга.

Олино платье было из семи рядов разноцветных кружев, шёлковых и переливающихся, как крылья бабочек. К платью Стрекомарик сшил маленькую бархатную шапочку, украшенную крошечными бриллиантами. Ножки Оли украшали туфельки с золотыми пряжками – лёгкие и мягкие, созданные для танцев.

Бальный наряд Маши выглядел ослепительно. Чего стоило тончайшее длинное платье, расшитое лепестками роз, осыпанное жемчугами, похожими на капельки росы! А веночек из бутонов с прозрачной маленькой вуалью! А атласные туфельки с застёжками из цветов мака, таких же, как в венке! Стрекомарик долго задумчиво смотрел на Машу, как художник, которому не хватает одного, последнего штриха. Потом, ни слова не говоря, улетел, вернулся с брошью, выполненной в виде алмазной розы, и заколол ею пояс Машиного платья.

«Бал! Бал! Бал!» – ровно в девять зазвонил над Волшебной долиной невидимый колокол. Как из-под земли возникли накрытые столы с яствами. Заиграл оркестр.

Богатырь Святозар в новой серебряной кольчуге принимал поздравления. Одна крошечная сороконожка едва не упала в обморок от счастья, когда он осторожно пожал ей все её сорок ручек, которые в равной степени являлись и ножками.

Куклаваня заявился в новом фраке. Фрак сидел на Куклаване несколько мешковато, потому что пупс переложил всю дребедень, которая была в прежней куртке, в его карманы. Естественно, они сразу же оттопырились. Рядом с Куклаваней стоял Ученичкин в красном колпаке и галантно раскланивался со всеми знакомыми и незнакомыми людьми и зверюшками.

Когда начался бал, все жители Сказочной страны закружились в вальсе. Одна за другой по траве проносились пары, лёгкие и грациозные... Феи и эльфы, короли и королевичи самозабвенно танцевали. А рядом с ними лихо отплясывали медведи и лоси, лисы и волки, белки и суслики. В воздухе мелькали птицы в ярких оперениях, а в траве копошились жуки, комары, мухи.

Куклаваня мялся-мялся, а потом подошёл к Оле и толкнул её в бок:

– Пошли танцевать, кукла! Я тебя приглашаю! Только не вздумай наступать мне на ноги. А то ты тяжёлая, как танк.

Оля окинула Куклаваню критическим взглядом:

– Вытащи сначала из карманов весь мусор. Ты гремишь, как жестянка с гвоздями. Фрак не для того пошит, чтобы держать в нём железки.

Куклаваня вздохнул.

– Не могу. Вдруг их кто-нибудь стащит? Не доверяю я этому народу. Глянь на ту белку! Так глазищами и зыркает.

– Как ты можешь так говорить! Это же Сказочная страна! – возмутилась Оля.

– Сказочная-то она сказочная, а народ везде одинаковый! – проворчал пупс.

В эту минуту к Куклаване подошла белка, та самая, которая на него смотрела. Белка застенчиво дотронулась до рукава фрака маленькой лапкой и тихо спросила:

– Простите, вы Куклаваня?

– Ну вроде того, – ворчливо признал пупс. – Чего надо-то?

– Не могли бы вы дать мне автограф? Я видела по волшебному блюдцу, как храбро вы сражались со Злыднями, – и белка протянула пупсу кусок бересты и перо.

Куклаваня покраснел. Оля толкнула его в бок. Пупс взял бересту, наморщил лоб и написал корявым почерком: «*З гиройским приветам, Кыклованя*». На его счастье, белка не умела читать.

Пока пупс подписывал белке бересту, Оля унеслась в танце с одним ловким домовёнком. Домовёнок был ростом чуть повыше Оли и одет в синий кафтан с золотыми пуговицами. Куклаваня в сердцах топнул ножкой, а после, пожав плечами, принялся разгуливать по полянке, засунув руки в карманы.

Маша кружилась в вальсе с юным царевичем, который пригласил её, изящно поклонившись. Она никогда прежде не вальсировала и не знала, соглашаться ей или нет, но потом оказалось, что на Волшебной полянке под сказочную музыку просто нельзя танцевать плохо. Юбка Маши, расшитая лепестками роз, раздувалась на ветру.

«Бал! Бал! Бал!» – прозвенел колокол.

– Так и так же уже бал! – удивилась Маша.

– Это другое, – улыбнулся царевич. – Это бал времён года! Приготовься!

Маша почувствовала, как полянка медленно закружилась у неё под ногами. Неожиданно на раскрасневшуюся от танца щёку Маши упало что-то дразнящее и холодное. Сне-

жинка! Потом снег пошёл вдруг густо, и девочка ощутила на плечах тёплую и мягкую шубу из тополиного пуха. А они всё кружились, кружились.

Снег растаял так же стремительно, как и выпал. Шуба из тополиного пуха исчезла. На полянке наступила весна, тёплая и прекрасная, с птичьим пением и молодой листвой. За весной – лето. За летом пришла осень, золотисто-жёлтая, багряная, самая чудесная осень, которую Маше доводилось видеть.

Кошка Дуся вальсировала с котом Мяуном. Вернее, танцевала одна Дуся, а Мяун лениво переминался с лапы на лапу и позёвывал. Если бы не торжественный ужин, кот давно улёгся бы спать, а так приходилось ждать, пока начнётся угощение. Дуся много смеялась и кокетничала со всеми подряд.

– Как... я люблю... вальс!!! Ах, вальс, мой вальс!!! – напевала Дуся.

– Говорил я тебе, не пей валерьянки! А ты: «Отстань! Отстань!» – шипел Мяун.

После танцев все уселись за волшебные столы. Наступила минута сладостного ожидания, когда никто ещё не ест, но все уже облизываются.

– Пойдите! Нужно произнести какую-нибудь приличествующую случаю речь. Чтобы всё было по правилам! – закричал Ученичкин.

Некоторые жители Сказочной страны посмотрели на учёного гнома с раздражением, но другим его идея пришла по вкусу.

– А как это делается? В смысле, как это всё делается по правилам? – спросила дракониха.

– Ну... Вначале выбирают председателя, а потом председатель предоставляет кому-нибудь слово, – объяснил Ученичкин.

Мяун страдальчески вздохнул. Ужин откладывался.

– Предлагаю избрать председателем деда Горыныча! Он самый старый из жителей Сказочной страны! Даже Баба-яга его младше! – закричал Пыхалка.

Дед Горыныч откашлялся, выпустив из ноздрей клубы дыма. Все замерли, ожидая, что он скажет. Короли и цари бросали друг на друга ревнивые взгляды. Каждому хотелось произнести речь. Горыныч задумался. Потом его правая голова сказала:

– Как председатель, чтобы никого не обидеть, я предоставляю слово самому себе!

– Ура! Дедушке поручили произносить торжественное слово! – закричал Пыхалка.

Некоторые монархи едва не лопнули от зависти, но в конце концов решили, что Горыныч поступил мудро. В противном случае они бы все перессорились.

– Долгое время Сказочная страна страдала от Злыдней. Они появлялись ночью и лишали нас воли. Даже могучий богатырь Святозар был околдован, усыплен и заточён в Соляную пещеру. Никто из жителей не осмеливался носу показать из дома после наступления сумерек. В жизнь Сказочной страны впервые за её историю вошёл страх. Так продолжалось долго, но существовало пророчество, что Сказочная страна будет спасена нездешней девочкой и юным дракончиком.

Когда прибыла Маша, мы не сразу поняли, какой великий подвиг ей суждено совершить. Но потом, когда она и её друзья вызвались идти в замок Злыдней через Мёртвые горы, в сердцах жителей Сказочной страны появилась надежда, что пророчество сбудется. В блюдце мы видели, как они бесстрашно пробирались по утёсам Мёртвых гор, как отбивались от летучих мышей, как плутали в лабиринте, как разбудили богатыря Святозара и победили Злыдней.

Спасибо Маше, маленькой девочке, поборовшей свой страх! Спасибо кошке Дусе и её острым глазам! Спасибо Ученичкину, его уму и смекалке! Спасибо храброму пупсу Куклавану и его неистощимым карманам! Спасибо здравому смыслу куклы Оли! Спасибо, моему внуку Пыхалке, Алёнушке, коту Мяуну и богатырю Святозару, без которых тоже не было бы этой победы! Поблагодарим же их от всей души!

Маше и её друзьям было неловко от всех этих восхвалений. Они переминались с ноги на ногу и переглядывались. Только Куклавания, не страдавший от излишка скромности, чувствовал себя как рыба в воде. Раскланивался, раздавал полуграмотные автографы, рвался фотографироваться на память, но, к сожалению, оказалось, что в Сказочной стране нет фотоаппаратов.

Пока Горыныч говорил, кот Мяун дважды собирался запустить когти в рыбу на столе, но кошка Дуся шипела:

– Прекрати! Ещё никто не ест!

Сама Дуся внимательно прослушала речь Горыныча и нашла, что далеко не все её заслуги упомянуты. «Он забыл, что это я первая решила идти сражаться со Злыднями! И про кошку-освободительницу!» – возмущалась Дуся.

После речи деда Горыныча все принялись за угощенья. Волшебные тарелки и кружки не пустели ни на секунду. Стоило шепнуть в кружку: «Квас», как там появлялся квас. Шепнёшь: «Апельсиновый сок», появлялся апельсиновый сок. Не было ни одного напитка, которого не знала бы волшебная кружка. С волшебной тарелкой происходило то же самое. Она наполнялась любыми названными кушаньями. Ученичкин потратил на описание чудопосуды целых пять страниц в записной книжке.

– Говорите, ваша тарелочка знает все блюда? – заинтересовался Куклавания. – Тогда пусть приготовит мне вот что. Берётся два килограмма сушеного лука, банка сливового варенья, три крокодилийх яйца, слипшаяся вермишель, гречневая крупа и костная мука, добавляется рыбий жир и постное масло, соль, сахар, перец и маргарин по вкусу. Всё это тща-

тельно прожаривается, заквашивается на дрожжах, посыпается миндальным шоколадом и как следует пропекается.

– Пупс, где ты только раздобыл свой кошмарный рецепт? Это случайно не отравка для кого-нибудь? – поморщилась Оля.

– Завидуешь, что сама не додумалась? Я его сам сочинил. Этой тарелке с моим фирменным блюдом не справиться, – заявил пупс.

Но тут на волшебной тарелке пупса появилось нечто, отдалённо напоминающее пирог, посыпанный шоколадом и облитый рыбьим жиром. Куклавания облизнулся и проглотил целый кусок, почти не разжёвывая. Вначале лицо пупса ничего не выражало, кроме удивления, потом Куклавания поморщился и закричал:

– Тьфу! Какая гадость! Это всё тарелка виновата: так испортить мой гениальный рецепт!

Когда пир закончился, Баба-яга подошла к гостям.

– Мы хотим подарить вам золотые билеты в Сказочную страну. Тот, у кого есть такой билет, сможет попасть на остров Буян, когда пожелает.

И Баба-яга дала Маше, Ученичкину, Дусе, Куклаванию, Оле и зайчикам по золотому билету. На них были написаны имена друзей для того, чтобы никто другой не смог ими воспользоваться. Не успели гости полюбоваться своими золотыми билетиками, как неожиданно, хлопая крыльями, прилетела сова Фима.

– Кактусы расцветают! Видели бы вы, какое в подземном саду сияние!

Маша вспомнила слова Пыхалки о том, что все желания сбываются, когда на кактусах появляются самые красивые в мире цветы. Вот только цветут они совсем недолго.

– Быстрее! Мы должны успеть! – крикнул Пыхалка.

В подземном саду раскрывались бутоны чудо-кактусов. Уже на ступеньках разливалось неровное мерцающее сияние. Над колючими шарами кактусов на тоненьких ножках взметнулись огромные полупрозрачные бутоны. Они были ещё закрыты, и лишь в сердцевине пульсировало что-то красное, яркое, загадочное. На глазах у восхищённых зрителей бутоны стали раскрываться. В середине самого большого бутона на креслице сидела седая старушка и спицами вязала чулки.

Старушка подняла на друзей глаза, не переставая перебирать спицами.

– Я фея самого красивого в мире цветка! Я исполню любое ваше желание. По одному на каждого. Но торопитесь – через пять минут цветы исчезнут. Подходите ко мне и просите!

– Иди! Загадывай! – дракониха слегка подтолкнула Машу к цветку.

– Я хочу, чтобы с моими родителями, родными, друзьями и со мной всегда всё было хорошо, – немного растерявшись, сказала Маша.

– Так и будет. Обязательно будет! – улыбаясь, пообещала фея.

Следующим к фее пролез Куклавания. Он некоторое время раздумывал, не пропустить ли вперёд Олю или Дусю, но потом решил, что не стоит их особенно баловать.

– А я хочу десять пачек печенья, сто банок варенья, мешок шоколаду, тысячу миллионов долларов наличными, виллу в Калифорнии и жену – хрустальную балерину! Не такую круглую, как Олька! – затараторил пупс.

– Постой, дружок! – остановила Куклаванию фея. – Я предупреждала, что могу исполнить только одно желание. А так как желаний у тебя много, то я исполню первое. Вот тебе твоё печенье!

Фея шевельнула спицами, и у ног пупса выросла горка печенья. Куклавания застонал.

После пупса наступила очередь куклы Оли. Оля долго открывала рот и никак не могла решиться.

– В чём дело? Вижу, ты сомневаешься... – спросила фея.

Оля замялась:

– Никак не решу, что мне пожелать. С одной стороны, надо бы попросить синего неба над головой и мира во всём мире... Но ещё сильнее мне хочется, чтобы к моему московскому домику пристроилась ещё одна комнатка с холодильником и кухонным столиком. И чтобы в кране была горячая вода. Настоящая!

– Хорошо! – кивнула фея. – Комнатку с холодильником и столиком к твоему домику я уже пристроила, а насчёт прочего: время покажет. В конце концов, ты попросила это не только для себя.

Кошка Дуся просяще дотронулась до волшебного цветка лапкой:

– Хочу, чтобы все коты влюблялись в меня с первого взгляда!

– Хорошо, я поняла, что ты хочешь. На твоём месте я бы пожелала «того самого, единственного», но желание уже высказано... Не пожалей потом! – улыбнулась фея.

Гном Ученичкин попросил такого ума и такой памяти, которая позволила бы ему узнать всё на свете.

– Ну, положим, всё на свете – это много, но знаний я тебе прибавлю, – пообещала фея.

Робкий лепет зайчиков Синеуса и Трувора фея даже слушать не стала.

– Я и сама знаю, что вам нужно. Немного больше храбрости и чтобы росли здоровые... Осталась всего минута. Пришло время исполнить желания дракончиков. Ведь это они ухаживали за волшебными кактусами все эти годы, – поторопила она.

Едва драконы успели произнести свои желания (Маша их не расслышала, они говорили слишком тихо) и фея их исполнила, как цветы кактусов стали закрываться. Фея махнула на прощание рукой и исчезла.

– Какой замечательный день! – сказала Маша растроганно.

Куклаваня скривился.

– Ага, замечательный! Кто-нибудь, помогите мне дотащить это мерзкое печенье! – проворчал пупс.

Глава двадцать четвёртая КНЯГИНЯ АНТОНИНА ПИРОЖЕВСКАЯ

Прошло три дня. Родители Маши должны были уже вернуться, но вместо этого пришла телеграмма: «ПРИЕЗДОМ ЗАДЕРЖИВАЕМСЯ ДВА ДНЯ СЛУШАЙСЯ АНТОНИНУ ПЕТРОВНУ ЦЕЛУЕМ СКУЧАЕМ МАМА ПАПА».

– Ага, – сказала Михрютка, внимательно прочитав телеграмму, – картина ясна. «Целуем, скучаем» – это всё демагогия. А где суть? Суть вот: «Два дня слушайся Антонину Петровну»... Два дня уже прошли, следовательно, дальше можно не слушаться!

Всё время, пока Михрютка жила у Авдохиной, Пирожков был их частым гостем. Он приходил ранним утром и не уходил до позднего вечера. Князь сидел на кухне, с аппетитом поглощал молочные продукты и рассказывал скучные истории из своей жизни. У Михрютки от них челюсти сводило в бесконечной зевоте, но Авдохина слушала Пирожкова сочувственно и знай себе поддакивала. «И как она его только терпит?» – думала Михрютка.

Когда вечером Пирожков ушёл, она не удержалась и спросила Авдохину:

– И долго он будет торчать у нас в кухне? У него что, своей кухни нет, что ли?

Авдохина ответила ей как бы про себя, рассеянно водя ручкой по бумаге.

– Это не твоё дело! Взрослые без тебя разберутся, кого им приглашать! А вообще-то Пирожков милый. Конечно, он уже в годах, но, с другой стороны, я тоже не девочка...

Михрютка чуть не упала со стула.

– Это Пирожков-то милый? Да он зануда из зануд! Даром что князь!

Но Авдохина, казалось, её и не слышала. Она изумлённо смотрела на бумагу, на которой незаметно для себя вывела: «Княгиня Антонина Пирожевская».

Михрютка проследила за взглядом Авдохиной, увидела написанное и пришла в крайнее изумление: «Княгиня Пирожевская! Авдохина хочет стать княгиней Пирожевской! Ничего не понимаю, ну, ничего!»

Тем же вечером Пирожков в майке, в спортивных штанах, вытянутых на коленях, и рваных тапочках, откуда выглядывали большие пальцы, чистил перед сном зубы. Чистил себе и чистил, а тут неожиданно услышал укоризненный голос:

– Почему ты не сделаешь Авдохиной предложение? Ходишь-ходишь в гости, занудствуешь, а жениться не хочешь, нехорошо-с!

Пирожков резко повернулся, желая увидеть своего собеседника. Но ванная была пуста. Он точно знал, что один в квартире и что дверь у него заперта на замок и цепочку.

– Так-то, милейший! Нехорошо-с! Женись на Авдохиной, слышишь, женись!

– Вы кто? – дрожащим тенорком спросил Пирожков.

– Кто надо! Я твой внутренний голос!

Пирожков выронил зубную щётку и выбежал из ванной. Он помчался к себе в комнату и поспешно захлопнул за собой дверь.

– Уф! Спасся! – выдохнул он.

– От кого спасся-то? Думаешь, от меня так просто избавиться? Хороший я был бы внутренний голос, если бы меня можно было запросто выставить за дверь! Сделай Авдохиной предложение!

Отчаявшись спастись от навязчивого голоса, Пирожков сел на край кровати и жалостливо сказал:

– Не могу! Антонина Петровна – положительная женщина и очень мне нравится, но не могу.

– Почему?

– За свою жизнь я делал предложение девять раз и двенадцать раз мне отказали, – пояснил Пирожков.

– Но как такое может быть? Раз ты делал предложение девять раз, значит, и отказать тебе должны были девять раз, – удивился внутренний голос.

– А вот и нет, – вздохнул Пирожков. – Последняя девушка отказала мне целых три раза, хотя я и сделал одно предложение. «Нет, нет и нет! – сказала она. – Я ещё в своём уме!»

– Бедняжка! Но почему бы тебе не попытаться сделать предложение в десятый раз? Десять – счастливое число, кругленькое такое, – хмыкнул внутренний голос.

– Я не могу себя заставить! В десятый раз я не переживу отказа!

– Но девять раз же пережил!

– Тогда я был моложе... – вздохнул Пирожков.

– Но тогда же ты не был князем! Постарайся!

– И стараться не буду! Вот если бы это произошло как-нибудь незаметно для меня, само собой... – заупрямился Пирожков.

– Может быть, всё так и будет... – загадочно пообещал внутренний голос. – А пока купи цветы и не забудь выгладить брюки.

– Цветы? – быстро переспросил Пирожков. – Зачем цветы? Я уже один раз дарил. Она их что, потеряла?

На другой день Пирожков и Авдохина пили чай в кухне и говорили на самые незначительные темы.

– Лето в этом году дождливое, а в прошлом было солнечное. Я так думаю, если один год оно дождливое, то на следующий обязательно будет солнечное.

– Не скажите, не скажите! Иногда и два года бывает тёплая погода. Это как повезёт. Вот я, помнится, ездил в санаторий, так за двенадцать дней, представьте, ни одного дождя.

Неожиданно дверь на кухню скрипнула и открылась. Пирожков встал и плотно прикрыл дверь.

– Сквозит. У меня радикулит, мне на сквозняке нельзя!

Через несколько минут, когда Авдохина на мгновение отвернулась к плите, где у неё поджаривались творожники, в кухне вдруг кто-то сказал:

– Авдотья Петровна, я вас люблю!

Авдохина от изумления едва не уронила себе на ногу сковороду.

– Вы что-то сказали, Пётр Петрович?

– Кто? Я? Я ничего не говорил! – Пирожков хрустел печеньем и ничего не слышал.

– Наверное, мне показалось. – Авдохина принялась помешивать ложкой в пустой кастрюльке.

– Я вас люблю, Антонина Петровна! – опять прозвучал дребезжащий тенорок за её спиной.

Авдохина вздрогнула и впилась глазами в Пирожкова. Князь сидел за столом бледный и крошил хлеб в чай.

– Это вы сказали, я слышала!

– М-может быть, и не я!

– Нет, вы! Повторите! Я же не глухая!

– Б-будьте м-моей ж-женой! – отчаянно и уже от себя повторил Пирожков. Слова про любовь он предусмотрительно пропустил. Не было смысла повторять их за внутренним голосом.

Авдохина сделалась красной, как помидор, и села на пол.

– Смотрите, дверь опять открылась! – сказала она.

Глава двадцать пятая В МОСКВУ!

Маша провела в Сказочной стране ещё несколько дней. Она купалась, загорала, играла, ходила в гости к Алёнушке и Бабе-яге. Но однажды неожиданно для себя девочка вспомнила пыльный московский дворик, покрытый тополиным пухом, и ей захотелось домой на Астрадамскую улицу. Маше казалось, что её друзья ни за что не согласятся покинуть Сказочную страну и вернуться в Москву. Но однажды она увидела, как кукла Оля озабоченно рассматривает прищепку для белья, которую нашла в кармане старого платья.

– Как там мои цветы в Москве? Кто их поливает? А мой домик? Не помню, заперла я его на задвижку перед отъездом или нет? – озабоченно сказала Оля.

Тут к Маше и Оле подошел Куклавания:

– Странно, что в Сказочной стране не научились варить приличного вишнёвого варенья. Свежей вишни полно, а варенья – ни ложки!

– Что это ты о варенье заговорил? – спросила Маша.

– Я вспомнил, что приезжает твоя другая бабушка, которая всегда привозит варенье. Ты что, забыла? Ай-ай-ай! Ладно забыть про бабушку, но про варенье! Это дилетантизм! – возмутился пупс.

– Бабушка! Ах да, сейчас же лето! – воскликнула Маша.

Маша очень любила свою бабушку и всегда с нетерпением ожидала её приезда.

Они отправились к кошке Дусе, чтобы выяснить её планы. Последние дни Дуся всё время проводила с котом Мяуном возле домика Бабы-яги. Но в этот раз Маша, Куклавания и Оля нашли Дусю на поляне у ручья. Её легкомысленная мордочка выглядела возмущённой и недовольной.

– Я поняла, что у Мяуна по отношению ко мне нет серьёзных намерений, – негодуя промяукала Дуся.

– А какие намерения есть? Несерьёзные?

– Вообще никаких нет! Ему бы только спать и есть! А я потратила на него уйму времени! Нет, хватит! Пора в Москву!

– К мусорным котикам? – уточнил Куклавания и едва увернулся от оплеухи.

– Узнаю прежнюю Дуську! Похоже, ты не умрёшь от любви! – завопил он радостно.

– Ещё чего! Не очень-то и хотелось! Что, в сущности, такое этот ваш Мяун? Обыкновенный провинциальный кот! – заявила кошка.

Ученичкин и зайчики Синеус и Трувор тоже решили вернуться в Москву вместе со всеми. В Сказочной стране Ученичкин собрал массу материала и теперь хотел писать книгу.

– Надеюсь, вы не станете отрываться от научной работы? – спросил он озабоченно.

– И не подумаем. Чем больше ты работаешь, тем меньше у тебя остаётся времени для нравочений, – заверил его пупс.

Вечером, когда всё семейство дракончиков собралось в гостиной, друзья сказали, что хотят в Москву. Пыхалка ужасно огорчился. Он отвернулся и сделал вид, что ему в глаз попала соринка.

– Помните, что у вас теперь есть золотые билеты! Вы всегда сможете прилететь! – напомнил он.

– Мы будем часто-часто прилетать к тебе, а ты к нам. Правда, Пыхалка? – Маша погладила дракончика по блестящей чешуе.

На следующий день друзья отправились к Бабе-яге, богатырю Святозару и Алёнушке попрощаться.

– Никогда бы не подумал, что мне будет грустно с вами прощаться, но мне грустно, – заявил Куклаваня.

У Маши и куклы Оли были красные глаза и носы.

– Прощайте, мои хорошие! Авось ещё свидимся! – Баба-яга поцеловала Машу в макушку.

– До свидания, бабушка!

Баба-яга была явно тронута:

– Яга да Яга, а тут нате вам: бабушка! – проворчала она.

Дуся подошла к коту Мяуну, который разлёгся в пыли на солнцепёке, и небрежно сказала:

– Представь, я уезжаю в столицу. Здесь, знаешь ли, климат слишком холодный.

Мяун зевнул.

– Разве? Черкни как-нибудь письмецо!

– Не думаю, что найду на это время. В Москве у меня столько поклонников! Они мне просто проходу не дают! Всё время ходят вокруг, поют серенады, умоляют...

Дуся покосилась на Мяуна, чтобы проверить, не спит ли он. Мяун не спал. Он благожелательно слушал её, изредка поворачиваясь к солнышку другим боком.

– Ну и пусть умоляют! А мне и у Бабы-яги хорошо! – сказал кот.

Иванушка и Алёнушка были искренне огорчены и успокоились, только когда Маша пообещала приехать в Сказочную страну на каникулы.

– Мы будем ждать! А когда у вас каникулы?

– Осенние обычно осенью, а зимние – зимой. Хотя раз на раз не приходится, – авторитетно пояснил Куклаваня.

– Кто бы говорил! У тебя, пупсина, вечные каникулы, – фыркнула Оля.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, дракончики с Машей, Дусей, Ученичкиным, Куклаваней и Олей, а также с зайчиками Синеусом и Трувором на спинах сделали круг над островом Буяном и взяли курс на Москву. На обратном пути друзья уже не спали и, пока длился полёт, смотрели на белую вату облаков.

В Москве они были к полуночи, когда папа и мама Маши уже спали. Увидев Пыхалку и драконицу, Михрютка очень обрадовалась. Как ни хорошо ей было, но она скучала по острову Буяну не меньше, чем Маша по своему дому.

И вот Маша опять в своей комнате. Здесь всё по-прежнему. Ничего не изменилось за время её отсутствия. Кукла Оля подбежала к своему домику на подоконнике и открыла дверцу. Хотя комнатка выглядела чистенькой и очень опрятной, кукла решила немедленно сделать генеральную уборку.

– Пыли-то сколько, пыли! – Оля радостно схватилась за веник.

Несмотря на позднее время, Ученичкин побежал на чердак писать свою книгу. Он заявил, что ночью пробуждается его научное вдохновение.

Куклавня первым делом полез под кровать и, к своему успокоению, обнаружил, что припрятанная банка с вареньем цела и невредима.

– Ну как всё прошло? Никто не заметил отсутствия Маши? – спросил Пыхалка у Михрютки.

– Наоборот, все заметили её присутствие. Даже те, кто раньше его не замечал, – сказала Михрютка.

– А папа с мамой ничего не заподозрили? – забеспокоилась Маша.

– Нет. Они только сегодня вернулись из командировки. А завтра приезжает твоя бабушка. Жаль, что у меня не будет времени с ней познакомиться.

– Оставайся! Погости у нас ещё! – предложила Маша.

Но Михрютка отказалась:

– Больше не могу. По-моему, для такого сравнительно небольшого города, как Москва, и одной Маши более чем достаточно.

Друзья попрощались. Маша, кукла Оля и Дуся обняли Михрютку и Пыхалку и пожелали им лёгкой дороги в Сказочную страну. И дорога, в самом деле, прошла без неприятных приключений. Куклавня, Ученичкин и зайчики похлопали Пыхалку по плечу, по лапе и по хвосту – кто куда достал.

Дракончик повернулся к балкону, крикнул: «До свидания!» и собрался улетать, но Маша окликнула его:

– Пыхалка!

– Да? – Дракончик обернулся.

– Как ты думаешь, если бы кто-нибудь написал про нас книгу, то место, где мы расстаёмся, было бы печальным?

– Ну не очень печальным. Мы же не совсем расстаёмся. У тебя остался волшебный билет, и ты в любую минуту сможешь навестить нас в Сказочной стране, – сказал дракончик.

Вопрос Маши услышал и Куклаваня. Пупс по плечо засунул руку в банку с вареньем и подьедал остатки на самом доньшке.

– Готов поспорить, что самым грустным местом в книжке стала бы разлука со мной. Все дети рыдали бы в три ручья. Девочки и мальчики захотели бы встретиться со мной снова и присылали бы письма и телеграммы: «Дорогой Куклаваня! Приезжай к нам в гости!» Причём к каждому письму прилагалась бы банка с вишнёвым вареньем без косточек. Тратить время на выплёвывание косточек – для этого я слишком занятой человек! – заявил он.

